

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ КАЗЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ИМЕНИ В.Я. КИКОТЯ»

ПОЛИЦИЯ РОССИИ:
**ТРИ ВЕКА НА СТРАЖЕ ПРАВОПОРЯДКА
И ЗАКОННОСТИ**

Сборник статей

Московский университет
МВД России имени В.Я. Кикотя, 2018

ISBN 978-5-9694-0620-9

Москва
2018

ББК67.401.213

П50

Рецензенты:

– начальник Центра подготовки сотрудников полиции для подразделений по охране общественного порядка ВПК МВД России кандидат юридических наук **Целуйко А. В.**;

– начальник кафедры гражданско-правовых дисциплин ФГКОУ ВО «Восточно-Сибирского института МВД России» доктор исторических наук, профессор **Синиченко В. В.**

Редакционный совет:

Ю. А. Артамонов – председатель;

А. П. Яцкова – заместитель председателя;

Ю. А. Иванченко – ответственный секретарь.

Полиция России: три века на страже правопорядка и законности : сборник статей вузовской научно-практической конференции (17 мая 2018 г.) : научное электронное издание (1,2 Мб). – М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2018. – 174 с. – 1 электронный опт. Диск (CD-R). – Систем. требования: СUP 1,5 ГЦ; RAM 512 Мб; Windows XP SP3; 1 Гб свободного места на жестком диске.

ISBN 978-5-9694-0620-9

17 мая 2018 г. кафедрой истории государства и права Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя была проведена вузовская научно-практическая конференция «Полиция России: три века на страже правопорядка и законности». По итогам конференции профессорско-преподавательским составом кафедры был подготовлен сборник статей. Входящие в сборник статьи охватывают значительный период времени: от становления системы органов охраны общественного порядка в Киевской Руси, организации и деятельности полиции Российской империи и до роли органов внутренних дел в деле обеспечения прав человека на современном этапе развития Российского государства.

Предназначен для преподавателей, адъюнктов, курсантов и слушателей образовательных учреждений системы МВД, а также для широкого круга читателей, интересующихся развитием системы правоохранительных органов Российского государства.

ББК67.401.213

В авторской редакции

Научное электронное издание

Компьютерная верстка *Кухаревой Е. А.*

Усл.-печ. л. 10,11.

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя

117997, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 12

http: //www.mosu.mvd.ru, e-mail: support_mosu@mvd.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	5
<i>Ю. А. Артамонов</i>	
К вопросу об уголовных наказаниях в Древней Руси.....	7
<i>Г. П. Рифицкий</i>	
Обеспечение безопасности дорожного движения в эпоху гужевого транспорта.....	13
<i>А. Н. Журов</i>	
Организационно-правовые основы развития городской полиции Российской империи в XVIII в.	31
<i>Е. В. Мельник</i>	
Участие российской полиции в борьбе с корчемством в XVIII в.	36
<i>О. М. Хабарин</i>	
Институт фискалов как орган полицейского аппарата в России в первой четверти XVIII в.	43
<i>А. В. Давиденко</i>	
Полицейские чиновники Сычевского уезда Смоленской губернии – вожди народной войны в 1812 г.	48
<i>Д. Г. Шелестинский</i>	
Внутренние войска Российской империи накануне Отечественной войны 1812 г.	71
<i>Н. Л. Феднева</i>	
Роль Министерства полиции в сохранении памяти об Отечественной войне 1812 г....	75
<i>Е. С. Левкина</i>	
Организационно-правовые основы участия населения в охране общественного порядка и предупреждении преступлений в Российской империи в XVIII – первой половине XIX в.	79
<i>Н. В. Шингарева</i>	
Организация предварительного следствия в Российском государстве в дореформенный период.....	82
<i>Т. Л. Матиенко</i>	
Полиция Российской империи в механизме государства в XIX – начале XX в.	93
<i>А. П. Яцкова</i>	
Практическая деятельность судебных следователей во второй половине XIX в.....	102
<i>М. А. Базарнов</i>	
Правовые основы организации Московской полиции в дореволюционной России	107
<i>К. О. Калинина</i>	
О земской страже Российской империи (на примере семейной истории).....	111
<i>П. В. Летникова</i>	
Зарождение системы сенатских ревизий как формы контроля над деятельностью местной администрации в первой четверти XVIII в.	115

<i>А. Н. Федин</i> Систематизация полицейского законодательства в рамках Свода законов Российской империи.....	119
<i>П. И. Алешин</i> Отражение правовой политики Российского государства по противодействию антигосударственной деятельности в административном законодательстве (вторая половина XIX в.)	122
<i>Ю. А. Иванченко</i> Российская мировая судебная система в период Великой российской революции	130
<i>Д. А. Саенко</i> Полицейское обмундирование: уроки истории	134
<i>А. И. Абдрахманов</i> О содержании и выражении социально-политических идей народного комиссара внутренних дел Г. И. Петровского	139
<i>А. И. Абдрахманов, М. Ю. Бряков</i> О переходе к организации штатной рабоче-крестьянской милиции в 1917 г. – первой половине 1918 г.....	145
<i>А. Д. Проказин</i> Становление советского уголовного розыска (1917-1921 гг.): мифы и реальность	151
<i>Е. А. Трофимов</i> Организационно-правовые основы деятельности ОБХСС в Советском государстве	156
<i>Е. Г. Ермаков</i> Вклад органов внутренних дел СССР в борьбу с детской беспризорностью в годы Великой Отечественной войны.....	161
<i>Е. А. Беспалова</i> Советская милиция в период «оттепели»	166
<i>Е. Г. Войде</i> Роль деятельности органов внутренних дел в обеспечении прав человека на современном этапе.....	170

Предисловие

Приказ МВД России от 5 марта 2018 г. № 121 объявил 5 июня Днем образования российской полиции. В этот день 300 лет назад по распоряжению Петра I была учреждена должность Санкт-Петербургского генерал-полицмейстера и издан руководящий документ, который по обыкновению тех времен носил весьма пространное название, полностью отражающее его содержание: «Пункты, данные Санкт-Петербургскому генерал-полицмейстеру. О смотре, чтобы строение домов производилось по указу; о содержании улиц в чистоте; о допущении торговых шалашей в указанных местах; о съестных припасах, о подозрительных домах, о гулящих людях, о приезжих и отъезжающих; об определении с дворов караульщиков, в каждой слободе или улице старост и при каждом десяти дворах десятского и о распространении повинности постоя на людей всякого чина и звания»¹. Дата принятия этого акта послужила своеобразной точкой отсчета в истории становления регулярной полиции России, о которой сам Петр I говорил, что она есть «душа гражданства и всех добрых порядков и фундаментальный подпор человеческой безопасности и удобства»².

Отдавая должное вкладу полиции в дело борьбы с преступностью и поддержания общественного порядка за весь период ее существования, Президент России В. В. Путин отметил, что «все прошедшие эпохи российская полиция эффективно решала поставленные задачи, ее лучшие представители в самых сложных, нештатных ситуациях неизменно демонстрировали стойкость и мужество, твердо стояли на страже закона».

17 мая 2018 г. в Московском университете МВД России имени В.Я. Кикотя состоялась научная конференция профессорско-преподавательского состава, соискателей и курсантов на тему «Полиция России: три века на страже правопорядка и законности». В рамках состоявшейся дискуссии было отмечено, что за 300 лет своего существования российская полиция неоднократно реформировалась и к началу XX в. представляла собой хорошо отлаженный механизм поддержания правопорядка, деятельность которого обеспечивали высококвалифицирован-

¹ ПСЗРИ. Собр. 1. Т. V. № 3203.

² ПСЗРИ. Собр. 1. Т. VI. № 3708.

ные специалисты. Весь период своего существования полиция стояла на страже общественной безопасности, боролась с преступностью. В перечень ее задач входили забота о торговле, надзор за соблюдением санитарной и пожарной безопасности. Сотрудники полиции должны были обеспечивать контроль над соблюдением паспортного режима, осуществлять поиск беглых, бороться с нищенством, проституцией, азартными играми и пьянством. Однако в отечественной исторической и историко-правовой литературе долгое время доминировал взгляд на полицию, как на силу, противостоящую прогрессивному развитию российского общества и государства. Поэтому к вполне обусловленным мерам по обеспечению порядка, которые осуществляли сотрудники царской полиции, нередко «прикреплялся» ярлык «полицейского произвола».

Учитывая эти обстоятельства, авторы данного сборника предприняли попытку объективного анализа истории возникновения и деятельности правоохранительных структур дореволюционного периода, форм и методов обеспечения общественной безопасности, борьбы с преступностью, которые использовали наши предшественники. При этом необходимо отметить, что ряд статей в сборнике посвящен деятельности советской милиции и современной российской полиции, т. е. тем учреждениям, которые продолжили славные традиции дореволюционной полицейской службы. Обеспечение преемственности в правоохранительной деятельности является одним из важнейших условий ее эффективности, поскольку именно она позволяет обеспечить непосредственную передачу опыта работы от поколения к поколению.

Авторы выражают надежду, что настоящий сборник будет не только вкладом в научную разработку истории органов внутренних дел России, но и внесет определенный вклад в укрепление этой исторической преемственности.

*Доцент кафедры истории государства и права
кандидат юридических наук
полковник полиции А. П. Яцкова*

К вопросу об уголовных наказаниях в Древней Руси

Ю. А. Артамонов¹,

*заместитель начальника кафедры
истории государства и права
МосУ МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат исторических наук, доцент*

Обращение к учебной литературе по истории отечественного государства и права позволяет говорить о существовании искаженного представления об уголовных наказаниях в Древней Руси. Как правило, они определяются в качестве более или менее стройной системы композиций, т. е. денежных возмещений за причиненный вред. Данное представление основано на показаниях Русской Правды, где в качестве санкции за совершенное преступление чаще всего выступает денежное взыскание в пользу князя («вира» и «продажа») и пострадавшей стороны («головщина» и «урок»). Кроме того, в ней упоминается такой вид наказания, как «поток и разграбление», которое обычно характеризуют как «наиболее суровое», назначавшееся за умышленное убийство, поджог и конокрадство. Большинство исследователей сходятся во мнении, что оно состояло «в обращении преступника и членов его семьи в рабство и в конфискации его имущества»².

Однако данная конструкция далеко не в полной мере отражает реалии общественной жизни Древней Руси, о чем недвусмысленно свидетельствуют нарративные источники: летописи, повести, агиография. Они позволяют утверждать, что наряду с денежными взысканиями широкое применение в древнерусской уголовной практике имели и такие виды репрессий, как телесные наказания и тюремное заключение.

Одно из первых упоминаний о применении на Руси телесных наказаний связано с делом новгородского епископа Луки Жидяты, поставленного на кафедру в 1036 г. киевским князем Ярославом Владимировичем Мудрым (1019–1054). Согласно сообщению статьи 6563 (1055) Новгородской первой летописи, по извету собственного холопа

¹ © Артамонов Ю. А., 2018

² См., например: Исаев И. А. История государства и права России : учебник для юридических вузов. М., 1996. С. 22–23; Титов Ю. П. История государства и права России : учебник. М., 2002. С. 29–30; Шатилова С. А. История отечественного государства и права : краткий курс. М., 2002. С. 10. Хотя существуют и иные мнения.

епископ был вызван в Киев и осужден митрополитом Ефремом на заточение, в котором провел почти три года. Когда в 1058 г. Лука был оправдан и получил возможность вернуться в Новгород, клеветник, по вине которого он пострадал, был наказан урезанием носа и отсечением двух рук¹.

По сообщению Лаврентьевской летописи, в мае 1169 г. владимирский князь Андрей Юрьевич Боголюбский (1157–1174) отправил на суд митрополита в Киев претендента на Ростовскую кафедру Феодора, который обвинялся в сребролюбии и еретических воззрениях. Летописец отмечает, что в целях личного обогащения «лжеепископ» творил насилие над людьми, выжигая им очи, урезая языки, «распиная... и муча» немилосердно. Наказание оказалось соразмерно этим злодеяниям: митрополит Константин II постановил Феодору «языкъ урезати, яко злодею и еретику, и руку правую утяти, и очи ему выняти, зане хулу измолви на святую Богородицу»².

Как следует из рассказа о преступлениях и наказании Феодора, на Руси практиковалось не только отсечение частей тела, но и ослепление. Наиболее известным случаем его применения стала расправа в 1097 г. над теребовльским князем Василько Ростиславичем. Согласно рассказу современника и очевидца событий виновником этого злодеяния был волынский князь Давыд Игоревич, который сумел убедить киевского правителя Святополка Изяславича (1093–1113) в том, что именно Василько был инициатором убийства его брата Ярополка в 1086 г., а теперь вынашивает замысел лишить жизни самого великого князя и захватить Киев. Святополк сначала сомневался в правдивости слов Давыда, но затем уступил: он приказал схватить теребовльского князя и выдать его на расправу. В летописной «Повести об ослеплении Василька Теребовльского» сохранился подробный рассказ о процедуре ослепления:

«И в ту же ночь повезли Василька в Белгород – небольшой город около Киева, верстах в десяти; и привезли его в телеге закованным, высадили из телеги и повели в избу малую. И, сидя там, увидел Василько торчина, точившего нож, и понял, что хотят его ослепить, и возопил к

¹ Полное собрание русских летописей. Т. III. М., 2000. Стб. 182–183.

² Полное собрание русских летописей. Т. I. М., 2001. Стб. 356.

Богу с плачем великим и со стенаньями. И вот вошли посланные Святополком и Давыдом Сновид Изечевич, конюх Святополков, и Дмитр, конюх Давыдов, и начали расстилать ковер, и, разостлав, схватили Василька, и хотели его повалить; и боролись с ним крепко, и не смогли его повалить. И вот влезли другие, и повалили его, и связали его, и, сняв доску с печи, положили на грудь ему. И сели по сторонам доски Сновид Изечевич и Дмитр, и не могли удержать его. И подошли двое других, и сняли другую доску с печи, и сели, и придавили так сильно, что грудь затрещала. И приступил торчин, по имени Берендий, овчарь Святополков, держа нож, и хотел ударить ему в глаз, и, промахнувшись глаза, перерезал ему лицо... И затем ударил его в глаз, и исторг глаз, и потом – в другой глаз, и вынул другой глаз. И был он в то время, как мертвый. И, взяв его на ковре, взвалили его на телегу, как мертвого, повезли во Владимир»¹.

Ослепление Василько стало причиной длительной усобицы: против Святополка и Давыда выступили переяславский князь Владимир Всеволодович Мономах (1094–1113) и черниговские князья Олег и Давыд Святославичи. В укор Святополку поставили то, что он совершил насилие над младшим Рюриковичем без предъявления вины. При этом Владимир отмечал, что такого зла не было на Руси «ни при дедах, ни при отцах наших»². В данном случае переяславский князь имел в виду, конечно, не само ослепление, а его применение в отношении представителя правящей династии. Владимир не мог не знать о массовом ослеплении киевлян в 1069 г., совершенное по приказу его двоюродного брата князя Мстислава Изяславича. Этой расправе предшествовали следующие события.

В начале осени 1068 г. объединенные силы Ярославичей – Изяслава, Святослава и Всеволода – потерпели сокрушительное поражение от половцев на реке Альте (правый приток Трубежа). Когда это известие достигло Киева, горожане собрались на вече, где решили продолжить борьбу с кочевниками. С этой целью они потребовали у киевского князя Изяслава дать им коней и оружие, однако тот отказал. В городе вспыхнуло восстание, в результате которого киевский стол занял

¹ Лихачев Д. С. Повесть временных лет. СПб., 1996. С. 249.

² Там же. С. 250.

Всеслав Полоцкий, а Изяслав был вынужден искать спасения в Польше. Спустя почти восемь месяцев с помощью польского князя Болеслава II (1058–1079, король с 1076 г.) он сумел вернуть себе Киев. Вступлению Изяслава в город предшествовали массовые репрессии против тех, кто принимал участие в восстании. Рассказывая об этих событиях под 6577 (1069) г., летописец сообщает, что старший сын киевского князя Мстислав вошел в город раньше отца и жестоко расправился с участниками мятежа: часть из них он приказал предать смерти, а часть – ослепить¹.

Любопытно, что в рассказе о восстании киевлян 1068 г. содержится одно из наиболее ранних свидетельств о существовании в Древней Руси принудительной изоляции – тюремного заключения. Провозглашенный киевским князем Всеслав был освобожден горожанами из темницы – «поруба», в котором оказался по воле Ярославичей еще в июле 1067 г. Вот как описывает летописец освобождение полоцкого князя восставшими киевлянам: «И разделились надвое (горожане – Ю. А.): половина их пошла к темнице, а половина их пошла по мосту, эти и пришли на княжеский двор. Изяслав в это время на сенях совет держал с дружиной своей, и заспорили с князем те, кто стоял внизу. Когда же князь смотрел из оконца, а дружина стояла возле него, сказал Туки, брат Чудина, Изяславу: «Видишь, князь, люди расшумелись; пошли, пусть постерегут Всеслава». И пока он это говорил, другая половина людей пришла от темницы, отворив ее. И сказала дружина князю: «Злое содеялось; пошли ко Всеславу, пусть, подозвав его обманом к оконцу, пронзят мечом». И не послушал того князь. Люди же закричали и пошли к темнице Всеслава. Изяслав же, видя это, побежал со Всеволодом со двора, люди же освободили Всеслава из поруба – в 15-й день сентября – и прославили его среди княжеского двора»².

Как можно понять из рассказа летописи, древнерусская тюрьма представляла собой помещение, где общение с узником осуществлялось через небольшое оконце. По этой причине, вероятно, оно плохо проветривалось, что иногда приводило к смерти заключенных. Когда

¹ Полное собрание русских летописей. Т. I. М., 2001. Стб. 173–174.

² Лихачев Д. С. Повесть временных лет. СПб., 1996. С. 212. Заключительную фразу «и прославили его среди княжеского двора» нужно понимать в том смысле, что Всеслав был провозглашен горожанами киевским князем.

киевский князь Ростислав Мстиславич (1154–1167, с перерывами) узнал, что новгородцы взяли под стражу его сына Святослава, невестку отправили в монастырь, дружину сковали, а имущество разграбили, он приказал арестовать всех оказавшихся в Киеве новгородцев и заключить их в темницу. Наутро князю сообщили, что 14 из них умерли от удушья. Тогда Ростислав распорядился выпустить оставшихся в живых новгородцев и «развести их по городам»¹.

Более определенное свидетельство о том, что представляла собой древнерусская темница находим в «Сказании о чудесах святых страстотерпцев Романа и Давыда» – памятнике агиографии второй половины XI – начала XII в., посвященном первым русским святым Борису и Глебу. В нем рассказывается, что киевский князь Святополк Изяславич по ложному обвинению посадил в тюрьму двух мужей, заключив их в тяжкие оковы. Оказавшись в такой ситуации, они стали усердно молиться святым братьям и каждое воскресенье давали денег стражнику, чтобы он покупал просфору и относил ее в храм Бориса и Глеба. Прошло много времени, но тюремные сидельцы продолжали верить и молиться святым, призывая их на помощь. И эта помощь пришла. Вот как об этом повествует Сказание: «Тюремные двери были заперты, лестница была вынута и лежала снаружи, они же и многие другие заключенные спали внутри, и вот один из них внезапно очутился ночью снаружи темницы, продолжая спать. Когда проснулся он, то увидел себя освобожденным от оков и, оглядевшись, увидел оковы... изломанными и валявшимися около него...»².

Описание чуда позволяет говорить о том, что древнерусская тюрьма представляла собой «земляной мешок» – яму, которая сверху закрывалась деревянной конструкцией с люком («тюремные двери»), которая, возможно, представляла собой простой настил. Для того чтобы спуститься вниз или подняться наверх, применяли лестницу, которую после использования вынимали и держали поблизости, на поверхности земли («лестница была вынута и лежала снаружи»). Как следует из рассказа «Сказания», тюремные сидельцы носили оковы, что должно было затруднить возможность побега. Чудо, совершенное святыми

¹ Полное собрание русских летописей. Т. II. М., 2001. Стб. 510–511.

² Милютенко Н. И. Святые князья-мученики Борис и Глеб. СПб., 2006. С. 333.

Борисом и Глебом, состояло в том, что один из заключенных проснулся на поверхности земли без оков, когда двери люка были заперты, а лестница лежала снаружи. Можно предположить, что стены таких темниц укреплялись срубными конструкциями (отсюда – «поруб»), что не позволяло земляным стенам быстро оплывать. Строительство древнерусских «тюрем-порубов» не требовало больших материальных затрат и могло быть организовано практически в любом месте.

Представленный материал свидетельствует, что в Древней Руси наряду с системой штрафов, которая представлена в Русской Правде, существовали и более суровые наказания, а именно: ослепление, отсечение частей тела, тюремное заключение с использованием оков. При этом повествовательные источники дают понять, что данные репрессии применялись в течение всего домонгольского периода. А это в свою очередь ставит под сомнение столь популярный в учебной литературе тезис о том, что членовредительные наказания стали применяться в период складывания и укрепления Русского централизованного государства, как результат обострения классовой борьбы, укрепления личной власти московских великих князей и царей, влияния монгольской уголовной практики.

Обеспечение безопасности дорожного движения в эпоху гужевого транспорта

Г. П. Рифицкий¹,

профессор кафедры истории государства и права

МосУ МВД России имени В.Я. Кикотя,

доктор юридических наук, доцент

На территории нашей страны археологи находят многочисленные поселения древних народов. Они умели хорошо применять в качестве транспортных средств домашних быков, лошадей и верблюдов, которые впрягались в повозку, а многочисленные находки конской сбруи также свидетельствуют о важности их использования при управлении лошадью².

Большое значение в жизни древних предков славян имел переход к использованию металлов и особенно железа в качестве материала для орудий производства и оружия. Именно в эту эпоху человечество научилось широко применять животных в качестве средства передвижения и прокладывать примитивные, не только вьючные, но и колесные пути. Это и понятно, ибо одним из достижений указанной эпохи являлось изобретение повозки и боевой колесницы, широкое использование которых неизбежно приводило к прокладыванию сухопутных путей.

Сведения о тогдашних транспортных средствах – конных повозках – говорят о том, что древние предки славян умели искусно изготавливать повозки из прочных пород древесины. Мощное основание повозки покоилось на прочных поперечинах, служивших одновременно осями для вращающихся на них колес. Конструкция колес претерпела длительную эволюцию. Вначале это были массивные диски, сделанные из целых стволов толстых деревьев. Повозки с такими колесами диаметром от 30 до 45 см были найдены в курганах на Алтае в 1947 г. Затем появились колеса с уширенной ступицей, надевавшейся на ось. Такая конструкция позволяла перевозить грузы большого веса. Зимой для этих целей использовались сани – повозки на двух полозьях.

¹ © Рифицкий Г. П., 2018

² Лошадь была одомашнена к началу IV тысячелетия до н. э., а домашние породы лошадей появились во второй половине III тысячелетия до н.э. В период от второй половины IV и до конца III тысячелетия до н. э. домашняя лошадь стала частью культуры многих народов Евразии и использовалась как в военных целях, так и в сельском хозяйстве.

Не меньшее значение уделялось упряжи: гуж – кожаная петля в хомуте, которой с помощью дуги прикрепляют оглобли. Дуга – принадлежность упряжи в виде круто изогнутого ствола дерева, концы которой вдеваются в гуж для скрепления оглобель с хомутом. Таким образом, прослеживается историческая закономерность – технического состояния транспортных средств всех видов на различных этапах развития общества.

В конце IV в. племена Восточной Европы оказались вовлечены в крупные миграционные процессы, так называемое Великое переселение народов. Тюркские кочевники, вторгшиеся из Азии, – гунны – разбили готов, и последние ушли на Балканы, затем в Центральную и Западную Европу, т. е. начались крупномасштабные передвижения славянских племен. В течение VI–VIII вв. славяне заселили обширные пространства Восточной, Центральной и Юго-Восточной Европы. На западе они достигли Эльбы, на севере – Невы и Ладожского озера, на востоке – Средней Оки и Верхнего Дона, а на юге заселили весь Балканский полуостров.

С созданием Древнерусского государства с центром в Киеве начинается важный этап в развитии транспортных средств и сухопутных путей, в том числе строительство мостов. Например, постройка крупного деревянного моста через Днепр была осуществлена потомками Ярослава Мудрого около 1097 г. В государстве прокладывались не только магистральные (большие), но и местные проселочные дороги. Науке известны сведения о городском и деревенском ремесле, географии сбыта ремесленной продукции, а также росте городов и их размещении. По некоторым данным, уже в IX–X вв. на Руси было много городов, хотя и незначительных размеров.

В период раздробленности русских княжеств развитие транспортных средств и сухопутных путей не прекращалось, но накладывало на этот процесс своеобразный отпечаток. С одной стороны, рост частного боярского землевладения в условиях слабых экономических связей вел к экономической независимости феодалов (бояр и удельных князей) от великого князя. Развитие ремесла превращало города в независимые от Киева экономические и административные центры, увеличивало их количество (конец XII в. – 150 городов, середина XIII в. – 240). Вокруг городов складывались местные рынки, зарождалось товарное произ-

водство. В этот период такие старые города, как Киев, Владимир, Рязань и целый ряд других, потеряли свое первенство не только в политической, но и в экономической области. На внутреннем рынке и за рубежом их активно стали теснить такие города, как Тверь, Москва, Курск, Галич, Холм и др. По существу, лишь два старых города смогли укрепить свои позиции: Новгород и Псков.

С другой стороны, более важную роль начинает играть главная транспортная единица – лошадь. Если в предшествующий период лошадь была неотъемлемой частью общей дорожно-транспортной системы государства, то в условиях раздробленности русских княжеств каждый князь пытался лошадиную силу использовать в собственном хозяйстве (выращивание урожая, перевозка строительных материалов, организация торговых связей, военные походы и т. п.). Эта деятельность значительно расширялась в связи с организацией конюшен двух типов: для племенных лошадей и для рабочих лошадей. Вводится должность конюшего – придворного чина, который ведет свое происхождение от тиуна – должностного лица Древней Руси.

С третьей стороны, в условиях разобщенности русских княжеств в развитие транспортных средств и дорог были вовлечены местные русские мастера – плотники, столяры, санники, колесники. Изготавливались эти транспортные средства как отдельными умельцами с применением металлических деталей (оси, петли для крепления оглобелей к основанию телеги и т. п.), так и небольшими коллективами (артелями). В их задачу входили не только заготовка, сушка, обработка и распиловка древесины, но и серийное изготовление отдельных частей тогдашних транспортных средств. Эта многообразная деятельность носила сезонный характер, отсюда возникла пословица: «Готовь сани летом, а телегу – зимой».

В период становления Московского централизованного государства бурно развивались ремесла и сельское хозяйство. Повсеместно происходила не только дифференциация существовавших технологий, но и появление новых. В производстве руды, например, наблюдается отделение добычи и плавки руды от последующей ее обработки. В кожевенном производстве помимо сапожников появляются такие профессии, как ремесленники, сумники, чеботари, уздечники и др. Получили распространение водяные колеса и водяные мельницы. Пергамент стал

активно вытесняться бумагой, увеличился размер железных рабочих деталей сохи.

Развитие сельского хозяйства требовало изготовления конного инвентаря. Появляется много различных типов транспортных гужевых средств – сани-дровни, сани-возки, телеги для вывозки леса, крестьянские телеги, на которые устанавливались коробка для сыпучих грузов, корзины для сена или соломы, крутобокие бочки для воды, телеги-самосвалы, двуколки и другие типы гужевых транспортных средств.

Продолжало развиваться конюшенное дело. Еще в 1341 г. в грамоте сыновей Ивана Калиты как своеобразное ведомство упоминается «Конюший путь», впоследствии преобразованный в Конюшенный приказ, в ведении которого находились не только мастерские и палаты с готовыми изделиями, но также оформление княжеских выездов, обслуживание русских и зарубежных посольств и сами конюшни, придворные конюхи, табуны великокняжеских лошадей, а также имения, отведенные под их содержание, и многое другое.

Для построения транспортных средств, в основном телег, повозок и др., требовалось содействие разных специалистов: колесников, тележников, столяров, кузнецов и др. Плотничное дело мало чем отличалось от домонгольского периода. По-прежнему набор плотничьих инструментов состоял из топора, тесла, долота, к которому изредка добавлялись бурав и пила.

Транспортные средства представляли собой безрессорные кареты, не снабженные поворотным передним ходом, поэтому ездить в них по немощеным и неосвещаемым улицам было не очень удобно. Экипажи были в столь малом употреблении, что в домах не делали настоящих, широких ворот: на двор въезжали только верхом. Экипажи предоставляли высокопоставленным женщинам, больным и немощным¹.

Транспортные средства и сухопутные дороги начали приобретать большое значение в обеспечении не только внутренних, но и внешних сношений. В подтверждение этого можно привести некоторые данные, имеющие непосредственное отношение к сухопутным путям. Так, например, начиная с конца XIII в. в грамотах князей упоминаются такие

¹ Схожая ситуация в то время наблюдалась и в Европе. Так, в 1377 г., когда император Карл IV приезжал в Париж, король Карл V выслал ему навстречу один из своих самых богатых экипажей, так как император страдал подагрой и не мог ездить верхом.

распоряжения, как: «давать проезжим корм и подводы по пошине, как от старины пошло». В новгородских грамотах имеются упоминания о сухопутных путях и о том, что езда по ним для купцов «без пакости».

К этому времени относится организация так называемых «ямов», ямской службы или ямской гоньбы, т. е. такой организационной системы сообщений, при которой заранее заготовленные на определенных пунктах (ямах, станциях) подводы ждут требования к перевозке, осуществляемой по этой системе от яма к яму в соответствии с установленным распорядком. Определенный опыт организации этой службы был привнесен монголо-татарами.

Экономические, торговые и военные связи подвигали власть к созданию дорожной сети не только вокруг Москвы, но и на всей территории государства. Например, известная Владимирская дорога, которая в одной из летописей под 1395 г. названа «великой дорогой», подходила к Москве у Сретенских ворот. Что касается других московских дорог, то их направление обозначено названиями городов (Можайск, Волок-Ламский, Калуга), с которыми Москва связывалась при посредстве этих путей.

Социально-экономический уклад московского общества не претерпел существенного изменения. Главными формами феодальной эксплуатации по-прежнему оставались барщина, в основном в поместьях, и оброк, характерный для вотчин. Продолжалось совершенствование ремесла, значительно расширилась внутренняя и внешняя торговля, продолжался рост городов, которых к середине XVI в. насчитывалось около 160.

На новый уровень поднялось транспортное обеспечение народного хозяйства, поскольку осуществлялось значительное строительство домов, государственных зданий, включая каменное строительство. В этом процессе главной движущей силой являлась лошадь, а из транспортных средств – легкие и ломовые повозки и др. Если в сельской местности применялись известные транспортные средства, то в городах имущие сословия пользовались новыми – экипажами. Центром экипажного производства являлись мастерские Конюшенного приказа. Экипажи хранились на Каретном дворе, который простирался от здания приказа близ Боровицких ворот почти до Троицких ворот.

Расширение и укрепление государства были тесно связаны с развитием сухопутных путей. Прежде всего, это влияние сказалось на количественном росте сухопутных дорог, на объединении всей сети дорог в единую, увязанную в своих составных частях систему сухопутных путей, в дальнейшем усилении значения Москвы как центра этой системы. По мере дальнейшего развития государства стратегическое и военное значение дорог приобретало исключительное значение. По распоряжению Ивана IV Грозного специально для него в одном экземпляре была выполнена карта «Книга Большому Чертежу» (1556 г.). Упомянутые в труде территории охватывали земли от Западной Двины на западе, земель Крыма и Бухары на юге, Сибирских земель на востоке, с описанием городов, морей, рек, дорог и других важнейших сведений.

В ходе реализации реформ предусматривались меры по охране общественного порядка, борьбе с преступностью, организации и обеспечению безопасности дорожного движения. В Москве и Московском уезде полицейские функции осуществляли сотрудники Земского приказа (земский дьяк впервые упоминается в 1500 г.): преследовали разбойников и иных «лихих людей», ведали сбором податей с посадского населения, а также наблюдали за порядком и благоустройством в столице. В ночное время, чтобы обезопасить жителей от воров, улицы города перегораживались решетками, возле них дежурили «решеточные сторожа», которые должны были задерживать запоздалых прохожих.

Развитие городов и постепенное их расширение, увеличение количества транспортных средств и пешеходов требовали установления определенного порядка движения на городских улицах и площадях. Верховная власть вынуждена была заняться этой проблемой: появились указы, устанавливающие своего рода первые правила передвижения на лошадях и в экипажах. 20 октября 1676 г. объявляется именной указ с Боярским приговором, основное содержание которого сводилось к тому, чтобы не пропускать в Кремль извозчиков с седоками и с порожними санями. Ограничение въезда на территорию Кремля порожних транспортов, по мнению верховной власти, должно было упорядочить дорожное движение. Именной указ, никоим образом не управлявший движением на улицах столицы, представлял собой всего лишь попытку ограничить количество транспортных средств в центре города. Однако именно его можно считать началом правовой работы по

созданию законодательной базы для организации дорожного движения в столице и в государстве в целом.

В период правления царя Федора Алексеевича (1676–1682) вид экипажа и количество упряжных лошадей в нем определялись в зависимости от чина владельца. По указу от 28 декабря 1681 г. боярам, окольниковым и «думным людям» разрешалось ездить: летом в каретах, а зимой в санях – на паре лошадей. В праздничные дни бояре могли выезжать на четверке лошадей; на сговорах и свадьбах – на шести. Спальники, стольники, стряпчие и остальные дворяне должны были ездить зимой в санях на одной лошади, а летом – верхом. Несмотря на то, что этот указ не включал конкретных правил взаимоотношений участников уличного движения, он в некоторой степени ограничивал габариты транспортных средств, что, естественно, способствовало большей безопасности как участников движения, так и пешеходов¹.

Власти указом от 3 января 1683 г. ввели запрет на управление лошадью вожжами, сидя в санях: владелец возницы должен был теперь ездить верхом. Серьезность сложившейся в столице ситуации, вызванной поведением извозчиков, подтверждается новым именованным указом «О приводе в Стрелецкий приказ извозчиков, которые поедут на вожжах и о дозволении таковой езды прочим обывателям», который был объявлен через неделю после предыдущего. Этот указ стал продолжением, дополнением и исправлением указа от 3 января. В частности, в нем были сняты некоторые ограничения, касавшиеся прав состоятельных граждан, и отменены запреты, распространяемые на прилегающие к Кремлю территории. В самом Кремле введенные правила сохранялись².

Развитие и совершенствование транспортных средств и сухопутных путей сообщения выдвигали качественно новые задачи по организации и обеспечению безопасности дорожного движения. Одним из первых нормативных актов, который устанавливал правила движения всадников, конных экипажей и был направлен на обеспечение безопасности горожан в населенных пунктах, был указ царей Ивана Алексеевича и Петра Алексеевича от 3 января 1683 г., запрещавший быструю

¹ ПСЗРИ. Собр. 1. Т. II. № 902.

² Там же. № 984.

езду по улицам Москвы во избежание увечья. Надзор за движением по городским улицам и площадям в числе прочих функций осуществляли городские стрельцы – предшественники полицейских.

В 1718 г. была образована Полицмейстерская канцелярия в Санкт-Петербурге. С ее созданием функции по обеспечению безопасности дорожного движения расширились. Указом от 26 августа 1720 г. предписывалось «извозчикам и прочим всяким чинов людям при Санкт-Петербурге ездить, имея лошадей взнузданных, со всяким опасением и с осторожностью, смирно, а на не взнузданных лошадях... отнюдь не ездить, понеже от таких чиниться немалая вреда людям... Такожде в которых местах не перегорожено, чтоб люди не ходили и не ездили, или где и дороги нет, через таковые места всякого чина людям ездить и ходить запрещается под опасением вышеписанного наказания»¹.

Следующим был указ от 16 ноября 1720 г. «О непропуске в Санкт-Петербург, когда шлагбаумы опущены, без фонарей, о езде извозчикам на взнузданных лошадях, и о непрошении по улицам и при церквях милостыни». Новый указ предписывал «извозчикам, других чинов людям по-прежнему ездить на взнузданных лошадях и тем извозчикам ставиться в удобных местах и содержать те места в чистоте». Определялось и наказание за невыполнение этого указа: «...ежели кто против указа преступит...» – штрафовать»².

В период царствования Анны Иоанновны вышел сенатский указ «О нескорой и осторожной езде на лошадях по улицам и о задержании в полиции тех, которые будут давить лошадыми и бить проходящих кнутьями» (9 марта 1730). Виновных приказывалось ловить и «для того из полиции посылать разъезды из драгун и солдат»³.

Несмотря на принимаемые меры, обеспечить надлежащую безопасность на улицах и порядок в организации движения не удавалось. Через два года, 25 января 1732 г., действительным тайным советником князем А. М. Черкасским объявляется новый указ «О том, чтобы всяких чинов люди ездили смирно и на лошадях не скакали», по которому значительно ужесточились меры наказания за езду, представлявшую опасность для обывателей. Под угрозой смертной казни запрещалось

¹ ПСЗРИ. Собр. 1. Т. VI. № 3533.

² ПСЗРИ. Собр. 1. Т. VI. № 3676.

³ ПСЗРИ. Собр. 1. Т. VIII. № 5512.

«необыкновенно скакать», бить прохожих плетьюми, давить лошадьми и санями¹.

Продолжавшиеся нарушения участниками движения запретов на превышение скорости, объясняемые ими незнанием правил, вынудили правительство издать указ (6 февраля 1737) «О запрещении скорой езды в Санкт-Петербурге и штрафах за неисполнение сего», в котором, в частности, говорилось: «...казали Мы... опубликовать с барабанным боем, выставя в пристойных местах, указы... дабы никто неведением не отговаривался; и ежели, несмотря на такое. Наше всемилостивейшее соизволение, кто будет на лошадях скоро ездить, таких ловить и отводить в полицию, где лакеев бить нещадно кошками, а самих помещиков штрафовать денежным штрафом, по рассмотрению Сената»².

В первой половине XVIII в. на улицах городов появились новые виды транспорта: кареты, дрожки, дилижансы, фаэтоны, роспуски и др. Движение стало более интенсивным, росло и количество нарушений правил дорожного движения, приводящих к человеческим жертвам. Для наведения порядка издаются новые указы, в которых дифференцируется ответственность владельцев экипажей и возниц. К последним применялась мера наказания от битья до ссылки на каторгу (за повторные нарушения). Владельцы экипажей наказывались штрафами. Для более четкого регулирования дорожного движения вводились специальные караулы «для смотрения», которые должны были следить, чтобы никто не ездил на бегунах или в санях с дышлом, а извозчики управляли экипажами, сидя верхом на лошади.

Необходимость разработки правил, регулирующих дорожное движение, становилась все более очевидной. В царствование Елизаветы Петровны были изданы новые распоряжения о порядке уличного движения. Первый правовой документ (19 марта 1742), касавшийся правил езды по улицам, относился к Москве. Указ назывался «О воспрещении ездить в Москве по улицам на резвых лошадях». По сути, он не отличался от предыдущих царских указов, но в нем содержалась новая форма наказания для нарушителей правил уличного движения: «а ежели кто на таких резвых лошадях ездить будет, тех велеть через по-

¹ ПСЗРИ. Собр. 1. Т. VIII. № 5940.

² ПСЗРИ. Собр. 1. Т. X. № 7170.

лицейские команды ловить и, лошадей их взяв, отсылать на конюшню ея императорского величества»¹.

В октябре 1745 г. генерал-полицмейстер столицы А. Д. Татищев подтвердил запрещение «скорой езды по улицам». Помимо этого требовалось, чтобы извозчики и носили одежду, отличавшуюся от формы барских кучеров. В условиях, когда количество гужевого транспорта значительно возросло, важно было не только обозначить приоритет в уличном движении, но и предоставить возможность полиции лучше ориентироваться в ситуациях на городских улицах и быстрее устанавливать нарушителей.

По приезде в Москву императрица Елизавета Петровна приказала опубликовать указ (27 декабря 1752) «О нескорой езде и неимении лакеям плетей; о нескакании у дуги верховым; о давании дороги встречающимся и о наказании виновных в нарушении сего указа», действие которого распространялось на все города Российской империи. Появление указа было связано с тем, что в Москве бытовал старинный порядок боярских выездов с толпой холопов, вооруженных арапниками, «очищающих» дорогу от встречных или шедших впереди людей. Заметила ли это сама государыня или поступили жалобы – неизвестно. Однако указ был достаточно строгий и требовалось его повсеместное соблюдение. В указе, в частности, отмечалось, «чтоб скоро отнюдь не ездили, и у лакеев плетей не было, и по сторонам у душ лакеям верховым отнюдь не скакать»².

Впервые в правовой практике государства того времени в дорожном движении вводится требование уступать дорогу, но приоритет официально не определен, поэтому в случае дорожно-транспортного происшествия оказывались виновными все его участники. Однако нарушение этого нечеткого правила наказывалось достаточно строго: лакеев предписывалось сечь немилостиво и отсылать в рекруты без зачета, а хозяев штрафовать деньгами.

Последующий указ (1755) «О воспрещении скорой езды на наемных лошадях и о нечинении извозчикам никаких обид», подписанный императрицей, касался и носил в первую очередь социальный характер.

¹ ПСЗРИ. Собр. 1. Т. XI. № 8530.

² ПСЗРИ. Собр. 1. Т. XIII. № 10065.

Он запрещал жестокое отношение к извозчикам, еще раз подтверждал «воспрещение скорой езды», но, к сожалению, не определял конкретную степень наказания, ссылаясь на уже принятые и действующие правовые нормы.

В начале царствования Екатерины II в северной столице появилась мода ездить с факелами. В связи с этим 15 октября 1763 г. Главная полицмейстерская канцелярия объявила указ «О воспрещении ходить и ездить по городу в ночное время с факелами, и о строгом подтверждении, чтоб по улицам не ездили скоро, и не свистали». За нарушение указа от полиции требовалось нарушителей задерживать и наказывать согласно принятому порядку, поскольку в самом указе степень наказания не определялась. Несмотря на строгие меры, запрет «скорой езды» нарушался слишком часто, в результате чего возникали многочисленные аварии, сопровождаемые беспорядком, свалками, поломками экипажей. Случалось, что насмерть давили лошадей и людей. Кроме того, извозчики за определенную плату достаточно часто превышали дозволенную скорость езды, пользуясь тем, что, во-первых, понятие «скорая езда» не имело четкого определения и носило довольно субъективный характер и, во-вторых, найти нарушителя среди извозчиков или крестьянских подвод было почти невозможно¹.

3 апреля 1775 г. Екатерина II подписала манифест «Об экипажах и ливреях, какие разных классов чиновникам дозволяется иметь», в котором определила тип экипажа и число разрешенных в запряжание лошадей для чиновников различных классов. Этот манифест также не имел четко выраженных правовых норм, регламентирующих правила уличного движения в столице, но обозначенные в нем некоторые ограничения и особенно требование красить наемные экипажи особым (желтым) цветом в целом способствовали повышению уровня безопасности на улицах Санкт-Петербурга, позволяя, в частности, устанавливать виновных в дорожно-транспортных происшествиях².

Количество гужевого транспорта в столице росло очень быстро, и, как правило, в случае нарушения установленных правил найти виновных было довольно трудно: они мгновенно скрывались с места дорож-

¹ ПСЗРИ. Собр. 1. Т. XVI. № 11949.

² ПСЗРИ. Собр. 1. Т. XX. № 14290.

но-транспортного происшествия. Отсутствие каких-либо специальных отличительных признаков, позволяющих установить социальную принадлежность владельца и вид экипажа, затрудняло поиск виновных в совершении аварии на улицах города. Сложившаяся ситуация требовала принятия соответствующих мер. Поэтому с 1794 г. в Управе благочиния, ведающей полицейскими делами, состоянием улиц и мостов города, извозчикам стали выдаваться жетоны из белой жести с указанными на них масляной краской двумя номерами. Один позволял определить, к какой из пяти существующих частей города (Санкт-Петербургский остров, Васильевский остров, Адмиралтейская сторона, Выборгская и Литейная) прикреплен извозчик, второй был его личным номером.

Принятие, казалось бы, радикальных мер, направленных на обеспечение безопасности дорожного движения, не привело, однако, к уменьшению количества несчастных случаев. Причинами аварий наряду с нарушением скоростного режима являлось плохое состояние, даже ветхость многих экипажей и телег. Это привело к правовому закреплению требования проводить своеобразный технический осмотр транспортных средств. Уставом от 12 сентября 1798 г., утвержденном Павлом I в главе «О полиции» указывалось, что «полиция смотрит, чтоб упражняющиеся в извозе имели исправные кареты, коляски, сани и одноколки... И дает извозчикам билеты с нумерами, дабы, в случае оказанной от них кому невежливости, доставлено было обиженному немедленное удовлетворение»¹.

В конце XVIII в. в крупных городах России начали разделять транспортные и пешеходные потоки, что представляло собой новый элемент в организации дорожного движения. Исходя из этого, в документы по регулированию дорожного движения вносились новые положения. Так, в одном из распоряжений санкт-петербургского обер-полицмейстера указывалось, что извозчики должны иметь свой билет, выкрашивать желтой краской кареты, сани, дрожки и одноколки, на улицах ставить карету за каретой, рядом больше двух карет не ставить. За выполнением этих правил вели надзор караульные, располагавшиеся в будках.

¹ ПСЗРИ. Собр. 1. Т. XXV. № 18663.

Постепенно стали вырисовываться контуры транспортной системы государства, основу которой составляли ее важнейшие звенья: производство гужевого транспорта, его эксплуатация, дорожная сеть и деятельность государственных органов по обеспечению безопасности дорожного движения. Но пока еще не было создано устойчивого механизма управления этими звеньями, хотя необходимость в этом была очевидна, а указы, направленные на обеспечение безопасности участников дорожного движения, нельзя было расценивать как правовые документы, регламентирующие все аспекты дорожного движения или хотя бы их большую часть.

В то же время меры, принимаемые властями по наведению порядка на улицах городов, хотя зачастую и носили довольно принципиальный и даже весьма резкий характер, не могли дать желаемых результатов, поскольку не были системными. Законодательные акты некоторым образом упорядочивали уличное движение, позволяли установить контроль над состоянием транспортных средств и определением нарушителей, но единой правовой основы обеспечения безопасности дорожного движения не сформировали. Не существовало и государственного органа, занимавшегося организацией уличного движения. Однако указанные документы этого периода были не просто попыткой упорядочивать движение на улицах городов, они в определенной степени послужили основой для формируемой в дальнейшем правовой основы.

Важной реформой начала XIX в. явилась реорганизация высших и центральных органов управления. Осенью 1802 г. было образовано восемь отраслевых министерств, в том числе и министерство внутренних дел, функции которого совместно с ведомством путей сообщения распространялись на гужевой транспорт, сухопутные пути сообщения, организацию и обеспечение безопасности дорожного движения. Первая половина XIX в. характеризуется массовыми перевозками грузов и пассажиров гужевым транспортом, в частности, в простых телегах и санях.

Средства и способы передвижения оставались примерно такими же, как и в предыдущий период. В Санкт-Петербурге значительное распространение получила езда на почтовых тройках, особенно зимой, со скоростью, вызывающей удивление иностранцев. Интересен способ передвижения фельдъегерей на тройке в обычной телеге. Для «обычно-

венных» проезжающих, а не проезжающих «по казенной надобности», существовали три способа передвижения: на «долгих», или «своих» (в собственных экипажах и со своими кучерами); «на вольных» (с наемными кучерами в собственных или наемных экипажах); «на почтовых» (в экипажах и с кучерами почтовых станций, с выдачей проезжающему «подорожной», в которой обозначались маршрут, должность, имя и звание проезжающего и число полагавшихся ему лошадей).

В начале XIX в. появились крупные акционерные компании, организовавшие на ряде дорог регулярные рейсы дилижансов. Одной из первых таких компаний было акционерное общество, организовавшее с осени 1820 г. постоянные пассажирские рейсы между Москвой и Санкт-Петербургом. Дилижансы между столицами ходили по два–три раза в неделю, а затем и чаще и в пути должны были находиться около пяти суток. Ездить в дилижансе могли лишь состоятельные люди, так как за проезд брали немалую по тому времени плату. Однако потребность в сообщении между столицами была настолько велика, что уже за первые десять лет дилижансы акционерного общества перевезли свыше 33 600 человек. Предприятие оказалось столь прибыльным, что общество открыло движение дилижансов на многих других трактах. Пассажирам, пожелавшим воспользоваться дилижансом, выдавался билет определенного образца. Вскоре подобное сообщение было организовано и на других дорогах, например, между Москвой и Киевом, Москвой и Казанью и др. Одновременно стали появляться и другие дилижансовые компании. На некоторых трактах организовали перевозку грузов, не принимаемых почтой, для чего были созданы специальные конторы «скоровозов» (например, на тракте Москва–Санкт-Петербург).

В 1809 г. Экспедиция об устройении дорог в государстве была присоединена к Департаменту водных коммуникаций, организованному еще в конце XVIII в. По инициативе известного сторонника буржуазных реформ М. М. Сперанского был разработан проект создания единого транспортного учреждения, на основе которого в конце 1809 г. появилось Главное управление водных и сухопутных сообщений, в ведении которого находились все работы по постройке, улучшению и содержанию путей сообщения. При главном директоре управления состояли совет и экспедиция из трех разрядов – водных сообщений, сухопутных сообщений и торговых портов. При управлении находились

также бригада мастеров, полицейская команда и корпус инженеров водных и сухопутных сообщений, переименованный в 1810 г. в Корпус инженеров путей сообщения.

На рубеже XVIII–XIX вв. в России продолжало расти количество транспортных средств. На улицах столицы складывалась ситуация, требовавшая более четкой организации движения. По-прежнему основным видом передвижения оставался гужевой транспорт, доставлявший много неприятностей городским властям, ибо лихачество и необузданность отдельных владельцев экипажей вносили серьезную дезорганизацию в жизнь города. Именно это и побудило принять ряд нормативных актов, направленных на организацию порядка в уличном движении. Первым указом «О запрещении скорой езды» (1802) Александр I распорядился собрать в Управе благочиния всех извозчичьих хозяев и объявить им требования запретить извозчикам «скоро ездить», соблюдая «при разъездах надлежащий порядок».

В декабре 1808 г. Александр I подписал указ «Об учинении распоряджений к отвращению беспорядков, от скорой езды во многих городах происходящих». Этот нормативный документ определял ответственность лиц, виновных в совершении дорожно-транспортного происшествия из-за «скорой езды», повлекшего несчастный случай. Указом предписывалось отбирать у виновного лошадь; при необходимости с него же взыскивали деньги на лечение пострадавшего. Но, несмотря на предпринимаемые меры, число пострадавших в столице практически не менялось. Так, в 1804 г. было задавлено возами и повозками три человека, в 1805 г. – столько же, в 1807 г. – один, в 1809 г. – трое и в 1810 г. – четверо. Обо всех несчастных случаях на улицах городов немедленно докладывалось императору.

Быстрый рост количества транспортных средств и вызванная этим настоятельная потребность не только ограничения скорости и определения мер наказания, но и более четкой организации уличного движения побудили петербургскую полицию в 1812 г. разработать и опубликовать «Наставление старостам извозчичьим и извозчикам». Именно этот документ явился прообразом современных правил уличного движения. В Наставлении давалось определение «нескорой езды»: «извозчикам ездить рысью, тихо и со всей осторожностью, отнюдь не скакать и не ездить шибко». Впервые устанавливалось правило уступать

дорогу вне зависимости от социального положения владельца экипажа: «соблюдать осторожность при выезде из дворов на проспект, чтоб ни на кого не наехать». Особо подчеркивалось правило проезда по улицам, придерживаясь правой стороны. Для предотвращения несчастных случаев на многолюдных улицах предписывалось ехать шагом, а «когда кто перебегает через дорогу, то в таком случае остановить лошадь, дабы на перебегающего не наехать, в особенности сие наблюдать, когда перевозят и переносят на руках малолетних детей». Полиция требовала от старост доводить эти правила до всех извозчиков, чтобы никто из них не мог сослаться на незнание.

Наставление вводило запрет на своеобразные «звуковые сигналы»: «песен на улицах не петь, бранных слов не произносить и не свищать». Был установлен возрастной ценз для извозчика или кучера: «ездить в извозе не дозволяется моложе 15 лет от роду, дабы от бессилия не быть в состоянии управиться с лошадыю», а также определялись габариты и «мощность» транспортного средства: «ни в какой экипаж более двух лошадей не закладывать». Тогда же было вменено в обязанность возницам оказывать помощь полицейским: «Если кто из полицейских будет преследовать кого-либо бегущего, то всякий извозчик должен оказать пособие и догнать на лошади бегущего». Помимо этого извозчик должен был по требованию полиции беспрекословно везти: «поднятого на улице заболевшего, ушибленного или скоропостижно умершего, взятого в пьяном виде буйного...»¹.

Наставление явилось принципиально новым документом, регламентирующим некоторые аспекты уличного движения. В нем впервые в правовой практике Российского государства были сформулированы требования, сохранившиеся до настоящего времени в правилах дорожного движения: скоростной режим; правостороннее движение; приоритет пешеходов перед транспортом; возрастной ценз для управления городским транспортным средством; оказание участниками движения помощи представителям власти.

Время царствования Николая I, знаменовавшееся стремлением к наведению особо жестокого порядка в государстве, внесло в законода-

¹ Рифицкий Г. П. Безопасность дорожного движения в России: история и современность. М., 2005. С. 22–23.

тельные акты свои изменения и дополнения, касающиеся содержания улиц, дорог, организации и обеспечения безопасности дорожного движения. Были приняты указы, в которых помимо требований к надлежащему состоянию дорог и их оборудованию содержались правила обеспечения безопасности проезжающих. Одним из первых стал указ от 3 июля 1826 г. «О воспрещении проезжающим впрягать под экипажи в ряд по шести лошадей». Отмечалось, что экипажи с шестеркой лошадей могут привести к несчастным случаям и что это «может быть опасно и вредно для самих тех, кои в тех экипажах путешествуют». Указ носил, скорее, предупредительный характер, поскольку не определял меру наказания за нарушение правил езды.

С каждым годом территория Санкт-Петербурга расширялась. В городскую черту постепенно входили прилегающие к столице районы (дачи, окружающие острова и др.). В соответствии с этим правила уличного движения в столице распространялись на улицы и дороги присоединяемых территорий. Полиции вменялось в обязанность наблюдать за тем, чтобы дороги и мосты «были содержимы в порядке для безопасного проезда».

Участниками уличного движения были не только городские жители, но часто и приезжавшие в столицу крестьяне, нередко становившиеся виновниками дорожно-транспортных происшествий. В марте 1839 г. был утвержден Сельский судебный устав для государственных крестьян, в котором, в частности, содержался раздел «О наказаниях за проступки против законов и личной безопасности», где предусматривались наказания «за скорую езду по улицам, базарам, ярмаркам и другим местам, часто людьми посещаемым». С нарушителя, причинившего вред другому лицу, взыскивался штраф «независимо от возмещения им причиненного ущерба. Если же от быстрой езды кто-либо был ушиблен, виновного надлежало заключать под стражу».

Работа по формированию системы правового обеспечения безопасности дорожного движения продолжалась. Хотя принимаемые указы и постановления по-прежнему носили характер разрозненных нормативных правовых документов, именно из них складывались единые требования к регулированию уличного движения. В ноябре 1853 г. было утверждено положение кабинета министров «Об установлении трех разрядов годовых билетов для легковых извозчиков в Санкт-

Петербурге и о денежном за сие с них сборе в пользу городских доходов», ставшее основой принятых позднее правил для всех извозчиков и кучеров вне зависимости от вида и принадлежности экипажа¹.

Для разных разрядов транспортных средств были установлены различной формы номерные знаки, а также особый для каждого из них цвет. Например, для первого разряда – черный, для второго – желтый, для третьего – белый. На каждом знаке выбивались: номер той части города, к которой был приписан извозчик, его личный номер и год, на который выдавался билет. Для предупреждения обманов по распоряжению Санкт-Петербургского градоначальника форма знаков ежегодно менялась, но их цвет оставался прежним.

Таким образом, в первой половине XIX в. в Санкт-Петербурге и Москве уже действовали подробно разработанные Правила дорожного движения для участников гужевого транспорта. Они включали в себя много положений современных правил: правостороннее движение, скоростной режим и соблюдение рядности, определение мест стоянок, требование технической исправности, наличие номерных знаков, пешеходные переходы и т. д. За нарушение указанных требований извозчики подвергались телесному наказанию, а имущие сословия – денежному штрафу.

С тех пор, как человек начал использовать гужевой транспорт для передвижения и перевозки грузов, насущной проблемой стала задача обеспечения безопасности дорожного движения. Человеку свойственно торопиться. При отсутствии должного управления транспортными потоками не удастся избежать дорожно-транспортных происшествий, травм и человеческих жертв. На определенном этапе люди задумались над необходимостью упорядочить работу транспорта.

Во второй половине XIX в. на смену гужевому транспорту пришел паровой, а затем и автомобильный транспорт. Деятельность этих видов транспорта потребовала новых подходов не только к организации их работы, но и к обеспечению безопасности дорожного движения. Постепенно стремление к повышению его роли для перевозки грузов и пассажиров выросло в разветвленную государственную систему обеспечения безопасности дорожного движения.

¹ ПСЗРИ. Собр. 2. Т. XXVIII. Ч. 1. № 27657.

Организационно-правовые основы развития городской полиции Российской империи в XVIII в.

*А. Н. Журов*¹,

доцент кафедры истории государства и права

МосУ МВД России имени В.Я. Кикотя,

кандидат исторических наук, доцент

Становление регулярных органов охраны правопорядка и борьбы с преступностью является неотъемлемой частью развития любого государства на стадии его перехода от Средневековья к цивилизации Нового времени. Большинство исследователей связывают появление полиции с развитием абсолютистской формы правления², когда укреплявшимся централизованным государствам потребовался новый, организованный на профессиональной основе орган для более эффективного контроля над отдельными социальными группами и явлениями общественной жизни.

Так, в 1667 г. в Париже была утверждена должность генерал-лейтенанта города. Полиция Парижа занималась не только охраной правопорядка и борьбой с преступностью, ее компетенции оказались гораздо шире: контроль за наймом рабочей силы, соблюдением норм гигиены, правилами торговли, порядком оказания медицинской помощи населению и т. д. Нормативной правовой базой формирования французской полиции стал «Трактат о полиции» французского юриста Никола Деламара. Учреждение парижской полиции положило начало формированию регулярных полицейских органов в странах Европы.

И не случайно первые полицейские учреждения появляются в Париже, одном из крупнейших городских центров европейской цивилизации XVII в. Можно констатировать тот факт, что регулярная полиция возникает именно как полиция городская, чья юрисдикция распространяется на территорию и население города. Это было обусловлено тем, что поддержание правопорядка в городах нуждалось в профессиональном и скрупулезном подходе, городская жизнь характеризовалась гораздо более сложной социальной организацией, чем сельская. Город всегда являлся сосредоточением властных органов, значительных материальных богатств и, как следствие, существенного социального неравенства, что

¹ © Журов А. Н., 2018

² История государства и права зарубежных стран : учебник / под ред. Н. В. Михайловой. М., 2018. С. 193.

приводило к острым общественным конфликтам, а значит, и требовало повышенного внимания к охране порядка и борьбе с преступностью. В отличие от сельской местности, где отношения между людьми в период позднего Средневековья продолжали регулироваться преимущественно обычаями, динамично развивающиеся города уже требовали создания соответствующих профессиональных государственных структур охраны правопорядка и нормативного регулирования их деятельности.

Создание регулярной полиции России в целом осуществлялось в контексте европейского развития правоохранительных учреждений. Российская полиция также формируется как городская полиция.

Отечественное законодательство, регулирующее обеспечение правопорядка в городах, берет свое начало от «Наказа о Градском благочинии» 1649 г.¹, принятого в период правления царя Алексея Михайловича. Еще с начала XVI в. в Москве, а после и в прочих больших городах стали назначаться специальные наряды на улицах и при городских воротах. Это были решеточные сторожа, которыми руководили решеточные приказчики². Служба решеточных сторожей и приказчиков стала востребованной и показала свою жизнеспособность. В «Наказе о градском благочинии» им была отведена важная роль в обеспечении общественного порядка, борьбе с уголовной преступностью, противопожарной безопасности. Можно сказать, что «Наказ о градском благочинии» учреждал в Москве, по сути дела, самостоятельную полицейскую команду. Петр I, неоднократно посещавший Европу, при организации российской регулярной полиции реализовал как имеющийся уже к началу XVIII в. передовой европейский опыт, так и отечественные традиции, сформировавшиеся в сфере охраны общественного порядка. Создание регулярной полиции в 1718 г. непосредственно связано со строительством новой столицы – Санкт-Петербурга, которая возводилась «по-европейски», по регулярному плану. Также по-европейски и на регулярной основе возникает и полиция, как новый орган охраны правопорядка и борьбы с преступностью именно в городах.

Первый генерал-полицмейстер Санкт-Петербурга А. Девиер активно занялся формированием нормативной базы деятельности столичной полиции. Он издает ряд своих именных распоряжений, таких как,

¹ ПСЗРИ. Собр. 1. Т. I. № 6.

² Лешков В. Н. О древней московской городской полиции // Москвитянин. – 1851. – Ч. 2. – № 6. Кн. 2. – С. 201, 202.

например: «О назначении рынков в Санкт-Петербурге, о наблюдении чистоты торгующим съестными припасами и о ношении им белых мундиров»¹, «Об объявлении Санкт-Петербургским жителям в канцелярии полицмейстерских дел, у кого в доме окажутся больные горячкой»², «Об объявлении иноземцам пашпортов для отъезда в свои государства в полицмейстерской канцелярии»³ и т. д. Данные акты доводились до сведения столичных жителей через печать и объявления. Генерал-полицмейстер лично строго следил за их исполнением.

Знаменательным этапом в формировании городской полиции в Российской империи стало включение главы «О полицейских делах» в такой значимый документ, как «Регламент или устав главного магистрата». Это свидетельствует о том, что в планах Петра I было и дальнейшее развитие полицейских структур. Планировалось, что создание и содержание органов городской полиции лягут на плечи органов сословного городского самоуправления, а именно на магистраты, так как значимая часть государственного бюджета уходила на содержание армии и флота. Однако магистраты так и не были созданы в большинстве городов Российской империи, а там, где они появлялись, глава Регламента, касающаяся полиции, не реализовывалась в связи с отсутствием необходимых финансовых средств.

В 1721 г. должность обер-полицмейстера была учреждена в Москве. В закрепление данной должности был издан нормативный правовой акт: «О бытии в Москве обер-полицмейстеру»⁴. Канцелярии полицмейстерских дел работали как в новой столице, так и в старой. Данные организации в своей деятельности опирались на выборных старост улиц и десятских, сохраняя, тем самым, характерную для Средневековья практику привлечения гражданского населения к охране правопорядка. В остальных городах страны и ее провинциях оставался старый уклад, в котором полиция не была отделена от администрации, а функции, возложенные на полицию, исполнялись местным администратором в лице губернатора или воеводы, а также соответствующими учреждениями.

Развитие и укрепление государства потребовали расширения сети городских полицейских формирований. Во время правления императри-

¹ ПСЗРИ. Собр. 1. Т. V. № 3236.

² ПСЗРИ. Собр. 1. Т. V. № 3256.

³ ПСЗРИ. Собр. 1. Т. VI. № 3812.

⁴ ПСЗРИ. Собр. 1. Т. VI. № 3883.

цы Анны Иоанновны в 1733 г. принимается «Высочайшая резолюция на доклад Полицмейстерской канцелярии – Об учреждении полиции в городах»¹. Благодаря данному документу полицмейстерские конторы были созданы в 23 городах, как в губернских, так и в провинциальных, во главе которых встали офицеры местных гарнизонов, которые стали именоваться полицмейстерами. В зависимости от значимости города полицмейстер назначался из числа капитанов в центрах губерний, а в провинциальных городах – из числа поручиков. Полицмейстеру выделялся штат, в который входило 6–8 рядовых, капрал и унтер-офицер. Такая структура финансировалась за счет средств, выделяемых местным гарнизонам, штат сотрудников оставался также на жаловании военно-служащих. Ведение делопроизводства осуществлялось двумя канцелярскими служащими². Таким образом, был подтвержден принцип кадрового комплектования полицейских органов: путем перевода офицеров, унтер-офицеров и солдат из регулярной армии.

В своей деятельности полицмейстерские конторы руководствовались «Пунктами», инструкцией московскому обер-полицмейстеру, отдельными инструкциями, исходящими от Главной полицмейстерской канцелярии. Данные нормативные правовые акты хотя и запрещали конторам вести следствие по преступлениям, но наказание за такие малочисленные нарушения, как продажа испорченного продовольствия, хождение по улице в неуказанные часы, приют в доме беспаспортных людей, пьянство и др., могли выносить самостоятельно. Кроме штатных сотрудников полицмейстерских контор, в периферийных городах, полицейские обязанности также выполняли ночные караульщики, десятские, пятидесятские и сотские, назначавшиеся из городских домовладений в порядке повинности.

Во второй половине XVIII в. полицейские структуры начинают создаваться по окраинам Российской империи. Их создание определялось соответствующими нормативными актами. Примером может служить документ «Об учреждении полиции в городе Иркутске»³, изданный Правительствующим Сенатом 17 октября 1757 г. В 1762 г. на основании указа «Об учреждении в провинциях и городах, где нет полиции,

¹ ПСЗРИ. Собр. 1. Т. IX. № 6378.

² Диденко А. А. История органов внутренних дел. Белгород, 2015. С. 59.

³ ПСЗРИ. Собр. 1. Т. XIV. № 10769.

полицеймейстеров»¹ от 22 марта 1762 г. городская полиция была образована практически во всех уездных городах государства.

Полиция второй половине XVIII в. испытывала хронический кадровый некомплект. Интересным и в определенной степени курьезным документом является указ Екатерины II «О сформировании полицейского батальона из московских праздно шатающихся вольных людей»² от 20 августа 1771 г., который наглядно демонстрирует трудности, имевшиеся в кадровом обеспечении городской полиции, если в нее приходилось насильно привлекать, по сути, преступный элемент.

В период правления Павла I городская полиция в столицах была подчинена военным властям в соответствии с сенатским указом «О состоянии Санкт-Петербургской полиции по примеру Московской, в непосредственном ведении военного губернатора»³ от 28 декабря 1797 г.

Особое внимание в нормотворческой деятельности отечественного государства уделялось совершенствованию организации городской полиции, прежде всего в столичных городах. Об этом свидетельствует, например, указ «О содержании в С. Петербурге при Главной полиции двух рот драгун, с переменою оных в каждые четыре месяца, для прекращения разбоев и грабежей и для охранения спокойствия жителей»⁴ от 24 мая 1759 г. Верховная власть старается укрепить материальное положение полицейских в столицах («О назначении суммы на разные расходы по Санкт-Петербургской полиции и о содержании полицейской команды в Санкт-Петербургской губернии на основании указа 22 июня 1781 г.»⁵ от 28 июля 1782 г.). Законодатель был обеспокоен и нравственными вопросами полицейской службы, о чем свидетельствует указ «О предостережении полицейских офицеров от непристойных поступков»⁶ от 10 августа 1794 г.

Лишь во второй половине XVIII в. полицейские органы начинают появляться в сельской местности. Но их формирование вплоть до середины XIX в. основывалась на принципе выборности и во многом по этой причине была мало профессиональной. Таким образом, на протяжении всего XVIII в. полиция России, по сути дел, являлась городским институтом.

¹ ПСЗРИ. Собр. 1. Т. XV. № 11477.

² ПСЗРИ. Собр. 1. Т. XIX № 13643.

³ ПСЗРИ. Собр. 1. Т. XIV. № 18296.

⁴ ПСЗРИ. Собр.1. Т. XV № 10959.

⁵ ПСЗРИ. Собр.1. Т. XXI. № 15479.

⁶ ПСЗРИ. Собр.1. Т. XXIII. № 17240.

Участие российской полиции в борьбе с корчемством в XVIII в.

Е. В. Мельник¹,

заместитель начальника кафедры
истории государства и права
МосУ МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

Становление отечественной государственной налоговой системы вызвало к жизни такое явление, как корчемство, подразумевающее нарушение фискальных государственных прерогатив. Буквально корчемство означает тайное изготовление, провоз и продажу предметов, облагаемых акцизом или составляющих регалию казны (спиртные напитки, табак, соль).

Несмотря на то, что термин «корчемство» впервые встречается в Псковской судной грамоте, где в ст. 115 говорится, что «княжим людям по дворам корчмы не держать ни во Пскове, ни на пригороде, ни в ведро, ни в корец, ни бочкою меду не продавати»², формирование самого понятия и становление ответственности за данное правонарушение на законодательном уровне начинаются лишь с создания централизованного государства. В условиях постоянных финансовых затруднений и необходимости содержать значительную армию правительство стремилось сосредоточить в своих руках все важнейшие источники поступления денежных средств. Одними из самых важных являлись государственные винная и соляная монополии³. С XVI в. для продажи спиртных напитков стали создаваться кружечные дворы и кабаки, которые давались на откуп или содержались выборными «кабацкими головами» или целовальниками. Доходы с них шли государству. Власть распорядилась «средним и молодчим людям пива варить и меду ставить отнюдь никому не давать, а вина горячаго и лутчим людям курить не давать»⁴.

¹ © Мельник Е. В., 2018

² Псковская судная грамота // Отечественное законодательство XI–XX веков. Ч. I. М., 1999. С. 51.

³ Занозина Е. А. Государственно-правовое регулирование питейной деятельности в России с IX по XX вв.: историко-правовой аспект : автореф. дис. ... канд. юрид. наук, СПб., 2008.

⁴ Прыжов И. Г. История кабаков в России в связи с историей русского народа. Спб., 1868.

Законодательное закрепление ответственности за корчемство находит отражение в «Уставе о корчмах», составляющем главу XXV Соборного Уложения 1649 г. Особое внимание законодатель уделил борьбе с производством и продажей спиртных напитков (водка, спирт, вино, мед, брага хмельная, пиво) частными лицами и вопросам привлечения к ответственности лиц, к этому причастных, например, приобретающих товары незаконного производства¹.

Последующее развитие данного законодательства происходило в условиях формирования абсолютистского государства, ставившего перед собой глобальные задачи по расширению территорий, обеспечению выхода к морям, реформированию основных сфер общественной и государственной жизни. На решение всех этих задач требовались колоссальные финансовые средства. Анализируя данное законодательство, можно отметить, что понятие корчемства постепенно расширяло перечень незаконно производимых товаров, главным критерием которых стал массовый характер их потребления и соответственно высокая доходность. С введением акцизной системы в XIX в. понятие корчемства на законодательном уровне постепенно вышло из употребления. Не оставалась без изменений и ответственность за данное правонарушение, которой подлежали все причастные к совершению данного деяния: незаконные производители, продавцы, покупатели, заведомо знавшие о незаконной торговле или незаконном производстве товара, и должностные лица. Особо наказывались недоносители – зачастую строже, чем сами корчемники. В качестве наказания в основном предусматривались штрафы, размер которых в разные периоды варьировался от 50 коп. до 30 руб., однако могли назначаться и телесные наказания, конфискация имущества, ссылка и смертная казнь.

Власть активно преследовала корчемников, налагая на них высокие штрафы, выбиваемые правезом, телесно наказывая нарушителей кнутом, батогами, конфискуя собственность и имения, отправляя в ссылку в отдаленные, тяжелые для проживания местности, устанавливая для крестьян круговую поруку за умалчивание. Однако все эти меры были малоэффективными, так как в России долгое время сохранялась практика расплачиваться за работу не деньгами, а спиртными на-

¹ ПСЗРИ. Собр. 1. Т. I. № 1.

питками, произведенными доморощенным способом. К тому же запрет, чтоб «вина не курили, пив не варили, медов не ставили» касался не всех, а только крестьянского и посадского населения. После долгих размышлений власть определила ясно и окончательно: «Вино курить дозволяется всем дворянам, а прочим никому», что нашло отражение в Уставе о винокурении 1765 г.

В допетровские времена преследование корчемников возлагалось на объезжих голов и состоявшие при них особые корчемные команды. В Наказе объезжему голове «О сыске и выемке корчемных питей» предписывалось: «в объезде, где ведает, кроме стрелецких слобод, и ездить ему по улицам и переулкам беспрестанно и проведывать накрепко, чтоб ни у кого корчемного питья не было, а у выемки над солдатами смотреть, чтоб никого не били, не грабили и не утрашали, и корчемным бы питьям не подметывали, и клепать никого ничем не учили, и, взяв кого с корчемным и с неявленным вином, или на улице пьяного, к себе по подворьям не водили»¹.

С введением откупов на продажу спиртного корчемные команды перешли в ведение московских откупщиков. Однако многочисленные злоупотребления со стороны последних привели к переподчинению этих команд Камер-коллегии, учрежденной в 1717 г. Питейное дело теперь подлежало ее ведению. В решении этого вопроса ей должны были содействовать полицмейстерские канцелярии в Санкт-Петербурге и Москве. «Всех гуляющих и слоняющихся людей... которые будут по улицам пьяные кричать и песни петь и ночью ходить... хватать, понеже в том числе бывает много беглых солдат и матросов и прочих воров, которые ... в домах своих сами шинкуют и шинкарей держат и торгуют всяким заповедным питьем, а иные корчемство чинят... хватать и приводить в Канцелярию Полицмейстерских дел...»².

Инструкция, данная Московскому обер-полицмейстеру М. Т. Грекову 9 июля 1722 г., разграничивала компетенцию полиции и акцизных учреждений: «...полицмейстерской канцелярии... смотреть, дабы как в корчемных, так и в других неистовых домах шуму и драки не было; однако ж не надлежит из корчемных домов выемки питьям и розыски о

¹ ПСЗРИ. Собр. 1. Т. III. № 1689.

² ПСЗРИ. Собр. 1. Т. V. № 3212.

том корчемстве чинить, и штрафы по указам править: и оное все смотрение чинить и штрафы править от Камер-коллегии»¹.

Необходимость усиления борьбы с корчемством подтолкнула Камер-коллегию в 1724 г. обратиться в Сенат с просьбой о большем привлечении полиции к решению этого вопроса. Для материального стимулирования полицейских, а также выборных от населения сотских, пятидесятских и десятских предлагалось установить вознаграждение за поимку корчемников в размере четверти штрафа, налагаемого па виновных. Сенат откликнулся на эту просьбу только спустя четыре года. 8 апреля 1728 г. был издан указ «Об отсылке корчемников, по допросе их в полицмейстерской канцелярии, в Акцизную камору»², где всем командам от полицмейстерской канцелярии, всем слободам, сотским, пятидесятским и десятским, патрулям и заставам около Санкт-Петербурга наказывалось «накрепко, чтобы они за всеми жителями и за приезжими людьми смотрели и чинили выемки со всяким прилежным смотрением, дабы отнюдь тайного провозу и продажи корчемных питей не было», а также предусматривались действия полиции и вышеперечисленных лиц при поимке нарушителей, например, как и о чем спрашивать на допросе; как действовать, если во время допроса выяснится, что помимо корчемства приведенный человек повинен в «других каких непотребствах». Далее «по исследовании тех людей для учинения по правам указу отсылать из Акцизной каморы возвратно в полицмейстерскую канцелярию»³. Кроме этого содержались указания на меры и наказания, принимаемые к должностным лицам соответственно Воинскому артикулу, в случае неисполнения или «причинения кому напрасных обид и разорения». Такие же предписания были даны Московской полицмейстерской канцелярии⁴.

Указ «О мерах к искоренению в Москве корчемства вином» от 11 июня 1728 г. обязывал десятских, пятидесятских и сотских «рапортовать ... повседневно на словах» и ежедневно письменно составлять отчеты офицерам полиции.

¹ ПСЗРИ. Собр. 1. Т. VI. № 4147.

² ПСЗРИ. Собр. 1. Т. VIII. № 5258.

³ Там же.

⁴ РГАДА. Ф. 248. Кн. 225. Л. 555.

В свою очередь полиция должна была отчитываться перед Сенатом¹.

Однако предпринимаемые меры не приносили должного результата. Сенат неоднократно сетовал на то, что корчемство совсем не уменьшается, а «паче множится», а лиц, посылаемых для выемки спиртных напитков, «бьют смертным боем», и в «питейном сборе великий недобор».

Принятый 12 мая 1736 г. сенатский указ «Об отдаче таможенных, кабацких и прочих сборов в ведение Ратуш» предписывал: «... дабы отнюдь никто корчемных питий продавать не дерзали, ... в том полиции крепкое смотрение, дабы отнюдь тайного провоза и продажи корчемным питьям нигде не было; нежели у кого усмотрят корчемство, тех людей с корчемными питьями имая, приводить в полицмейстерскую канцелярию, а из той канцелярии отсылать в Камер-коллегию немедленно... ежели кто противно сему чинить и в том пойманы и избличены будут, с таким поступать по указам нашим без всякой пощады»².

В 1737 г. сенатским указом от 31 декабря «Об отдаче в Санкт-Петербурге трактиров и кабаков на откуп, и о бытии корчемным делам в ведомстве Полицмейстерской канцелярии» право рассмотрения корчемных дел для «наилучшего в том смотрения» и надзор за своевременным закрытием трактиров передаются в ведомство Полицмейстерской канцелярии. Такие же права получают полицейские канцелярии крупных городов³.

В 1739 г. в Санкт-Петербурге и Кронштадте учреждается особая команда по поимке корчемников, на базе которой впоследствии была создана Корчемная контора. Известно, что штат этой Конторы в 1755 г. был немногочислен и составлял всего 11 человек⁴.

В течение десятилетия с 1751 по 1761 гг. во всех крупных губернских городах (кроме Остзейской, Сибирской и Киевской губерний) были созданы корчемные конторы. В 1751 г. в Москве была учреждена

¹ ПСЗРИ. Собр. 1. Т. VIII. № 5284.

² ПСЗРИ. Собр. 1. Т. IX. № 6958.

³ ПСЗРИ. Собр. 1. Т. X. № 7477.

⁴ Троицкий С. М. Социальный состав и численность бюрократии России в середине XVIII в. М., 1972. Т. 89. С. 301.

Корчемная канцелярия, призванная координировать работу корчемных контор. Она в свою очередь находилась в ведении Камер-коллегии.

На основании указа, данного Полицмейстерской канцелярии 17 октября 1740 г. «О наблюдении, чтобы в домах шуму и драк не было, и о продаже питий в кабаках и трактирах с девятого часа утра и до седьмого часа пополудни», полиция обязывалась «крепкое смотрение иметь, и во всем Санкт-Петербургским обывателям накрепчайше подтвердить, чтобы в домах шуму и драк не было, под жестоким истязанием; в кабаках и вольных домах вино, пиво, мед и прочее питье велеть продавать поутру с 9 часа и продолжать продажу пополудни до 7 часа, а в 7 часа пополудни кабаки и вольные дома запираеть и продажи отнюдь не чинить...»¹.

В 1741 г. на основании доклада Сенату генерал-полицмейстера В. Ф. Салтыкова была учреждена торговая полиция, основной задачей которой стало наблюдение за продажей харчевых запасов. Среди многочисленных обязанностей полиции стало принятие мер к прекращению незаконной торговли и искоренение корчемства.

Полицейские инструкции этого периода регламентировали порядок действий полицейских по борьбе с корчемством и взаимодействию с корчемными конторами. Выборные от населения сотские, пятидесятские и десятские обязывались «смотреть накрепко» за соблюдением правил винной продажи. За ослушание данных предписаний последним грозили телесные наказания: кошками (за первую вину), плетью (за вторую) и кнутом (за третью), причем в присутствии их коллег из других команд².

С 1765 г. борьба с корчемством была передана Камер-коллегии и местным властям, которым должны были оказывать содействие полиция, воинские команды и простые обыватели³. Устав о винокурении, принятый в 1765 г., подробно регламентировал деятельность всех участников этого процесса. Однако источники свидетельствуют о том, что в некоторых местностях полиция продолжала являться основным органом борьбы с корчемством⁴.

¹ ПСЗРИ. Собр. 1. Т. XI. № 8260.

² РГАДА. Ф. 931. Оп. 3. Д. 108. Л. 172.

³ ПСЗРИ. Собр. 1. Т. XVII. № 12448.

⁴ РГАДА. Ф. 1633. Д. 15. Л. 44; Д. 20. Л. 36–39.

Полиция оставляла за собой право расследования дел о нелегальном хранении и продаже спиртных напитков. При этом важно обратить внимание на то, что именно она определяла первоначальное наказание нарушителю закона, руководствуясь соответствующими нормативными правовыми актами.

Последние три десятилетия XVIII в. шло активное формирование и усовершенствование полиции, которая должна была стать защитой и опорой внутреннего порядка государства. Такие нормативные правовые акты, как «Учреждение для управления губерний Российской империи» 1775 г. и «Устав благочиния, или полицейский» 1782 г. положили начало созданию сельской и городской полиции и детальной регламентации ее деятельности. Особое место в деятельности полиции по-прежнему занимала борьба с корчемством, однако она носила второстепенный характер. Питейное дело в результате губернской реформы перешло в ведение казенных палат, где и оставалось до середины XIX в.

Таким образом, деятельность полиции в XVIII в. первоначально заключалась в контроле за незаконной и несвоевременной продажей питей и в задержании пьяных, «шатающихся по улицам», в дальнейшем полиция получает право следить за тем, «дабы не было секретного провоза и продажи корчемных питей» и право расследования дел о нелегальном хранении и продаже спиртных напитков.

Институт фискалов как орган полицейского аппарата в России в первой четверти XVIII в.

*О. М. Хабарин*¹,

преподаватель кафедры истории государства и права МосУ МВД России имени В.Я. Кикотя

Институт фискалов, созданный Петром I в начале XVIII в. в ходе реформ органов государственного управления, в первую очередь был призван выполнять функции тайного государственного надзора и контроля. Однако анализ правовых основ деятельности фискалитета, а также многочисленных фискальных отчетов, подававшихся в Сенат, показывает, что фискалы широко привлекались также для выполнения функции контролеров и обязанностей полицейского характера². Они принимали участие в расследовании преступлений, присутствовали при допросах и пытках и иногда вместе со следователем-«розыщником» подписывали протоколы допросов. Кроме того, фискалы выступали в качестве представителей государственной власти во время описи конфискуемого имущества и составлении актов на казенное имущество, пришедшего в негодность, присутствовали во время торгов на казенные подряды, проверяли состояние и правильность отчетности, порядок прохождения челобитных.

При проверке денежной отчетности и приходно-расходных книг приказов и канцелярий часто вскрывались хищения. Так было в Поместном приказе, где фискалы обнаружили, что имение стоимостью в 15 тыс. руб. было продано всего за 500 руб. Так было и при проверке бумаг артиллерийского бурмистра, которая вскрыла хищение казенных денег³.

Фискалы разбирали не только дела, касавшиеся охраны интересов казны, составлявшие 59 % всех обвинений, но и гражданские дела, в состав которых входили должностные (20 % всех обвинений) и уголов-

¹ © Хабарин О. М., 2018

² Анпилогов Г. Н. Фискалитет при Петре I // Вестник МГУ. Ист.-фил. серия. М., 1956. № 2. С. 69.

³ РГАДА. Канцелярия Сената. Д. 3 Л. 28–34; Д. 82. Л. 38; Д. 205. Л. 192; Кабинет Петра I. Д. 28. Л. 469; Д. 48. Л. 469.

ные преступления, уклонение от службы в армии. Политические и частные вопросы занимали незначительное место в работе фискалов¹.

Проверяя документы, присутствуя при описях, торгах и т. д., фискалы получали обличительный документальный материал открытым путем. Но часто этого материала было недостаточно для того, чтобы установить злоупотребление, раскрыть преступление и потребовать наказания виновников. Поэтому открытый контроль и проверка, осуществляемые фискалами, дополнялись тайным надзором, осуществлявшимся с помощью тайных осведомителей. Частные доносители, которых было много и до учреждения фискалитета, превратились в помощников фискалов по тайному надзору. Тайные доносители и агенты, подобранные и проинструктированные фискалом, значительно расширяли возможность надзора и контроля, раскрытия готовящихся или уже совершенных преступлений. Они были глазами и ушами фискала. Сочетание форм открытого контроля и тайного надзора облегчало фискалам выполнение их сложной работы².

Необходимо отметить, что функциональные обязанности и формы контроля на протяжении всего периода существования фискалитета менялись. Так, сенатский указ от 4 августа 1712 г. «Об описи и оценке движимых и недвижимых имений в казну в присутствии обер-фискалов»³, обязывающий фискалов присутствовать при описи конфискуемого в казну имущества и следить за тем, чтобы оно не оценивалось ниже действительной стоимости, оформил новую функцию фискалов – защищать казенные интересы при совершении сделок. Полномочия надзора за соблюдением государственной монополии на продажу различных товаров выводили сам институт на несколько иной уровень. Нарушалась основа деятельности фискалов: проведывать, доносить и при суде обличать. Фискал, в целом заинтересованный в совершении преступления с последующим его раскрытием, в данном случае

¹ Шестаков С. Е. Деятельность фискалов в эпоху петровских реформ // Материалы XXI Всесоюз. науч. студ. конф. «Студент и научно-технический прогресс». Новосибирск, 1983. С. 32–33.

² Анпилогов Г. Н. Указ. соч. С. 71.

³ ПСЗРИ. Собр. 1. Т. IV. № 2564.

вынужден был именно предотвращать противозаконные действия, приносящие вред государственным интересам.

27 ноября 1713 г. Сенат издал распоряжение, предписывающее оставшуюся в Москве после отправки на экспорт паюсную икру, продать на торгах охочим людям обязательно в присутствии фискалов, которые должны были засвидетельствовать наивысшую цену, предложенную за товар¹. В подобных случаях фискалы выступали как контролеры, гаранты законности какой-либо сделки или делопроизводственного процесса.

Сенатский указ от 24 апреля 1713 г. также предписывал двум фискалам быть в роли контролеров и присутствовать при финансовой ревизии Ратуши и Большой московской таможни, которую должен был проводить специально выбранный из царедворцев человек. Причем в указе сказано, что при ревизии обязательно должен присутствовать фискал Михаил Андреев². Таким образом, законодатель мог не только давать общие распоряжения об участии тайных «надсмотрителей» в тех или иных мероприятиях, но и назначать конкретных исполнителей исходя из собственного понимания проблемы.

Указ от 20 октября 1719 г. законодательно оформил право фискалов проверять документацию присутственных мест. Им разрешалось в любое время по собственной инициативе или по доносу просматривать дела и книги, «чтоб непорядочным образом для злой хитрости устроены не были»³. Обо всем проведенном фискалы доносили правительству, причем в письменных доносах им рекомендовалось указывать не только само нарушение, но и закон, против которого оно было направлено⁴. Фискальские доношения подавались по принадлежности в то учреждение, которого они непосредственно касались. Так, в Сенат и коллегии доношения о беспорядках и упущениях в собственном ведомстве этих учреждений поступали от состоявших при них фискалов. Производство в присутственном месте по доношению не зависело от

¹ Петровский С. А. О Сенате в царствование Петра Великого. М., 1875. С. 128.

² ПСЗРИ. Собр. 1. Т. V. № 2672.

³ ПСЗРИ. Собр. 1. Т. IV. № 2414.

⁴ ПСЗРИ. Собр. 1. Т. VIII. № 6187.

фискалов. Однако они имели право лично и устно обличать лицо, на которое поступило доношение в Сенате¹.

По инициативе фискалов часто отменялись неправильные судебные решения. Основным поводом для проверки фискалами судебного решения являлась либо жалоба челобитчика, либо сообщение доносителя. Получив жалобу, фискал пытался проверить ее, затем передавал обер-фискалу, который сообщал о ней Сенату, после чего жалоба поступала в Расправную палату для расследования. Такое положение вызывало приток к фискалам многочисленных челобитных, расследование которых отвлекало фискалов от выполнения основных задач.

Для податных сословий фискалы являлись, прежде всего, защитниками от злоупотреблений сборщиков налогов. Фискалитет воспринимался обществом как своеобразная апелляционная инстанция, где можно было найти защиту от самоуправства и притеснения властей. Охрана государственного интереса и выявление фискальных преступлений фискалами ассоциировались с защитой от излишних поборов со стороны должностных лиц².

Однако анализ доношений частных лиц показывает, что в большинстве случаев их авторы обращались к фискалам, когда преступления против государственной казны и злоупотребления должностных лиц затрагивали их личные интересы³.

Участие фискалов в судопроизводстве выражалось также в том, что они присутствовали при допросе обвиняемого и подписывали акт о его допросе, так же как и составляемую для доклада выписку из дела, «чтобы от них, фискалов в том какого на приказных людей доношений не происходило⁴.

Поскольку, кроме защиты интересов казны и «взыскания всех безгласых дел» фискалам вменялось в обязанность следить за лицами, годными к военной службе, чтобы они не стремились избежать такой

¹ Муравьев Н. В. Прокурорский надзор в его устройстве и деятельности. Т. 1. Ч. 2. М., 1889. С. 256.

² Платонова Н. В. Институт гражданских фискалов в представлениях российского общества // Постигая историю России: К 50-летию науч. студ. кружка отечественной истории средневековья и нового времени. М., 1997. С. 139.

³ Там же. С. 138–139.

⁴ ПСЗРИ. Собр. 1. Т. V. № 3293.

участи и исправно являлись на смотры, фискалы должны были присутствовать в различных ведомствах, при составлении списков подьячих, подлежащих призыву на военную службу, удостоверить данные списки своими подписями и смотреть за различными правонарушениями. В случае обнаружения противозаконных действий со стороны подьячих, «надсмотрители» должны были доносить об этом, а также присутствовать на их допросах в качестве свидетелей обвинения¹.

Активное участие фискалов в процессе рекрутских наборов подтверждается и указом от 12 мая 1713 г. Их многочисленные доносы помогли выявить злоупотребления конвоиров, сопровождавших новобранцев до места назначения, в результате которых рекрутам «в спроваживании бывает от того продолжение и нужда...»². Особенно много дел касалось дворян, укрывающихся от службы и симулирующих различные недуги, а также о беглых солдатах, рекрутах и крестьянах. Не ограничиваясь часто просто доносами на укрывателей, фискалы, по замечанию Г. Н. Анпилогова, могли даже арестовывать беглых и направлять их соответствующим властям³.

Таким образом, создание полицейского государства в России в первой четверти XVIII в. вызвало к жизни и необходимые ему атрибуты, в частности, специализированные ведомства тотального контроля и всеобъемлющего сыска, одним из которых был институт фискалов. Фискалитет, руководствуясь в своей деятельности методами тайного и явного надзора и контроля, активно использовался государством не только для ведения политического сыска, но и для выполнения типичных полицейских задач.

¹ ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 4. № 2494; Т. 5. № 2679.

² ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 5. № 2678.

³ Анпилогов Г. Н. Указ. соч. С. 70.

Полицейские чиновники Сычевского уезда Смоленской губернии – вожди народной войны в 1812 г.

*А. В. Давиденко*¹,

начальник кафедры истории государства и права

МосУ МВД России имени В.Я. Кикотя,

кандидат исторических наук, доцент

Сычевский уезд, прославившийся накалом народного сопротивления разбойным налетам неприятельских отрядов и мародерских шаек, прилегал к Смоленской дороге с севера на протяжении 10 верст – от Царева Займища до Гжатска. С ним граничили Вяземский, Бельский и Гжатский уезды. Далее на север от границ уезда начиналась Тверская губерния. С востока на запад Сычевский уезд простирался на 70 верст, с севера на юг – на 80. Городок Сычевка находился в 70 верстах от контролируемого оккупантами Смоленского тракта. Население уезда составляло около 90 тыс. чел. Местная пашня была самой скудной и малоурожайной в губернии. Соответственно бедны были и большинство помещиков с их крестьянами. Но, как показали события лета и осени 1812 г., «не хлебом единым питается преданность Отечеству»². Сычевские партизаны наводили страх на бродячие шайки мародеров и фуражирские команды. Как писал летописец войны на Смоленщине В. М. Вороновский: «Они создали себе грозную известность в рядах неприятелей. Бродившие по уезду отряды их так боялись имени «сычевки», как в войсках неприятельских боялись слова «казаки»...»³.

Попробуем перечислить факторы, способствовавшие превращению уезда в «яростное сгустилице» народного сопротивления иноплеменникам. На руку вожакам антифранцузской герильи сыграло то, что уезд располагался несколько в стороне от главной транспортной артерии оккупантов – Смоленской дороги, у местных административно-полицейских властей имелись время и возможности соорганизовать силы и наличные скудные ресурсы для борьбы с захватчиками и подготовить достойный прием партиям фуражиров и мародеров. Но решаю-

¹ © Давиденко А. В., 2018

² Нахимов А. П., Верховская Л. А. Смоленяне против Наполеона. Смоленск, 2012. С. 59.

³ Вороновский В. М. Отечественная война 1812 г. в пределах Смоленской губернии: 1812–1912. Юбил. изд. Смолен. губ. земства / [Соч.] В. М. Вороновского. Спб., 1912. С. 274.

щим был фактор личностный: в уезде подобралась команда храбрых, инициативных дворян и полицейских, авторитетных среди крестьян и имеющих военный опыт. Речь идет об уездном предводителе дворянства отставном подпоручике коллежском асессоре Николае Матвеевиче Нахимове, уездном исправнике отставном подпоручике Евстафии Богуславском, городничем Павле Карженковском, отставном майоре Семене Емельянове, начальнике сычевской инвалидной команды поручике Авксентии Подлуцком, заседателе нижнего земского суда отставном флотском лейтенанте Иване Граблинове и сычевском квартальном надзирателе губернском секретаре Василии Ленове. К сожалению, о биографиях большинства этих героев народной войны почти ничего не известно. Но рапорты, в которых упоминаются подвиги вожаков сопротивления, и некоторые документы из переписки сычевских партизан с армейским командованием свидетельствуют об их проверенной доблести и партизанском тактическом искусстве.

Получивший всероссийскую известность своими партизанскими подвигами Евстафий Васильевич Богуславский принадлежал к династии полицейских чиновников Смоленщины, вышедших из армейских рядов – один из его братьев Петр Васильевич служил исправником в Бельском уезде, другой – Данило Васильевич был заседателем в Сычевском уездном суде. Потомки героев 1812 г., судя по адресным книгам Смоленской губернии, продолжали служить в полиции на протяжении всего XIX в.

Благодаря генеалогическим и краеведческим изысканиям вице-председателя Московского дворянского собрания А. П. Нахимова у нас имеется возможность набросать эскизный портрет его славного предка – сычевского уездного предводителя дворянства и организатора крестьянской герильи. Сын офицера Николай Матвеевич Нахимов тоже выбрал военную стезю, но полученное после кончины дяди большое наследство позволило ему уйти в отставку и заняться хозяйством в имении Волочек Сычевского уезда. На помещичьем поприще он проявил себя толковым хозяином, имение приносило весомую прибыль. Окрестные дворяне уважали его за твердость характера, незыблемую честность и участие к неимущим – многим бедным землевладельцам он одалживал деньги без процентов. Высокая репутация позволила ему

дважды стать выборным предводителем уездного дворянства. К моменту нашествия ему исполнилось 36 лет, он был весьма набожен и пока еще холост. Небреженность семьей добавила рискованности в его подвигах. В будущем он станет не только главой собственного семейства, но и патриархом обширного клана Нахимовых, из которого он особенно выделял и окружал воспитательской заботой двоюродного племянника и своего крестного Павла Нахимова, ставшего адмиралом-героем¹.

В наградных документах содержатся скупые анкетно-послужные сведения о заседателе нижнего земского суда Иване Ивановиче Граблинове. В 1812 г. ему было 36 лет. Вместе с братьями он имел в собственности 320 крепостных. В 1794 г. Иван Граблинов поступил в Морской кадетский корпус кадетом, через три года выпустился гардемаринном. На Балтийском флоте был в постоянных походах, участвовал в четырех военных кампаниях. В 1799 г. получил чин мичмана. В январе 1808 г. оставил военную карьеру в чине лейтенанта и вернулся в родовое имение. С 1811 г. служил в сычевском земском суде².

Все перечисленные вожди народного сопротивления издавна знали и уважали друг друга, их взаимодействие основывалось не только на корпоративном боевом братстве служилых людей государства Российского, но и на личном чувстве товарищества.

В июле 1812 г. предводитель дворянства и полицейские власти в кратчайшие сроки смогли сформировать партию местного ополчения численностью в 1310 ратников, вооруженных холодным оружием и, частью, ружьями и пистолетами. 20 июля отряд был отправлен к месту сбора в Дорогобуж. Вскоре неприятельские войска вступили в границы губернии.

5/19 августа Смоленский гражданский губернатор К. И. Аш спешно эвакуировался из горящей губернской столицы вместе со штатом своих чиновников. В последний момент вице-губернатору

¹ Нахимов А. П. Народная война в Сычевском уезде в 1812 году // Недаром помнит вся Россия... : материалы II Клетновских чтений (Вязьма, 28–29 апреля 2011 г.). Вязьма, 2011. С. 116.

² Дело об отличиях, в 1812 г. разными лицами противу неприятеля оказанных // Смоленские партизаны в 1812 году. Смоленск, 1912. С. 98.

А. Алымову удалось вывезти из-под носа врага трехмиллионную казну и запас гербовой бумаги на миллион. На следующий день город был оставлен русскими войсками. Последнее распоряжение К. И. Аша, дошедшее до Сычевского уезда, возлагало на местную администрацию обязанность снабдить провиантом отходящую к Можайску часть смоленского ополчения. Постой 10-тысячного воинства в пределах уезда почти истощил его ресурсы. Полиция и предводитель дворянства скребли по сусекам, объезжали окрестных помещиков, дабы вымолить новые повозки с мукой и прочим продовольствием. К тому времени, когда ополчение двинулось в московскую губернию, и без того небогатый уезд превратился в полупустыню. Тем не менее, неприятель, поверив слухам об огромных фуражных и провиантских магазинах, устроенных в Сычевке для русской армии, стал ломиться в уезд многочисленными грабительскими партиями. Генерал Ф. Ф. Винценгероде, проследовавший через Сычевку со своим летучим корпусом, с мрачным скепсисом оценивал возможности сопротивления местных полицейских, дворян и крестьян наступающему противнику. По его мнению, уездный город был обречен. Генерал велел исправнику Е. В. Богуславскому готовиться к оставлению Сычевки: «Водку вылить, казенный хлеб предать огню и все то в городе истребить, что может для неприятеля способно [быть]»¹. Проводив генерала, Богуславский, Нахимов и Карженковский решили держать оборону до последней возможности.

Организовать народную самооборону было задачей на первый взгляд непосильной. Все имеющееся в уезде огнестрельное оружие и дельные пики были еще в июле отданы ополченцам. У крестьян на руках оставались только дубины, топоры, колья с железными наконечниками, да косы. Крестьянские и помещичьи зерновые и фуражные запасы существенно обмелели из-за армейских заготовок. Но этот фактор парадоксальным образом способствовал мобилизации всех поселян на борьбу. Французское грабительство, не получив отпора, обрекало сычевцев на верную голодную смерть. Наверняка Нахимов был озабочен вопросом о правомочности привлечения чужих крепостных к опасной службе кордонной самообороны. Как воспримут эвакуировавшиеся

¹ Попов А. И. Война необыкновенная. М., 2013. С. 19.

помещики гибель и ранения крестьян, находившихся в их собственности? Но правительство оперативно решило эту проблему – помещики, потерявшие крестьян в ходе партизанских стычек с неприятелем, «получали зачетные рекрутские квитанции»¹. Им уже не нужно было выставлять своих людей в ходе последующих рекрутских наборов.

Н. М. Нахимов и уездный капитан-исправник Е. Богуславский составили инструкцию по формированию сельских отрядов самообороны. Богуславский объездил все деревни уезда, призывая сельских обывателей организовывать сменяемые конные разъезды, создавать подвижные резервы, способные быстро выдвинуться к месту появления мародеров. Исправник наставлял крестьян держать связь между селами через систему оповещения верховыми посыльными и церковным набатом. Нужно отдать должное честности предводителя дворянства, упомянув о своей распорядительности в организации кордонной стражи, он подчеркнул, что боевыми вылазками, налетами на мародеров руководил Е. Богуславский: «Неоднократно и я выезжал против больших партий с исправником для распоряжения и поощрения крестьян, где и заседатель земского суда вспомоществовал; но по большей части один исправник присутствовал, распоряжался Граблинов и поощрял крестьян»².

Уже к 18/30 августа удалось набрать в кордонную стражу 400 поселян. Народные мстители были разделены на два отряда, первым командовал исправник Е. Богуславский, вторым – отставной майор Семен Емельянов. В этот же день первый вражеский отряд вступил на территорию уезда, но был отбит Е. Богуславским с крестьянами.

19/31 августа отряд майора Емельянова в восьми верстах от Сычевки обстрелял неприятельскую банду и гнал ее до д. Кобылиха, где восемь мародеров сдались в плен. В этот же день сычевскому городничему Павлу Карженковскому, начальнику инвалидной команды поручику Авксентию Подлуцкому и квартальному надзирателю Василию Ленову пришлось спешно собирать «разного состояния обывателей» полицейских «служителей с писцами» и вооружать их ружьями, тесками и пиками для отражения мародерской партии, рискнувшей поку-

¹ Лесли в войне 1812 г. Смоленск, 2009. С. 96.

² Рапорт сычевского предводителя дворянства Н. Нахимова Кутузову от 3 сентября 1812 г. за № 162 // Смоленские партизаны в 1812 году... С. 94.

ситься на уездный городок. Старики-ветераны из внутренней стражи и сычевские полицейские с мещанами в течение двух дней отстреливались от вражеского отряда польских улан, который кружил вокруг города, пробуя прорваться к нему с разных направлений¹. Первоначально уланы спокойно въехали на центральную улицу и попали в засаду, началась «отчаянная резня»². На прочих выездах из города обывателями были возведены баррикады, и уланы, пометавшись взад-вперед по центральной улице, обстреливаемые со всех сторон, получая удары пиками, дубинами, топорами, бросились прочь из западни. За околицей Сычевки они пришли в себя, выстроились в боевой порядок, «и окружили город цепью, требуя сдачи». Поляки «два дня осаждали город и ходили на него в атаку, но на третий день вынуждены были отступить»³. В ходе этих стычек и перестрелок старым солдатам, именуемым «подвижными инвалидами», полицейским чинам и дружине мещан удалось существенно пополнить свой арсенал, разукомплектовав амуницию на уланских трупах.

В ближайшие недели и остальная кордонная стража Сычевского уезда доказала свою боевую эффективность: заявлявшиеся в уезд сначала фуражирские, а затем карательные партии неприятеля с успехом отражались и истреблялись. Французы сочли за благо сдвинуть маршрут своих транспортов на отрезке от Вязьме до Гжатска южнее – фуры с награбленным провиантом и фуражом тряслись по глухим проселкам, дабы не подставляться под налеты сычевцев. Но на новых путях их поджидали партизаны подполковника Д. В. Давыдова⁴.

Задачи сычевских партизан существенно облегчались низкой боеспособностью и расхристанной дисциплиной неприятельских заготовительных отрядов, не говоря уже о шайках самовольных мародеров. Генерал Ф. Ф. Винценгероде, командующий летучим конным корпусом, истреблявшим врага в тылу и на левом фланге центральной группировки наполеоновских войск, в своем рапорте М. Б. Барклаю де Толли описывал состояние, до которого дошли европейские визитеры к

¹ Нахимов А. П., Верховская Л. А. Указ. соч. С. 56.

² Вороновский В. М. Указ. соч. С. 278.

³ Там же.

⁴ Нахимов А. П., Верховская Л. А. Указ. соч. С. 50–52.

моменту вторжения на территорию Смоленщины: «На всех дорогах находятся шайки грабителей и мародеров французской армии, часто даже под предводительством офицеров; они весьма дурно одеты, совсем почти оборваны и конные имеют весьма плохих лошадей и если их атакуют решительно, то они почти не защищаются»¹.

Благодаря многотомному дневнику дворянина А. А. Лесли, сына героя-партизана 1812 г., мы имеем редчайшую возможность услышать рассказы крестьян, участвовавших в народной самообороне и партизанских рейдах. Федор Заяц, крестьянин братьев Лесли, участвовавший в кордонных разъездах, по просьбе барина описал тактику борьбы с фуражирами и мародерами. На вооружении караульчиков были длинные пики и сабли, а также на весь отряд в две сотни человек четыре кавалерийских мушкета и несколько пистолетов, отряд разбивался на группы, оперативно реагирующие на донесения пикетчиков о появлении мародеров: «Как эти бродяги придут куда-нибудь в деревню, человек 10 или более, или менее, грабить скот или забирать хлеб; как узнаем, – отрядят нас человек 40 или сколько нужно, мы обскачем их – и, как неприсяжные солдаты, то не острым концом, а тупым хорошенькохватишь, то он и бросает ружье кричит, «пardon». Тогда у них отберут все оружие и соберут с другими в кучи и погонят плетью, как баранов. Ни одного не убили, и как сдается, то уже не обижают. Раз четыре француза забрались ночью около водяного колеса на мельницу. Мы узнали это и обступили, закричали им: «Сдавайтесь! Pardon!» Они закричали: «Нон pardon!» – и начали стрелять. Нас было сорок человек, и нам приказали отступить поодаль и, окружая, стоять. Они выстрелят все патроны – и тогда сдадутся. Так и сделали. Они стреляли несколько часов, а мы стояли, и они никого не ранили. Потом разом как крикнем: «Ура!», бросились и окружили. Они сдались, закричав: «Pardon!» – и мы их живьем взяли и отвели к пленным, которых понемногу, а много набрали за все время. При нас было три киргиза, два калмыка и два татарина. Они уже знали, как надо разъезды делать и все наши правила»².

Инспектор народных училищ Бекетов, инспектировавший Смоленскую губернию зимой–весной 1813 г., делился своими впечатле-

¹ Цит. по: Попов А. И. Война необыкновенная... С. 18–19.

² Лесли в войне 1812 г. ... С. 59.

ниями о местных поселянах, недавних кордонных стражниках и истребителях мародеров: «Нельзя подивиться, что добрый наш крестьянин, столь незнакомый ни с чем, кроме плуга, в два месяца потерял робость и огнестрельным оружием действовал едва ли хуже воина, приученного ко всегдашним победам»¹. Но став воином, крестьянин-партизан оставался одновременно и пахарем: «К чести поселян смоленских сказать можно, что они, во все время пребывания врагов, среди общего ужаса, выезжали из дремучих лесов, их укрывавших, в глухую полночь сеяли хлеб и все нужное»².

29 августа / 9 сентября исправник Е. В. Богуславский прискакал в с. Тесово, принадлежавшее подполковничьей вдове Логиновой и, созвав местный отряд самообороны, вооруженный помещицей по предписанию предводителя дворянства, велел крестьянам приготовиться к отражению неприятельского скопища числом более трех сотен. Богуславский вывел сельчан за околицу и организовал засаду на подступах к селу. Налет на мародеров оказался внезапным, но они сложили оружие не сразу – около 130 из них были истреблены ружейным огнем, пиками и топорами, 60 сдались в плен, остальные разбежались. Вражеские трупы сбросили в близлежащий Красный овраг и закопали³.

Необходимо особо упомянуть о сподвижнике исправника Евстафия Богуславского отставном майоре Семене Емельянове. Этот доблестный партизан происходил из простонародья и получил офицерское звание будучи суворовским солдатом за подвиг, совершенный в неудачном для русского оружия сражении при Цюрихе в 1799 г. Получивший тяжелую рану Семен Емельянов попал в руки неприятеля, спрятав на себе полковое знамя, которое и сохранил до русско-французского обмена пленными. За это Павел I пожаловал солдату офицерский чин. Пройдя через многие битвы богатой на военные события эпохи и дослужившись до капитанского звания, Семен Емельянов ушел в отставку с производством в следующий чин и отправился залечивать на родной Смоленщине многочисленные раны. В период нашествия он не мог остаться в стороне и деятельно включился в орга-

¹ Вороновский В. М. Указ. соч. С. 327.

² Там же.

³ Там же. С. 275.

низацию кордонной стражи. Майор собрал из односельчан отряд и, опираясь на свой незыблемый авторитет, обучил их военному порядку, строевым приемам и тактическим хитростям. С первых же стычек крестьяне стали обзаводиться трофейным оружием, и майор усиленно тренировал их в стрельбе и штыковых ударах. Зная окрестную местность, Семен Емельянов умело устраивал засады, из которых внезапно нападал со своей дружиной на опешивших неприятелей, истреблял всех, кто вздумал сопротивляться, остальных же под конвоем отправлял в Сычевку. Верным помощником майора был квартальный надзиратель Василий Ленов.

В конце августа крестьянский разъезд заметил вражескую партию из 31 человека французов и поляков, двигавшуюся к селу Левшину в 15 верстах от Сычевок на берегу р. Вазуза. Крестьяне оставили село и отправили верхового гонца за подмогой к майору Емельянову. В Левшине остались лишь бурмистр по имени Петр, прозванный «Вазузским Ахиллесом» за то, что имел манеру «переламывать пополам каждого встречного неприятеля». С силачем-бурмистром рискнул остаться еще один крестьянин¹. Визитеры вломились в добротный бурмистерский дом и, добравшись до съестного и выпивки, учинили разгульный пир, не позаботившись даже выставить охрану. Петр с односельчанином приперли дверь снаружи, а когда незваные гости всполошились и пробовали вылезти через окна, стали по ним стрелять и заколачивать обратно дубинами. Для бурмистра важно было задержать налетчиков до прихода помощи. Это удалось ему ценой жизни – выстрелом сквозь дверь он был смертельно ранен. Но тут появился майор Емельянов и квартальный Ленов со своими дружинниками и принудили противника сложить оружие. Согласно преданию, спас мародеров от расправы сам умирающий бурмистр, попросивший односельчан сохранить им жизнь. «Ахиллеса» похоронили возле приходской церкви².

Нужно сказать, что наличие в уезде русской власти в лице полиции и предводителя дворянства спасло жизнь многим неприятелям. Ибо в оккупированных «безначальных» уездах, где крестьянам некому было сдавать пленных, участь мародеров и фуражиров была подчас

¹ Вороновский В. М. Указ. соч. С. 276.

² Там же.

жуткой. В Сычевке скапливались тысячи пленных. Городничий Павел Карженковский отправлял их партиями в прифронтовую неоккупированную Тверскую губернию.

По сообщению Петербургской газеты «Северная почта», некая выпускница училища благородных девиц из соседнего Зубцовского уезда Тверской губернии имела возможность побеседовать на французском с пленным из партии, отправленной в Зубцовск сычевскими партизанами. Тот рассказывал о патриотическом исступлении крестьян и «жаловался крайне на сих необразованных воинов, что они бьют неприятелей без всякой пощады»¹. По наблюдению пленника, Сычевский уезд был наполнен воинственными поселянами и мещанами с косами, топорами, вилами. В городе, как на островке безопасности, скапливались беженцы из Смоленска, Дорогобужа, Вязьмы и других городов².

Надежной опорой полицейских властей уезда стали низовые полицейские служители – старосты, сотские, пятидесятские и десятские. Сотские Матвей Куренков и Захар Щенников взяли на себя организацию круглосуточных патрулей в Сычевке и конвоирование пленных в Тверскую губернию. С оружием в руках выходили на отпор покушавшимся разорить Сычевку бандам, а затем участвовали в дальних рейдах горожане-пятидесятники Федот Милеев, Семен Тяполовский, Александр Костин и Василий Мельников. Все они позже были награждены серебряными медалями в память об Отечественной войне.

Среди героев-сычевцев благодаря епархиальным властям стал известен пономарь Алексей Смирягин, возглавлявший отряд самообороны с. Савенки. Он заметил с колокольни крупную фуражную команду и со своими караульщиками напал на нее, захватив в плен офицера, бумаги которого и кавалерский знак Почетного легиона пономарь хранил как личный трофей, покуда о подвиге не узнали церковные власти и не передали захваченное армейскому командованию. По представлению военного министра Высочайшим повелением крестьянам отряда был пожалован похвальный лист, зачитанный в церкви при общем сте-

¹ Нахимов А. П., Верховская Л. А. Указ. соч. С. 69–70.

² Вороновский В. М. Указ. соч. С. 275.

чении односельчан, а пономарь был награжден знаком отличия военного ордена – Георгиевским крестом¹.

Майор С. Емельянов погиб в бою близ того самого села Тесово, уже подвергавшегося вражескому налету. Тогда Е. Богуславскому удалось отстоять село. В этот раз французам повезло больше. 15/27 сентября значительная партия мародеров численностью около 300 чел. обобрала село начисто, осквернив и разграбив церковь. Тесовский отряд самообороны, видя неравенство сил, ушел в лес. К Емельянову был отправлен гонец. Нагрузив телеги добычей, французы двинулись к Смоленскому тракту. В это время Емельянов с Леновым во главе отряда из 32 сычевских обывателей и 11 крестьян истребляли мародерскую шайку в с. Ключаево – хищники ретировались, оставив на месте два трупа и восемь раненых. Емельянов и Ленов, раздосадованные тем, что эта мелкая стычка задержала их, бросили свой отряд громить банду, разорившую Тесово. Надежда на фактор парализующей внезапности в этот раз не оправдалась – слишком велико было численное превосходство мародеров. По рассказам крестьян, Емельянов верхом пробился в гущу неприятелей и зарубил конного святотатца, везшего икону в позолоченном окладе. С нескольких сторон ветеран оказался прошит пулями. Увидев гибель старшего друга и товарища, квартальный Ленов пришел в ярость и призвал дружинников к беспощадной резне. Лишь когда около сотни мародеров приняли смерть, а остальные сложили оружие, крестьяне пришли в себя и кровавое пиршество мести затихло. 160 пленных были отправлены в Сычевку. Казалось бы, невероятный результат для группы в четыре десятка человек крестьян, но данные о пленных подтверждаются документально. Василий Ленов получил следующий чин «за храбрость в стычке с неприятелем и благоразумные меры, принятые в сражении, в котором убит майор Емельянов»².

3/15 сентября Н. М. Нахимов в своем рапорте на имя М. И. Кутузова докладывал: «За должное поставляю донести Вашей Светлости, что неприятель, проходя Вяземскую округу, входил разными отделе-

¹ Дело о подвигах, учиненных крестьянами с. Савенок и пономарем Смирягиным // Смоленские партизаны в 1812 году... С. 91; Предложение Святейшему Правительствующему Синоду от 4 июня 1813 г. // Приложение к кн. Вороновский В. М. Указ. соч. С. 396.

² Смоленские партизаны в 1812 году... С. 11.

ниями и в Сычевскую, делал убийства, грабительства, сожигал дома господские и селения крестьян, а скот, лошадей и все имущество забирал с собой, даже и храмы Божии не остались без разграбления. Но как по приближению неприятеля, по предписанию моему, были вооружены в каждом селении крестьяне пиками, учредя по очереди из оных конные разъезды, которые, услыша или заметя о неприятеле, должны немедленно давать знать господину исправнику и в ближайшие селения и чтобы из селений вооруженные крестьяне по первому извещению немедленно являлись к назначенному месту, при том убеждая, что за Веру, Отечество и Августейшего Государя нашего не должно щадить жизни»¹. В вотчине Нахимова с. Волочек, где помещик владел самым обширным и роскошным домом в уезде, на высокой колокольне приусадебного храма во имя Введения Пресвятой Богородицы был устроен наблюдательный пост. Часовые в случае тревоги разжигали дымные факелы, различимые во всей округе и днем, и ночью. По одному сигналу «все окрестные деревни пустели, по другому – жители собирались по домам»².

Об активности и эффективности кордонной стражи мы можем судить по некоторым рапортам и донесениям, составленным противником. Квартировавший со своей дивизией в Вязме генерал Л. Бараге д'Ильер, которому Бонапарт поручил охранять коммуникационную линию, соединяющую смоленский гарнизон с основными войсками, докладывал своему императору о ситуации, сложившейся на севере губернии к 8/20 сентября: «Число и дерзость вооруженной милиции (так французы именовали отряды крестьянской самообороны, – *А. Д.*) в деревнях и в глубине области умножается. Милиция деревни Клушино перехватила транспорт с понтонами и понтонеров под командой капитана Мишеля; эта милиция повсюду отбивает и истребляет отряды, которые необходимость вызывает посылать за продовольствием... Необходимо срочно предупредить новые эксцессы, или наказать за прежние преступления, чтобы укротить их наглость». Генерал упоминал о нападении 3/15 сентября ополченцев Е. В. Богуславского на обоз понтонеров, при котором был захвачен капитан Мишель, шесть пехотинцев и

¹ Нахимов А. П., Верховская Л. А. Указ. соч. С. 57.

² Вороновский В. М. Указ. соч. С. 275.

14 солдат-ездовых. Этой вылазкой ополченцы удостоились «чести» обратить на себя внимание и гнев Бонапарта. Он приказал коменданту Гжатска отправить в Клушино карательный отряд числом 300–400 чел., дабы «наказать ту деревню, которая совершила это нападение». Каратели выявили шесть крестьян-ополченцев и препроводили их в Смоленск, где они были посажены в тюрьму. Заточение оказалось недолгим: воспользовавшись нерасторопностью французской охраны, в ночь на 8/20 сентября ополченцы сбежали, выломав две доски в стене. Узнав об этой дерзости, Наполеон распорядился: «Пошлите отряд и сожгите деревню». Императору доложили об исполнении приказа и о новых выявленных карателями обстоятельствах – активным пособником «русской милиции» был управляющий из усадьбы графа Салтыкова. Наполеон приказал расстрелять патриота, а графскую усадьбу спалить. Но зверства оккупантов лишь ожесточали русских поселян.

Кровавая результативность народной войны росла день ото дня. Даже в отсутствие поблизости кордонных разъездов, крестьяне сами инициативно истребляли неприятелей. Отставшие от своих частей одиночки, мелкие шайки мародеров растворялись бесследно. Ужас перед мстительными жестокостями «бородатых варваров» подчас парализовал волю мародеров к сопротивлению, при одном только виде скопищ крестьян с пиками, ружьями и топорами они бросали оружие и молили о пощаде. Как извещала петербургская «Северная почта», за неделю с 12/24 по 19 сентября / 1 октября исправник Богуславский отправил через г. Старицу рекордную партию общей численностью в полтысячи пленных. Эти цифры не были «охотничьим бахвальством». Пленные передавались зубцовскому земскому суду. Уездный исправник капитан Никанор Михайлович Толубеев выдавал сычевцам расписки о количестве принятых неудачливых споспешников Бонапарта¹. Расписки хранил у себя Н. М. Нахимов, изъявлявший готовность по первому требованию предъявить их армейскому командованию.

Пример сычевцев вдохновил и соседей. Тверской гражданский губернатор Л. С. Кологривов направил генерал-губернатору Новгородской, Тверской и Ярославской губерний принцу Георгу Ольденбургск-

¹ Рапорт сычевского предводителя дворянства Н. Нахимова Кутузову от 3 сентября 1812 г. за № 162 // Смоленские партизаны в 1812 году... С. 94.

му рапорт с обоснованием необходимости восстановить губернаторское правление в непокорившихся французам смоленских уездах, прилегающих к границам его губернии. Кологривов извещал о решении принять уезды под свою опеку и обещал «немедленно сделать распоряжение как относительно успокоения поселян, так и отражения неприятельских нападений путем партизанства по примеру Сычевского уезда». В северные уезды Смоленщины был откомандирован в качестве губернаторского полномочного представителя советник Тверской гражданской палаты коллежский асессор Яков Семенович Денисов, которому переподчинялись чины градской и земской полиции. На месте он выяснил, что исправник Богуславский уже предпринял все возможные меры, обеспечивающие действенность кордонной стражи. Вместе с Денисовым в опасную командировку напросился заседатель ржевского уездного суда подпоручик Петр Гурьевич Лутковский. У его семейства были свои счеты с французами, разорившими несколько родовых гнезд этой дворянской фамилии. В своем насыщенном краеведческими сведениями дневнике А. А. Лесли поместил рассказ о случае с одним из «смоленских» Лутковских: «...Помещик Лутковский в 1812 году, когда приближались французы, взял своего преданного старосту и с ним, уложив серебро и другие ценные вещи, отправился в лес. Зарыли, сделали пример. Лутковский уехал в безопасные губернии. Когда пришли в его имение, кто-то из дворовых сказал им: «Староста с барином закапывали в лесу серебро и прочее». Французы стали допрашивать старосту, бить, мучить. Сперва он отговаривался в справедливости этого показания, а потом, когда его стали уличать доносчики, он сказал: «Хотя и зарывал с барином клад, но не помню, где». Его изверги стали еще более мучить и тиранить, выпытывая, где клад; но он молчал, отпирался забытьем. Его до смерти замучили; он не открыл». Разграбив оставшийся в имении скарб, мародеры удалились. «Лутковский, когда война закончилась, возвратился и нашел все свои сокровища»¹.

Наибольших успехов в истреблении неприятелей сычевские партизаны добились в боевом содружестве с казачьим полком М. Г. Чернозубова 8-го, численностью в 332 шашки. В последнюю декаду сен-

¹ Лесли в войне 1812 г. ... С. 60.

тября и в начале октября казаки совместно с ополченцами Е. Богуславского совершили несколько успешных вылазок, наводя хаос среди неприятельских транспортов, идущих по Смоленскому тракту. Для этого бойцам Богуславского пришлось выдвинуться в рейдовый поиск на территорию Вяземского уезда и пройти 60 верст на юг от Сычевки. Тем самым отряд исправника, если следовать классификации современного исследователя А. И. Попова, сменил статус – теперь кордонные бойцы самообороны превратились в настоящих партизан, выполнявших совместно с армией боевую задачу вдали от своих селений. Одной из разведывательных партий, вышедших к Большой дороге, был конный отряд из 80 сычевцев под командованием председателя земского суда прапорщика Евграфа Петровича Кардосысоева.

1/13 октября близ д. Теплуха Вяземского уезда партизаны наткнулись на иноплеменников в белых обтрепанных мундирах с синими обшлагами и воротниками – это были две роты вестфальцев во главе с капитаном Бардеслебенем. Численное превосходство не помогло неприятелям – немцы, не успев сгруппироваться в каре, были разбиты конной атакой. Дюжина их была убита, 19 попали в плен, остальные убежали в сторону Теплухи. Продвинувшись к околице, сычевские разведчики узнали, что деревня занята крупными силами. Это наводило на мысль, что в Теплухе размещен какой-то важный охраняемый объект. С этими сведениями бойцы Кардосысоева вернулись в Сычевску к исправнику Е. В. Богуславскому, который срочно сформировал отряд в 200 конных и пеших партизан во главе с ржевским председателем П. Г. Лутковским, сычевским председателем И. И. Граблиновым и его братом-помещиком. Богуславский распорядился «взять по возможности неприятеля, находящегося на большой дороге...». Когда сычевская рейдовая партия приблизилась к Теплухе, выяснилось, что встревоженные предыдущей стычкой французы и вестфальцы стянули в деревню два пехотных батальона с пушками. При приближении сычевских конников неприятель вышел навстречу и построился в боевой порядок. Несколько пушек обстреляли сычевцев картечью. Пришлось отступить, но не с пустыми руками – на аванпостах были схвачены четверо французских часовых, которые показали, что неприятели устроили в дерев-

не почтовую курьерскую станцию, через которую идут эстафеты из Смоленска к обосновавшемуся в Москве Бонапарту¹.

Е. В. Богуславский, понимая, что своими силами деревню не взять, предложил казачьему командиру М. Чернозубову провести совместную операцию. По всей видимости, какой-то специально выделенный казачий отряд выманил «вентером» – ложной атакой и демонстративно спешным отходом – большую часть неприятельского гарнизона из деревни, а остальные казаки и ополченцы дерзким налетом разгромили французский почтовый пост и взяли в плен пытавшегося ускользнуть курьера с эстафетной почтой². Возвращавшиеся основные вражеские силы вынудили партизан ретироваться из деревни. Казаки продолжили курсировать близ Теплухи, поджидая следующую эстафету.

Попутно с блокированием Теплухи 8/20 октября и 9/21 октября казаки и крестьяне уничтожили отряд, следовавший по Московскому тракту, и полностью истребили целый вражеский батальон, маршировавший по Можайской дороге. Тверской губернатор Л. С. Кологривов докладывал о том, что в этих боях были взяты в плен три офицера и 147 рядовых³.

10/22 октября реквизиционная партия 5-го Вестфальского полка числом в две роты под командованием капитана Бардеслебена, отправленная в мародерский рейд из д. Теплуха, едва смогла вернуться к своим, атакуемая казаками Чернозубова и ополченцами Е. Богуславского. Вестфальцы смогли пригнать своим голодавшим сослуживцам лишь несколько коров. Но отвлекая на себя казаков и ополченцев, фуражиры помогли прорваться сквозь партизанскую блокаду вестфальской роте, которая конвоировала в Вязьму артиллерийский парк. 250–300 казаков вместе с крестьянской дружиной теснили роту, выстроившуюся в каре, чередуя ружейные залпы с казачьими атаками. Плотный строевой порядок делал неприятелей отличной мишенью. Немцы, осознавая, что прорыв каре обернется беспощадной крестьянской резней и казачьей рубкой, держались стойко. Раненых затаскивали в середину каре и двигались дальше. Почти час ружейный огонь крестьян прошивал их ряды.

¹ Нахимов А. П., Верховская Л. А. Указ. соч. С. 74.

² Попов А. И. «Летучий корпус» ... С. 73.

³ Нахимов А. П., Верховская Л. А. Указ. соч. С. 72.

Но затем со стороны Вязьмы подошел отряд земляков-вестфальцев, и русские прекратили преследование.

В тот же день в качестве пехотного сопровождения казачьей атаки сычевские партизаны участвовали в разгроме большого обоза на Смоленской дороге близ Царева Займища. По рапорту Чернозубова этот налет оказался чрезвычайно трудным, поскольку транспорт сопровождался многочисленным пехотным конвоем. Тем не менее, казакам и сычевцам удалось отбить много провиантских фур и угнать их в с. Холм за 15 верст от места нападения.

Благодаря А. И. Попову, вместившему в текст своего исследования массу «неприятельских» источников, у нас есть возможность рассмотреть этот бой глазами противника.

Один из командиров обозного конвоя лейтенант Гиссе описал в своих мемуарах тактику взаимодействия в этом бою казаков и ополченцев исправника Богуславского. Обоз состоял из двух частей, головной командовал вестфальский капитан Боде, арьергардной частью – француз Гиссе. Последний получил от Боде извещение о том, что его собираются атаковать казаки. Обе части обоза соединились. Вестфальцы и французы построились в каре. Появились три сотни чернозубовских казаков. Но они не спешили атаковать, пока не подошли пешие крестьяне-ополченцы. Сычевцы старались расстроить плотное каре ружейными залпами, в промежутках между которыми казаки налетали на конвой и пускали в ход пики. Бой длился три четверти часа, пока на звуки пальбы к неприятелю со стороны Вязьмы не подошла подмога в виде роты вестфальцев под командованием лейтенанта Гильзы. Тогда Чернозубов и Богуславский решили отступить, угнав часть повозок. В своих рапортах армейскому командованию о перечисленных поисках и налетах Чернозубов отметил: «В сих предприятиях содействовали мне города Сычевок дворянский предводитель Нахимов и исправник Богуславский»¹.

Утром 16/28 октября крупный отряд вестфальского подполковника де Лаборда, двигавшийся в сторону Гжатска, был атакован казаками и крестьянами. Вестфальцы прибегли к испытанной тактике – построи-

¹ Попов А. И. Война необыкновенная... С. 31.

лись в каре и двинулись дальше, оцетинившись штыками и отстреливаясь. В течение трех часов ополченцы Богуславского обстреливали их со всех сторон, а казаки «дразнили атаками», стараясь расстроить каре. Понеся потери, немцы все же смогли отбиться, ибо у ополченцев и казаков не было ни одной пушки, чтобы расколоть плотный пехотный порядок и пробить брешь для казачьей рубки и работы пиками.

Неудачи вестфальцев навели Бонапарта на мысль заменить слишком «нейтральных» по отношению к местному населению немцев на «лютых врагов русского имени» – поляков. Французский император не без оснований полагал, что последние будут свирепы и беспощадны в истреблении «русской милиции». Он приказал смоленскому «губернатору» генералу Бараге д'Ильеру, отвечавшему за безопасность линий снабжения, «заменить вестфальские войска от Смоленска до Можайска тремя батальонами Вислинских полков». Батальоны поляков должны были стать стационарными гарнизонами в Дорогобуже, Вязьме и Гжатске, выделив по 100 штыков для охраны каждой промежуточной почтовой станции.

Основываясь на горьком опыте партизанских налетов на Теплуху, Бараге д'Ильер писал маршалу Бертье, что для усмирения партизан, милиции и поголовно вооружившихся жителей в пространстве между Смоленском и Можайском нужно гораздо больше войск: «Крестьян невозможно привести к повиновению с гарнизонами по двести человек». Необходимо было и большое количество переводчиков, дабы доводить до крестьян «нужды завоевателей»¹. Замена вестфальцев тремя польскими батальонами численностью по 400 человек могла решить лишь последнюю задачу – среди поляков имелось немало тех, кто знал русский язык. Бараге д'Ильер писал о том, что он отправил три колонны по 50 пехотинцев и 15 гусар для «обозрения области и сбора продовольствия». Две из них не вернулись. Махнув рукой на приказы Наполеона усилить контрпартизанские репрессии, смоленский «наместник» счел нецелесообразным распылать свой контингент на рискованные карательные экспедиции, и ограничился сбором продовольствия для

¹ Попов А. И. Война необыкновенная... С. 24.

гарнизонов, снабжением госпиталей и транзитных партий раненых¹. Любопытно сравнить эту деловую переписку с заявлениями скандально прославленного историка Е. Н. Понасенкова о повсеместном «дружелюбии» крестьян по отношению к захватчикам, которые смогли-де завоевать доверие бородачей до такой степени, что «повсюду чувствовали себя в безопасности». Для подтверждения этой нелепой фальсификации Е. Н. Понасенков приводит вырванные из контекста цитаты некоторых представителей Великой армии, напрочь игнорируя массив неприятельских выкриков ужаса о размахе народной войны². По мнению молодого историка, народной войны вообще не было: «Почему местное население не почувствовало в себе богатырские и патриотические силы и не «встало грудью»? Где та распиаренная «народная война»? Ее реальные проявления были не антифранцузскими, а антиправительственными»³. В данном случае Е. Н. Понасенков дублирует выводы классика «научно-критического» либерального направления в отечественной историографии наполеоновских войн А. К. Дживелегова: «Значение же народной войны в собственном смысле было ничтожно», «у русского мужика не было никакой патриотической ненависти», «народная война 1812 г. не более как обман зрения». Похоже, «научность» текстов столь идеологически ангажированного автора преувеличена⁴.

Л. С. Кологривов составил специальный циркуляр для предводителей дворянства тверских уездов, где скопилось множество смоленских дворян-беженцев. В документе прославлялись подвиги Нахимова и Богуславского, дабы возбудить патриотическое рвение смоленских изгнанников и побудить их к возвращению в оставленные имения для организации крестьянской самообороны. Дело было рискованное, но успешный пример сычевцев вдохновил многих дворян к возвращению в родные места с оружием в руках. Из ржевского уезда на Смоленщину был направлен отряд ополченцев численностью около 500 чел.⁵

¹ Попов А. И. Война необыкновенная... С. 24.

² Понасенков Е. Н. Первая научная история войны 1812 г. М., 2017. С. 474.

³ Там же. С. 353.

⁴ Дживелегов А. К. «Народная война» в 1812 году / Александр I и Наполеон. Исторические очерки. М., 1915. С. 219, 235.

⁵ Нахимов А. П., Верховская Л. А. Указ. соч. С. 59.

О подвигах Нахимова и Богуславского было известно и в Петербурге. Официальная газета «Северная почта» в сентябре–октябре опубликовала шесть извещений о доблестях исправника и его дружины. В номере от 2/14 октября сообщалось о партизанском сопротивлении в Сычевском уезде: «Тамошний исправник имеет довольно хлопот с неприятелями каждый день, отправляя многих на тот свет, а забираемых в полон, отсылая через Зубцов, от двадцати до ста в день. Продолжая таким образом, он может очистить от французов не только свой уезд, но и даже выгнать их из соседних уездов... Слышно, что он с вооруженными крестьянами большую часть неприятелей побивает на месте, а самую малую токмо берет живыми и пересылает»¹.

Новости о свирепостях народных мстителей мрачно оттеняли в глазах современников фигуру сычевского исправник-партизана. Но в военную пору беспощадность к презираемому за истязания и кощунства врагу воспринималась самой широкой русской публикой как достохвальное проявление патриотизма. Офицер тверского ополчения А. А. Шаховской вспоминал спустя четверть века: «Храбрые сычевские крестьяне вотчины графа Палена и других не мелкопоместных дворян, вооружаясь чем случилось и составив местное ополчение, вроде испанских гверильясов, под началом уездного предводителя Богуславского (похоже, что дворянский предводитель Нахимов и полицейский чиновник Богуславский слились в некую общую мифическую фигуру, символизирующую доблесть сычевцев, – А. Д.), не давали прохода мелким неприятельским партиям: дрались беспощадно пеше и на конях, и я слышал ужасные действия их народной мести в той местности»².

За август–октябрь 1812 г. сычевской партизанской дружине пришлось выдержать 14 боев с неприятелями. В рапортах Н. М. Нахимова содержатся сведения об истребительной результативности народной войны в уезде. 3/15 сентября предводитель дворянства докладывал М. И. Кутузову о том, что с 18 августа по 1/13 сентября 1812 г. сычевцами были убиты 572 неприятеля, взяты в плен 325 чел., в том числе три обер-офицера. В этих схватках погибли 44 крестьянина и получили

¹ Нахимов А. П., Верховская Л. А. Указ. соч. С. 70.

² Шаховской А. А. Первые дни в сожженной Москве // Наполеон в России глазами русских. М., 2004. С. 257.

раны 67 чел. С 1/13 по 10/22 сентября кордонные стражники уничтожили еще полсотни мародеров. В рапорте от 30 октября / 12 ноября сообщается о том, что со времени предыдущего отчета «по 30 сентября еще убито из неприятельских войск 1098 человек, штаб и оберофицеров два, в плен взято 235, в том числе один капитан и 29 унтер-офицеров; с нашей стороны убито крестьян всех 92, ранено 115»¹.

К концу октября сычевские партизаны истребили около 4 тыс. захватчиков и взяли в плен около 1600 чел. Здесь подсчет был более сложным, поскольку в поисковых рейдах за пределы уезда народные мстители действовали совместно с казаками и делили с ними «урожай» вражеских смертей и пленений.

Следует подчеркнуть, что содержащиеся в рапортах Н. М. Нахимова цифры уничтоженных захватчиков не отражают всей картины вражеских потерь от рук поселян. Предводитель дворянства суммировал лишь данные из рапортов Е. В. Богуславского, В. В. Ленова и других чиновников полиции, руководивших крестьянами в стычках. Множество убитых мародеров не попали в эти сводки, ибо они были истреблены поодиночке и малыми группами в результате спонтанных расправ, чинимых крестьянами-патриотами и упокоились в суглинках и болотах без всякой отчетной «регистрации».

Современному читателю покажется невероятным такое соотношение потерь в боях ополченцев с регулярными войсками противника. Но цифры вполне достоверны, а по пленным подтверждаются с бухгалтерской наглядностью расписками о передаче пленников в зубцовский земский суд Ржевского уезда. Секрет того, что при относительно небольших собственных потерях крестьяне уничтожили столько военных «профессионалов» слагается из ряда факторов. Во-первых, крестьянами руководили полицейские чиновники, имевшие опыт армейской службы и демонстрировавшие высокие образцы тактического партизанского мастерства. Во-вторых, на руку партизанам и их вожакам были знание местности и гарантированная поддержка остального населения. В-третьих, ополченцы всегда совершали нападения в выгодных для себя условиях, имея почти гарантированные шансы на успех. В-

¹ Нахимов А. П., Верховская Л. А. Указ. соч. С. 59.

четвертых, победам ополченцев весьма способствовала нарастающая день ото дня деградация дисциплины в рядах противника. Оборванные и голодные мародерские шайки в большинстве случаев не оказывали стойкого сопротивления.

Народная война оказалась прагматически чрезвычайно выгодной – без дополнительной интендантской нагрузки, затрат на вооружение и продовольствие русские войска получили мощное подспорье в истреблении неприятеля. Кордонными стражниками были практически сорваны попытки противника организовать действенную систему по выкачиванию ресурсов с захваченных территорий. Истребление фуражных команд и мародерских банд обеспечило тяжелейший кризис военного снабжения наполеоновских войск. Одновременно с блокированием артерий тылового обеспечения противника, административно-полицейские власти оккупированной Смоленщины и прифронтовых губерний смогли обеспечить эффективную продразверстку в пользу оперативного снабжения собственных войск в период подготовки русской армии в контрнаступление.

Тверской генерал-губернатор принц Г. Ольденбургский «повергал особенному Его Императорского Величества вниманию и благоволению» известия «о полезных действиях Кологривова и об отличных подвигах Нахимова, Богуславского, купцов, мещан и крестьян, ходатайствуя о вознаграждении сих лиц»¹.

Рескриптом императора от 7 ноября 1812 г. «за отличные подвиги и неустрашимость в стремлении на поражение и истребление неприятеля» Н. М. Нахимов был награжден орденом Св. Владимира 4-й ст. с бантом. Этим же орденом был награжден сычевский городничий П. М. Карженковский. На ступень ниже была награда Е.В. Богуславского – он получил орден Св. Анны 2-й ст. с бантом. Этим же рескриптом были награждены знаком отличия военного ордена – Георгиевским крестом – десять крестьян из числа бурмистров и сотских, активно участвовавших в истреблении неприятеля.

Квартальный надзиратель губернский секретарь В. В. Ленов по представлению управляющего делами Министерства полиции С. К.

¹ Нахимов А. П., Верховская Л. А. Указ. соч. С. 62.

Вязмитинова получил следующий чин. Также был повышен в чине начальник инвалидной команды поручик А. Подлуцкий.

Все эти полицейские чиновники, дворяне и крестьяне были запечатлены на одной из стен храма Христа Спасителя наряду с другими героями Отечественной войны. В написание фамилии квартального надзирателя Ленова закралась ошибка, он был именован Леоновым.

Вместе с ними на этой мемориальной панели были записаны и погибшие герои народного сопротивления: принявший смерть в бою майор С. Емельянов и расстрелянные оккупантами дворяне П. И Энгельгардт и С. И. Шубин.

Государь пожаловал двум братьям майора Емельянова, сычевским мещанам Савелию и Андрею, по 1000 руб. Семьи расстрелянных дворян получили пенсии.

В 1813 г. монаршей волей вожаки народной войны Н. М. Нахимов, Е. В. Богуславский, И. И. Граблинов «в ознаменование патриотических заслуг в отечественную войну» были награждены серебряными на голубой ленте медалями в память 1812 г.¹

В 1814 г. дворянство Сычевского уезда ходатайствовало к императору о дозволении поднесения Н. М. Нахимову и Е. В. Богуславскому от имени дворянства шпаг с приличной надписью в знак признательности, чувствуемой оным за сохранение в Сычевском уезде во время нашествия неприятеля тишины и недопущение его к распространению разорения...»².

¹ Дело об отличиях, в 1812 г. разными лицами противу неприятеля оказанных // Смоленские партизаны в 1812 году... С. 100.

² Там же.

Внутренние войска Российской империи накануне Отечественной войны 1812 г.

Д. Г. Шелестинский¹,

доцент кафедры истории государства и права

МосУ МВД России имени В.Я. Кикотя,

кандидат юридических наук, доцент

История России неразрывно связана с органами охраны правопорядка. К их числу следует относить и внутреннюю стражу, которая представляла собой вооруженное формирование, осуществляющее функцию охраны правопорядка наряду с полицией и армией.

Внутренняя стража была создана в соответствии с указами от 16, 21 января и 27 марта 1811 г., которые заложили правовые основы ее формирования². Основная идея этих преобразований состояла в том, чтобы переподчинить разрозненные воинские части на местах Военному министерству. Основным документом, регулирующим деятельность этой силовой структуры, стало Положение о внутренней страже от 3 июля 1811 г., которое подробно регламентировало ее состав и устройство, отношение к Военному министерству и губернскому начальству, условия взаимодействия чинов³.

Первым шагом в становлении и организации внутренней стражи как целостного института и силовой структуры, исполняющей наряду с военными и полицейские функции, явились уточнение и закрепление законодательным путем ее организационно-территориальной структуры. Построение подразделений внутренней стражи велось в соответствии с территориально-окружным принципом, приверженцем которого был военный министр Барклай-де-Толли. Его смысл состоял в централизации управления военными силами страны в целях укрепления военной мощи государства и возможности пополнения армии, что было особенно актуально ввиду планируемого вторжения Наполеона I в Россию.

Согласно принятому решению, внутренняя стража должна была состоять из губернских батальонов и из команд служащих инвалидов.

¹ © Шелестинский Д. Г., 2018

² ПСЗРИ. Собр. 1. Т. XXXI. № 24486, 24568.

³ ПСЗРИ. Собр. 1. Т. XXXI. № 24704.

По указу от 27 марта 1811 г., все военные инвалиды в зависимости от служебных обязанностей и прав подразделялись на три группы: 1) подвижные; 2) служащие; 3) неспособные¹. Группа подвижных инвалидов состояла из 35 рот, из которых 18 передавались для прохождения дальнейшей службы в госпитали, а 17 оставались на местах прежнего расквартирования². Служащие и неспособные инвалиды селились в уездных городах и получали от казны жалование, амуницию, провиант.

Инвалидные роты после своевременного размещения по уездным городам, сливаясь со штабными командами, образовывали губернскую роту. Из переданных команд формировались воинские батальоны, которые сводились в бригады внутренней стражи. Таким образом, и служащие, и «неспособные инвалиды», как и губернские батальоны, а следовательно, все местные воинские формирования образовывали единую систему управления в границах губернии. После этого шага управление воинскими формированиями приобрело централизованный вид в границах губернии и сосредоточилось под единым командованием командира губернского гарнизонного батальона³.

Организация управления внутренней стражей была последовательным продолжением реформ, связанных с созданием министерств в начале XIX в., и четко вписывалась в систему территориальных и ведомственных округов, которые не совпадали с региональным делением России. Каждый округ включал в себя по 3–4 губернии, управление в которых осуществлял генерал-лейтенант, назначаемый императором. Во внутренней страже, согласно штатам корпуса от 1817 г., окружной генерал приравнивался к начальнику дивизии. На территории каждого вновь образованного округа располагалось по 2–3 бригады (реже – 4). Эти бригады состояли из гарнизонных батальонов, по 2–3 батальона в каждой бригаде. На территории губернии размещалось по одному гарнизонному батальону⁴. Всего, согласно указу от 30 апреля 1811 г. «О распределе-

¹ ПСЗРИ. Собр. 1. Т. XXXI. № 24568.

² Шелестинский Д. Г. Организационно-правовые основы становления и развития конвойной стражи России (1864–1917 гг.) : историко-правовое исследование : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 34.

³ Там же. С. 40.

⁴ Органы и войска МВД России / под ред. В. Ф. Некрасова. М. : Объединенная редакция МВД России, 1996. С. 76.

нии внутренних гарнизонных батальонов на округа и бригады»¹, в России учреждалось восемь округов внутренней стражи.

В период подготовки данной реформы высказывались различные суждения о подведомственности внутренней стражи – Военному министерству или Министерству полиции; последнее желало оставить внутреннюю стражу под командованием местных властей. Однако мнение министра полиции было оставлено без внимания, так как уже ранее имелся не вполне удачный опыт управления губернскими ротами и уездными штатными командами, которые часто использовались не по назначению и отвлекались от выполнения служебных обязанностей. Поэтому было принято решение, согласно которому предусматривалось двойное подчинение подразделений внутренней стражи: оперативное – губернской администрации и полицейским органам и ведомственное – Военному министерству².

Самостоятельное правовое обоснование получила должность начальника (инспектора) внутренней стражи, которая была утверждена указом императора от 7 июля 1811 г. В Инструкции от 30 ноября 1811 г.³ отмечалось, что инспектор внутренней стражи является «помощником военного министра, начальником во всех отношениях и военному ее устройству и порядку». Более детально статус инспектора внутренней стражи не был определен, что делало неограниченными его полномочия по осуществлению управления частями внутренней стражи.

Учитывая подчиненность внутренней стражи как Военному министерству, так и губернскому начальству, в губерниях воинские подразделения при исполнении полицейских функций поступали в оперативное управление к местным органам полиции. Согласно «Учреждению Министерства полиции» от 25 июня 1811 г., в компетенцию департамента полиции входило регулирование отношений губернской администрации и уездной полиции с командованием губернских гарнизонных батальонов и уездных инвалидных команд. На министра полиции возла-

¹ Органы и войска МВД России ... С. 76.

² ПСЗРИ. Собр. 1. Т. XXXI. № 24704.

³ ПСЗРИ. Собр. 1. Т. XXXI. № 24893.

гался контроль над исполнением обязанностей губернскими батальонами и уездными командами¹.

Таким образом, к середине 1811 г. был практически завершен процесс становления внутренней стражи и заложен фундамент нормативно-правового регулирования, который юридически закреплял организацию и ведомственное подчинение подразделений внутренней стражи, права и обязанности ее военнослужащих.

Отечественная война 1812 г. и последующие военные действия в Европе отвлекли правительство от реформ и более тщательной организации внутренней стражи, в частности в вопросах осуществления конвойных функций. Более того, была нарушена территориальная структура расквартирования стражи. Подразделения Корпуса были выведены с оккупированных неприятелем территорий и дислоцированы в центральных губерниях России. Но уже зимой 1812–1813 гг., по мере освобождения российской территории от французских войск и восстановления на местах органов власти и управления, воинские части внутренней стражи переводились на места прежней дислокации. Это было необходимо для содействия местным органам полиции в обеспечении охраны общественного порядка в губерниях и внутренней безопасности страны.

¹ ПСЗРИ. Собр. 1. Т. XXXI. № 24687.

Роль Министерства полиции в сохранении памяти об Отечественной войне 1812 г.

Н. Л. Феднева¹,

доцент кафедры истории государства и права

МосУ МВД России имени В.Я. Кикотя,

кандидат исторических наук, доцент

Отечественная война 1812 г. вызвала подъем национального самосознания во всех слоях русского общества, который продолжался и после ее окончания и был поддержан властными структурами. Министерство сухопутных сил провело большую работу по награждению всех отличившихся в военных сражениях; Министерство внутренних дел направило усилия на оказание содействия национальной промышленности, которая, несмотря на понесенные убытки, внесла решающий вклад в обеспечение армии.

Особую роль в обеспечении социальной защиты участников войны, получивших инвалидность или ранение, из числа офицеров действующей армии и ополчения, и увековечения памяти о полководцах-победителях, сыграло Министерство полиции.

Исполнение этой роли стало естественным продолжением деятельности Министерства полиции в ходе войны, когда, наряду с разведывательно-диверсионной деятельностью, оно проводило большую работу по общему социальному управлению в чрезвычайной ситуации: создавало ополчение, обеспечивала рекрутские наборы, осуществляло эвакуацию жителей из захваченных врагом районов, проводило размещение и лечение раненых, вело борьбу с дезертирством.

Причиной эффективности полицейского управления в районах, приближенных к военным действиям, стала опора на общественность и ее достаточно умелая организация. Именно Министерство полиции фактически возглавило и продолжало координировать большую работу по формированию внутреннего ополчения, ставшего поистине народным.

В начале войны, согласно именному указу Сенату от 31 июля 1812 г.², при императоре был создан Комитет для образования внутреннего ополчения в составе генерала от артиллерии А. А. Аракчеева,

¹ © Феднева Н. Л., 2018

² ПСЗРИ. Собр. 1. Т. XXXII. № 25193.

министра полиции А. Д. Балашова и государственного секретаря А. С. Шишкова.

Сенатским указом от 17 августа 1812 г. было определено, чтобы донесения всех ведомств по делам о внутреннем ополчении направлялись на имя министра полиции¹, таким образом, ответственным руководителем Комитета стал А. Д. Балашов, представлявший государю доклады о ходе работы.

«Правителем» Комитета был назначен помощник статс-секретаря министра полиции М. Н. Баккаревич². Выбор его кандидатуры на указанную должность был весьма показателен. Он являлся выпускником Московского университета, по окончании учебы с конца 1790-х годов преподавал русскую словесность и грамматику в Благородном пансионе, в том числе В. А. Жуковскому и А. И. Тургеневу, и одновременно занимался литературной деятельностью. Мировоззрения М. Н. Баккаревича, сложившиеся под влиянием М. В. Ломоносова и Г. Р. Державина, отличались патриотизмом и многоплановостью литературных, экономических и политических интересов: он занимался переводами, выпустил «Русскую Просодию, или правила, как писать стихи», выдержавшую три издания. В 1803 г. М. Н. Баккаревич стал чиновником МВД, в 1804–1809 гг. был главным редактором «Санкт-Петербургского журнала» – первого печатного органа МВД Российской империи. В 1812 г. он перешел в Министерство полиции в чине действительного статского советника и был назначен «правителем», т. е. распорядительным директором Комитета по внутреннему ополчению. Как человек публичный, он хорошо понимал значение общественного мнения, духовных и идейных факторов в предстоящем противоборстве с многонациональной армией Наполеона.

Чиновники Министерства полиции отвечали за набор в народные ополчения губерний, осуществляли их комплектование и снабжение. В губерниях, в которых шли военные действия, были созданы губернские комитеты по внутреннему ополчению. Комитет осуществлял также попечение о раненых и увечных офицерах ополчения.

¹ ПСЗРИ. Собр. 1. Т. XXXII. № 25202.

² Там же. № 25193.

Комитет по внутреннему ополчению и губернские комитеты существовали до конца 1816 г. и были распущены указом от 7 декабря 1816 г., в котором всем участникам ополчения, как военным, так и гражданским чинам, «трудами и подвигами своими представившим несомненное доказательство приверженности их к благу общему», объявлялось особое монаршее благоволение и признательность. Тем самым отмечался особый вклад общественности в победу над Наполеоном.

В тот же день, 7 декабря 1816 г., Александр I утвердил представленное Сенату министром полиции положение Комитета временного внутреннего ополчения, согласно которому около 900 участников ополчения были рекомендованы для награждения; все участники ополчения, имевшие военные и гражданские чины, получили право носить мундиры, введенные в ополчениях¹.

Попечение о раненых и увечных, которое на тот момент осуществлялось Комитетом внутреннего ополчения, после его расформирования возлагалось на созданный 18 августа 1814 г. Комитет попечения о раненых и увечных, созданный при Военном министерстве. При этом всем штабным и обер-офицерам ополчения, изувеченным или раненым в ходе минувшей войны, предоставлялись те же права и преимущества, которыми пользовались военные. На вдов и сирот, оставшихся после убитых и умерших от ран чиновников ополчения, распространялись указы 1807 и 1809 гг., согласно которым они, как вдовы и сироты военных офицеров, получали пенсию в размере полного жалованья мужей. В случае смерти жены пенсия выплачивалась в том же размере детям (мужского пола до 16 лет; женского – до замужества либо до поступления в государственное учебное заведение)².

Министерству полиции, в состав которого входил Медицинский департамент, было поручено бесплатно предоставлять лекарства всем чиновникам-ополченцам, нуждающимся в лечении, а также осуществлять надзор над снабжением медикаментами офицеров военного ведомства³. Справедливости ради, следует подчеркнуть, что перечисленные льготы и преференции касались только тех участников ополчения, кото-

¹ ПСЗРИ. Собр. 1. Т. XXXIII. № 26543.

² Там же.

³ Там же. № 25914.

рые были лично свободными, и не распространялись на крепостных крестьян, которых помещики включали в состав ополчений.

Деятельность Министерства полиции по сохранению памяти об Отечественной войне 1812 г. не сводилась только к материальной поддержке ее ветеранов. Управляющий Министерством полиции, он же главнокомандующий в Санкт-Петербурге генерал от инфантерии Сергей Козмич Вязмитинов стал главным организатором совершения торжественных похорон народного полководца – генерал-фельдмаршала М. И. Кутузова, умершего в польском городе Бунцлау 16 апреля 1813 г.¹ Местом захоронения был выбран собор иконы Казанской Божьей матери, в котором уже находились боевые трофеи русской армии, захваченные у Наполеона. Погребение Кутузова в Казанском соборе превратило этот собор в символ победы Российской империи над объединенной Европой. М. Н. Баккаревич откликнулся на траурное мероприятие сочинением «Мысли россиянина при гробе фельдмаршала князя Голенищева-Кутузова».

Позднее Сергею Козмичу Вязмитинову был обращен именной указ Александра I «О сооружении памятников в честь генерал-фельдмаршалов князей Голенищева-Кутузова-Смоленского и Барклая-де-Толли»². В указе отмечалась необходимость «прославления бессмертных деяний ... нашего времени» силой архитектуры и скульптуры. Сооружение памятников было осуществлено к 25-й годовщине разгрома наполеоновских войск, уже при Николае I.

Таким образом, Министерство полиции не только внесло значительный вклад в отражение наполеоновского нашествия, но и занималось поддержкой ветеранов, их близких, способствовало сохранению памяти о героях Отечественной войны 1812 г.

¹ Бочков Е. Тело покойного фельдмаршала светлейшего князя М. И. Голенищева-Кутузова Смоленского для почести положить в Казанском соборе // Военно-исторический журнал. – 2013. – 26 июня. <https://histrf.ru>.

² ПСЗРИ. Собр. 1. Т. XXXV. № 27544.

Организационно-правовые основы участия населения в охране общественного порядка и предупреждении преступлений в Российской империи в XVIII – первой половине XIX в.

*Е. С. Левкина*¹,

*соискатель кафедры истории государства и права
МосУ МВД России имени В.Я. Кикотя*

Эффективность деятельности государства по обеспечению общественного порядка и предупреждения преступлений зависит, в том числе, от участия в этом процессе представителей общественности. Проведенные исследования убедительно доказывают тот факт, что на всех этапах развития Российского государства население участвовало в реализации правоохранительной функции. Правда, в какой-то мере, это участие призвано было компенсировать отсутствие профессиональных специализированных правоохранительных органов. Но даже после создания Петром I регулярной полиции участие населения не сокращается, а, наоборот, приобретает юридически оформленную обязанность подданных перед государством². Так, указ Петра I от 18 июня 1718 г. «О наблюдении порядка и чистоты по городу Санкт-Петербургу и о взимании штрафа за нечищение домовых труб и за продажу в рядах и других местах порченных съестных припасов» требовал от горожан под страхом наказания сообщать и подавать в Канцелярию полицейских дел ведомости о людях, которые у них останавливаются, а также об отъезжающих, о всяких принятых в службу и о наличии у них документов³. Городские жители привлекались на помощь регулярной полиции в качестве «полиции вспомогательной». Они следили, чтобы ночью никто, кроме «знатных персон», по улицам не ходил, чтобы света ночью в домах не было и т. п.

В царствование Екатерины II в ходе губернской реформы 1775 г. на большей части территории страны были созданы полицейские учреждения, однако немногочисленный полицейский аппарат продолжал нуждаться в помощи населения, прежде всего, крестьянской общины.

¹ © Левкина Е. С., 2018

² Сичинский Е. П. Полицейская повинность населения дореволюционной России: альтернатива или тупик // Полицейское право. – 2005. – № 1. – С. 106–108.

³ ПСЗРИ. Собр. 1. Т. V. № 3210.

Община и ее выборные административные лица несли личную ответственность за поимку преступников на своей территории. Каждый год из состава общины избирались сотские, пятидесятские и десятские. В «Учреждениях для управления губерний Всероссийской империи» эти выборные крестьянские должностные лица не упоминаются, хотя на практике они подчинялись нижним земским судам и являлись их непосредственной опорой. Их правовой статус регламентировался «Инструкцией сотскому с товарищи» 1774 г.¹ Одной из особенностей Инструкции являлось распространение действия не только на свободное крестьянство, но и на крепостных крестьян. Согласно Инструкции в каждом сельском населенной пункте ежегодно крестьяне избирали из своей среды сотских, пятидесятских и десятских, на которых возлагался ряд административно-полицейских задач². После приведения к присяге, все население, включая местных помещиков, были обязаны оказывать выборным всякое содействие и не препятствовать исполнению ими своих функциональных обязанностей. По Инструкции выборное лицо считалось свободным от работы во время исполнения обязанностей, и помещик не мог привлечь его к труду в ущерб служебным обязанностям.

В первой половине XIX в. «Положение о земской полиции» 1837 г. официально закрепило за сотскими и десятскими положение нижнего полицейского звена в уезде³. На них возлагались обязанности «исполнения приказаний станового пристава и непосредственного надзора за благочинием» в сельской местности. Сотские избирались от каждых 100–200 дворов, десятские – от 10–30. Службу они несли безвозмездно. Согласно Положению на должности низших полицейских служителей выбирали людей, утративших возможность эффективно работать в крестьянском хозяйстве, но еще сохранивших силы, «ибо для надзора за порядком и благочинием... потребны не столько физические силы, сколько знание местных обстоятельств, опытность, благоразумие и, что еще важно, личное, большей частью с летами приобретенное уваже-

¹ ПСЗРИ. Собр. 1. Т. XIX. № 14231.

² Красильников С. В. Сельская полиция и ее место в системе органов местного самоуправления во второй половине XVIII в. // История государства и права. – 2009. – № 2.

³ ПСЗРИ. Собр. 2. Т. XII. № 10305.

ние»¹. Помимо этого, § 75 «Наказ чинам и служителям земской полиции» предписывал оказывать содействие земским исправникам всему населению. Формой участия населения в охране общественного порядка были ночные караулы, организовывавшиеся в селениях для охраны от несчастных случаев и поимки беглецов. В уездных городах население избирало из своей среды квартальных надзирателей и десятских, которые входили в состав полицейских команд.

Таким образом, участие населения в охране общественного порядка существовало как способ компенсации малочисленности и недостаточного профессионализма полицейского аппарата в условиях существования режима крепостного права.

¹ ПСЗРИ. Собр. 2. Т. XII. № 10305.

Организация предварительного следствия в Российском государстве в дореформенный период

Н. В. Шингарева¹,

доцент кафедры истории государства и права

МосУ МВД России имени В.Я. Кикотя,

кандидат юридических наук, доцент

«Производство следствия и все меры, к оному относящиеся, принадлежат полиции»². Эта норма из Свода законов Российской империи дает довольно ясное представление о следственном аппарате дореформенной России. Однако этот принцип создает лишь видимость монолитности, потому что при ближайшем рассмотрении выясняется, что следственный аппарат того периода не был единым, а представлял собой симбиоз различного рода коллегиальных органов и чиновников.

Во-первых, не существовало структуры, обладавшей конструктивной и функциональной независимостью и обособленностью для расследования уголовных дел. Расследованием преступлений занимались не только полицейские чиновники, но и иные представители административных и судебных органов. Во-вторых, расследованием государственных преступлений мог заниматься особо назначенный чиновник. В-третьих, особо важные дела могли рассматриваться специализированными структурами, назначение которых производил сам монарх. В-четвертых, в рамках полиции следственный аппарат не был единообразным. Существовал городской полицейский следственный аппарат (в Москве и Санкт-Петербурге, в губернских городах), аппарат следствия в земской полиции, следственный аппарат по конокрадству и корчемству, специализированный следственный аппарат (органы, а также должностные лица, которые занимались расследованием уголовных дел в особенных случаях по выделенному управомочию или на основании специального предписания закона).

Городской полицейский следственный аппарат в дореформенный период был чрезвычайно разнообразен. Это было связано с неоднород-

¹ © Шингарева Н. В., 2018

² Свод законов Российской империи. Т. XV. Кн. 2 «Законы о судопроизводстве по делам о преступлениях и проступках». Ст. 2.

ностью организации и устройства городских полицейских органов в российских городах.

Свод законов делил все города, кроме столичных, с точки зрения образования полицейского управления на четыре категории: губернские города, уездные города, безуездные или заштатные, местечки и посады.

Организация следственных органов Москвы и Санкт-Петербурга имела наиболее развитый характер. Следственный аппарат Санкт-Петербурга накануне реформы имел наибольшую структурно-организационную конкретность. Это объясняется рядом факторов. Во-первых, правительство традиционно уделяло много внимания поддержанию спокойствия и порядка в столице. Во-вторых, Санкт-Петербург был наиболее населенным городом. Это, естественно, отражалось и на количестве, и на сложности – «качестве» преступлений, требующих расследования. В-третьих, этому способствовал более высокий уровень образования как местных жителей, так и служащих, что, с одной стороны, требовало более грамотного и тщательного производства следствия, а с другой – давало способность более качественного, с точки зрения образования, набора кадров для службы в следственных органах.

Именным указом обер-полицмейстера Санкт-Петербурга от 29 августа 1808 г.¹ для проведения следственных действий была создана служба «следственных приставов». При этом за следственными приставами осуществлялся надзор: «При поручении сим чиновникам розысканий, для наблюдения за оными, отряжать к каждому таковому следствию, одного частного пристава из разных частей города, по выбору Обер-Полицмейстера»².

1 апреля 1838 г. было принято Положение о порядке производства дел исполнительных Санкт-Петербургской полиции³. Этот нормативный правовой акт, определяя компетенцию частных и следственных приставов, впервые отнес производствo первоначальных розыскных мероприятий к компетенции частных приставов (исполнительной полиции), а производствo формального следствия, в случае, если в ре-

¹ ПСЗРИ. Собр. I. Т. XXX. Отд. I. № 23258.

² Там же.

³ ПСЗРИ. Собр. 2. Т. XIII. Отд. I. № 11109.

зультате дознания будут установлены признаки преступления, – к компетенции следственного пристава. Это разделение производства предварительного и формального следствия между двумя различными чиновниками полиции показало важную роль в последующем утверждении и понимании следственной деятельности как обязанности, несвойственной исполнительной полиции.

Низовое звено следственного аппарата составляли следственные приставы, существовавшие в каждой части города. Каждая часть города имела «съезжий дом», в котором находились частный и следственный приставы, каждый со своим штатом: помощника, письмоводителя, писцов. Следственный и частный пристав были независимы друг от друга в порядке подчиненности. Разделение их обязанностей, закрепленное во второй главе Положения, определяло действия частного пристава. В случае происшествия он обязывался «на месте, где оно случилось, сделать предварительный розыск, если таковой не сделан уже чиновниками квартальными и составить краткую записку»¹. Если же материалы предварительного розыска давали причину полагать, что в происшествии «заключается, или – по признакам, в законах означенным, – предполагается преступление или проступок», то третий и четвертый экземпляры записки направлялись, соответственно, следственному приставу для производства «дальнейшего следствия» и в управу «для ее сведения и надзора и, по важности дела и сложности положений, для присылки в помощь следственным приставам из других частей». Частный же пристав и квартальный чиновник занимались задержанием подозреваемого лица. Обязанности следственного пристава определялись коротко, но предельно ясно: «К обязанностям пристава следственных дел принадлежит производство следствий о преступлениях и проступках, и отсылка сих следствий в Управу по правилам, для сего постановленным, кроме следствий по корчемным делам, предоставленным особым приставам». Следственных и корчемных приставов запрещалось использовать «в так называемые наряды по наружной полицейской части»².

¹ ПСЗРИ. Собр. 2. Т. XIII. Отд. I. № 11109.

² Там же. Примечание к § 227.

Непосредственный ведомственный контроль за деятельностью следственных приставов осуществляли полицмейстеры, которые были обязаны осуществлять наблюдение «за скорым и правильным производством следствий» во вверенных им частях города¹. Общее ведомственное руководство были сосредоточено в следственном отделении Второго департамента Управы благочиния, занимавшимся делами о происшествиях, проступках и преступлениях во всей столице, как «по донесениям полицмейстеров, приставов, надзирателей и стряпчих, так и по извещениям частных лиц и самих виновных или иным сведениям до Управы дошедшим»².

Создание следственных приставов повлекло за собой специализацию прокурорского надзора за расследованием преступлений. В 1833 г. столичные штаты прокуратуры были дополнены одним губернским и уездным следственным стряпчим «для усугубления надзора в охране форм и обрядов при следствиях в городских полицейских частях производимых»³. С января 1854 г. в штате Санкт-Петербургского губернского прокурора была создана должность его товарища (заместителя) по надзору за полицией и 13 стряпчих полицейских дел, по одному в каждой части города. Им приписывалось в обязанность «участвовать каждый раз вместе со следственными и исполнительных дел приставами в составлении актов о заключении под стражу обвиняемых и освобождении их»⁴, т. е. суть такого надзора была направлена на решение самого важного вопроса – о заключении под стражу обвиняемых и их освобождении в случае необходимости.

В Москве количество следственных приставов к 1858 г. выросло до девяти. Вместе с ними следствие производили два корчемных пристава, 17 частных приставов и три полицмейстера⁵. Правила о подследственности дел между этими чиновниками установлены не были.

Различия в городском полицейском следственном аппарате определяли «разнохарактерное историческое и этнографическое начало го-

¹ ПСЗРИ. Собр. 2. Т. XIII. Отд. I. № 11109. Примечание к § 211.

² Свод законов Российской империи. Т. II. Спб., 1857. Ст. 4225.

³ ПСЗРИ. Собр. 2. Т. VIII. Отд. I. № 6264.

⁴ ПСЗРИ. Собр. 2. Т. XXVIII. Отд. I. № 27796.

⁵ ПСЗРИ. Собр. 2. Т. XXVIII. Отд. I. № 27796.

родов, существование многих городов, происхождение которых вызвано было не какими-либо экономическими потребностями... а нуждой образовать административные центры»¹. Во всех губернских городах аппарат полиции составляли: полицмейстер, частные приставы по количеству районов города и два ратмана (выборных члена). Права и обязанности частных приставов по производству следствий были заявлены и закреплены еще Уставом благочиния от 8 апреля 1782 г., который предписывал Управе благочиния в случае выявления проступков и преступлений, «узаконению противных или обществу вред наносящих» и не подлежащих ее окончательному разрешению, производить по ним исследования и направлять их «куда надлежит»². Частному приставу предписывалось следить в пределах своей части, чтобы уголовные дела не остались без наказания. «Он обязывался круглосуточно принимать всякие жалобы и заявления о нарушениях порядка и немедленно производить по ним как «гласные», так и «безгласные» исследования, а «что найдет, записать в протокол». Ему же поручался допрос свидетелей и производство других следственных действий, «в коих надобность окажется для утверждения доказательства». Обнаруженного преступника частный пристав брал под стражу»³.

В ряде городов учреждались дополнительные должности следственных приставов. Необходимость в учреждении таких должностей мотивировалась обстоятельствами различного рода⁴.

Городская полиция в уездных городах по общим правилам состояла из городничего, частных приставов и квартальных надзирателей (если город имел деление на части и кварталы). Частный пристав или городничий имел право производства следствия. Квартальный надзиратель имел право на производство лишь первоначальных следственных действий. В городах безуездных и заштатных, не имевших городской

¹ Анучин Е. Н. Исторический обзор развития административно-полицейских учреждений в России с Учреждения о губерниях 1775 г. до последнего времени, Спб., 1872. С. 227.

² Устав Благочиния или полицейский. Ст. 37. ПСЗРИ. Собр. I. Т. XXI. Отд. I. № 15379.

³ Там же. Ст. 88–104.

⁴ Так, 23 декабря 1835 г. в Нижнем Новгороде была учреждена должность следственного пристава по уголовным делам «по случаю увеличения количества дел во время ярмарки». ПСЗРИ. Собр. 2. Т. X. Отд. II. № 8731.

полицейской, как в уездных городах, полицейское управление принадлежало заседателям земских судов. В этих городах был образован стан, в котором полицейские функции, в том числе и расследование преступлений, осуществлял становой пристав.

Единообразно полицейское управление в уездах получило на основании Учреждения для управления губерний Всероссийских 1775 г.¹ Полицейская власть в уездах вверялась нижнему земскому суду во главе с капитан-исправником (с 1837 г. – соответственно земский суд и исправник). Для истории органов предварительного следствия этот правовой акт имеет особое значение, так как он разделил производство различных стадий уголовного процесса между судебными и полицейскими органами. Судебное рассмотрение уголовных дел в уезде принадлежало уездному суду, а производство следствия по таким делам – нижнему земскому суду.

Согласно «Положению о земской полиции» 1 июня 1837 г. были введены должности участковых заседателей или также известные как становые приставы, которые в целом составили основу будущего следственного аппарата уездных городов. Земский суд по Положению состоял из нескольких заседателей, один из которых именовался старшим неперменным заседателем и возглавлялся председательствующим – земским исправником. Уезд делился на участки или станы. Дворянство при очередных выборах готовило список лицам, которые, по их мнению, смогут занимать должность станового пристава. Этот список подавался губернатору, который и назначал становых приставов. Увольнение и перевод станового пристава из участка в участок осуществлялось губернским начальством. Компетенция земской полиции делилась на четыре основных части: 1) по наблюдению за исполнением законов, охранению безопасности и делам общественного благоустройства; 2) по делам казенного ведомства; 3) по делам судебного ведомства и 4) отделам военного ведомства.

Производство предварительного следствия закон относил к делам полиции по судебному ведомству. Положением устанавливалась под-

¹ ПСЗРИ. Собр. 1. Т. XX. № 14392.

следственность и подсудность дел как земскому суду, так и становому приставу.

Следует особо сказать о таком коллегиальном органе земской полиции, производившим следствие, как временное отделение земского суда. Оно создавалось в случае выявления особо тяжкого преступления (убийства, поджога и др.) или при необходимости производства большого объема розыскных и следственных действий на месте совершения преступления (допросов, осмотров и др.).

Таким образом, в уездах Российской империи Положением о земской полиции 1837 г. были созданы организационно-правовые основы предварительного следствия, которые действовали вплоть до реформы предварительного следствия в 1860 г. без существенных изменений.

Следователи по конокрадству учреждались только в таких губерниях, в которых, как считалось, «классические методы полиции для удачного расследования по таким делам следствий будут недостаточными». Первоначально эта должность именовалась как комиссар по делам о конокрадстве. Данную должность занимали назначенные отставные чиновники или местные дворяне, «по возможности сведущие в порядке судебного и полицейского производства», специальным указом по представлению начальников губерний. К производству следствий они должны были приступать по распоряжениям полиции, хотя в ее штат не входили. На начальника губернии возлагалась обязанность лично следить, чтобы следователи выявляли всех соучастников преступления. Первоначально следователи по конокрадству действовали «на общественных началах», не считаясь на государственной службе и не получая жалованья. Однако с мая 1849 г. их деятельность была признана государственной службой, а статус – приравнен к статусу станового пристава. Кроме того, им было назначено жалованье от казны¹.

С января 1854 г. комиссары по пресечению конокрадства претерпели переименование на новое – следственные приставы, и с новым переподчинением непосредственно земским судам и исправникам². Сначала следователи по конокрадству были учреждены в двенадцати

¹ ПСЗРИ. Собр. 2. Т. XXIV. Отд. I. № 23266.

² ПСЗРИ. Собр. 2. Т. XXIX. Отд. I. № 27835.

губерниях¹. Впоследствии количество этих чиновников, а также регионы их «дислокации» неоднократно изменялись². Накануне реформы 1860 г. следственные приставы по конокрадству действовали в шестнадцати губерниях. Всего по России была создана 101 подобная должность³.

Следователи по пресечению корчемства появились в связи с ужесточением правительственной политики в области собирания налогов, среди которых сборы от государственных монополий, таких как винокурение, производство и торговля солью, занимали одно из самых значимых мест⁴. Правовой базой для учреждения корчемных приставов и их деятельности являлись «Устав питейный» и издаваемые на каждые четыре года откупные условия, в которых правительство устанавливало правила содержания откупов в соответствующем регионе империи. Порядок их назначения, обособленная подследственность, особенности непосредственной подчиненности и ответственности, другие, чем у общей полиции, источники финансирования выделяют их в особую категорию лиц, производивших следствия в дореформенной России. Кроме того, они назначались сверх штата общих полицейских подразделений.

Назначение следователей по корчемным делам производили гражданские губернаторы по представлению казенной палаты, а с учреждением в 1838 г. Министерства государственных имуществ – по представлению местных его подразделений. Источником финансирования чиновников по корчемным делам были не общие статьи по финансированию общей полиции, а указанные в каждом конкретном случае в правовом акте об их учреждении. Как правило, это были «особые средства Министерства финансов», которые представляли собой доходы от винных откупов или остатки от средств, ассигнованных на развитие этой отрасли хозяйства.

¹ ПСЗРИ. Собр. 2. Т. XXXIII. Отд. I. № 21905.

² ПСЗРИ. Собр. 2. Т. XXIX. Отд. I. № 27835; Т. XXX. Отд. I. № 29132.

³ ПСЗРИ. Собр. 2. Т. XXXIII. Отд. I. № 21905.

⁴ Курицын В. М. Реформы государственного аппарата и развитие права России во второй половине XIX века. М., 1996. С. 32–33.

Кроме этих чиновников по преследованию корчемства вином, в некоторых регионах России существовали и корчемные заседатели по соляной части. Их организационно-правовой статус был аналогичен статусу чиновников по корчемству вином.

Особые чиновники или органы составляли одну из частей дореформенного следственного аппарата. В стандартном режиме своей деятельности они были не обязаны заниматься расследованием уголовных дел и, следовательно, занимались данной деятельностью только по особому поручению вышестоящего начальства или по исключительному разрешению. Профессор М. А. Чельцов-Бebutov отмечал широту круга лиц и органов предварительного дореформенного периода, и в качестве доказательства ссылаясь на указ Александра I военному губернатору Петербурга: «По известному вам грабежу между ямами (почтами) Померанским и Чудовым большою партией разбойников денег и вещей на знатную сумму от купца Солодовникова с товарищи, из Санкт-Петербурга в Москву отправленных, я повелеваю вам объявить мою волю Петербургскому и Новгородскому гражданским губернаторам, дабы они, ныне же выехав каждый из своего местопребывания в одно место на границу, разделяющую обе губернии, до тех пор там оставались, доколе под личным их присутствием не будут найдены все похищенные деньги и открыты настоящие в том преступники. Тогда непременно обязанностью их будет донести мне тотчас о том в собственные руки»¹.

Затронем наиболее общие правила и случаи, когда производство следствия в экстренных случаях поручалось чиновникам иных, чем общеполицейские, ведомств. Особое место занимали должностные лица III Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии. Они осуществляли сбор информации о религиозных сектах и расколах, антиправительственных организациях, вели тайное наблюдение за иностранцами, боролись с фальшивомонетничеством и т. д. Штат III Отделения не предусматривал специальных чиновников для производства следствий по уголовным делам. Тем не менее, производство предварительного расследования по преступлениям особой важ-

¹ Сичинский Е. П. Уголовный сыск России в X – начале XX в. Челябинск, 2002. С. 18.

ности, которые представляли угрозу для государственных интересов или которые отличались повышенным общественным значением, было довольно широко распространено. Чиновники III Отделения могли производить следствия по уголовным делам в любом регионе страны, как правило, по предписанию начальника или повелению монарха. Более того, при производстве следствий они пользовались особыми правами. Так, в марте 1831 г. по инициативе начальника III Отделения генерал-адъютанта Бенкендорфа было издано Высочайшее повеление следующего содержания: «... всем губернским правлениям, присутственным местам и гражданским губернаторам предписать, дабы требования чиновников, производящих следствия по распоряжениям III-го Отделения С.Е.И.В. канцелярии, и в особенности по Высочайшим повелениям удовлетворяемы были в возможной скорости и без малейшего отлагательства, под опасением неминуемого с виновных в медленности взыскания»¹.

Другую часть экстраординарных следственных органов, наиболее часто используемых для проведения следствия, были чиновники по особым поручениям, которые находились при министре внутренних дел и губернаторах. Такого рода чиновников по штатам Министерства внутренних дел 1840 г. было предусмотрено при министре – 15, при губернаторах и генерал-губернаторах – 2–3². Поручение этим чиновникам расследований полностью зависело от соответствующего начальника.

В дореформенный период губернским начальством широко применялась практика командирования для производства следствий членов уездных судов и заседателей судебных палат. Причем эта практика приобрела довольно значительные размеры, что неоднократно вынуждало обер-прокурора ставить вопрос в Сенате о прекращении такой практики, так как это отвлекало судей «от круга своих прямых обязанностей»³. Но в связи с нехваткой в некоторых губерниях достаточного количества подготовленных следственных чиновников полностью запретить губернскому начальству такую практику не решалось. Запре-

¹ ПСЗРИ. Собр. 2. Т. VI. Отд. I. № 4450.

² Штаты Министерства внутренних дел. ПСЗРИ. Собр. 2. Т. XV. Отд. II. № 14105.

³ ПСЗРИ. Собр. 2. Т. XVIII. Отд. I. № 17118, 17300.

щалося командировать членов судов к производству следствий по всем делам, «кроме важных и чрезвычайных случаев, с оставлением притом в судебных местах узаконенного числа членов»; командируемому запрещалось участвовать в рассмотрении дела в суде, которое он расследовал; о каждом таком случае губернское начальство должно было доводить до сведения Министерство юстиции и внутренних дел¹.

По государственным преступлениям и преступлениям по должности законом предусматривалось возможность в каждом определенном случае назначать особого чиновника или комиссию для производства следствия.

Вышеизложенное дает основание сделать следующие выводы:

– ядром следственного аппарата дореформенной России являлась общая полиция, не имевшая в своих рамках структурно и функционально обособленного следственного звена (за исключением полиций обеих столиц и некоторых губернских городов, где в разное время были учреждены должности следственных приставов);

– непосредственным производством следствий по уголовным делам по общему правилу занимались: в городах – частные приставы, городничие, помощники городничих, в уездах – становые приставы, земские исправники, временные отделения земского суда;

– практика строительства и организации следственного аппарата не имела единообразного плана и системного подхода, а подчинялась различного рода местным обстоятельствам и особенностям;

– следственный аппарат, его организация и непосредственный ведомственный контроль за его функционированием находились в ведении административных органов как в центре, так и на местах;

– при экстраординарных обстоятельствах производство следствия могло быть поручено любому чиновнику по усмотрению высшего начальства, в том числе и судебному, или специально созданной для этого комиссии.

¹ ПСЗРИ. Собр. 2. Т. XVIII. Отд. I. № 17300.

Полиция Российской империи в механизме государства в XIX – начале XX в.

*Т. Л. Матиенко*¹,

профессор кафедры истории государства и права

МосУ МВД России имени В.Я. Кикотя,

доктор юридических наук, доцент

Полиция как неотъемлемая часть государственного механизма является ведущим звеном в системе правоохранительных органов и постоянно действующим аппаратом охраны общественного порядка и борьбы с преступностью. Выполняя эти функции, полиция неизбежно вступает во взаимодействие с другими элементами государственного механизма. Поэтому место полиции в государственном механизме целесообразно рассматривать преимущественно сквозь эту призму, а не исключительно с позиций теоретических воззрений.

Начало XIX в. в развитии полиции, организации и деятельности отмечается появлением сразу трех тенденций: централизация ее органов; сокращение ее социальных и хозяйственных функций; специализация деятельности органов общей полиции.

Централизация органов полиции была связана непосредственно с учреждением и функционированием Министерства внутренних дел Российской империи, которое на всем протяжении своего существования – 1802–1917 гг. – было многофункциональным органом. В сферу его деятельности входили все проблемы внутренней жизни государства: государственная промышленность и строительство, сельское хозяйство, организация переселения крестьян, обеспечение запасов продовольствия, устройство медицинского обслуживания населения, ветеринарный надзор, борьба с преступностью и многое другое². Полиция как исполнительный аппарат МВД играла центральную роль и взаимодействовала со всеми органами центрального управления и их местными учреждениями. Роль полиции в местном благоустройстве была закреплена в «Уставе строительном», «Постановлениях о благоустройстве в городах и селениях», «Учреждениях и уставах торговых», «Постановлениях о фабричной, заводской и ремесленной промышленности»,

¹ © Матиенко Т. Л., 2018

² Исключением из этого процесса был период 1811–1819 гг., когда функционировало Министерство полиции.

«Уставе об обеспечении народного продовольствия», «Своде учреждений и уставов об общественном призрении», «Своде учреждений и уставов врачебных по гражданской части» и «Уставе путей сообщения», вошедших в Свод законов Российской империи и претерпевших редакции 1832, 1842, 1857 и 1900 годов.

Необходимость более тесного взаимодействия полиции с местными органами власти возникла в 30-е годы XIX в., когда в уездах возросло число крестьянских волнений¹. Учрежденные Положением о земской полиции от 3 июня 1837 г. новые полицейские должностные лица – становые приставы – должны были исполнять указания губернских и уездных органов. В ведении земской полиции находились «охранение общественного спокойствия, благочиния, усмирение всякого действия, противного верноподданническому долгу и послушанию, донесение о том начальству, предупреждение и прекращение всяких непозволительных и соблазнительных сборищ, принятие в случае нужды особенных мер для ограждения безопасности какого-либо селения, дома или частного лица, меры безопасности от воров и разбойников, поимка и истребление оных»².

В приграничных районах империи полиция содействовала деятельности таможенного комитета. На основе Устава таможенного 1857 г. полицейские чины давали разрешение на погрузку товаров, контролировали паспортный режим и пресекали проникновение из-за границы запрещенных предметов.

В первой половине XIX в. получает развитие функция полиции по надзору за рабочим движением. Полицейские, оказывая содействие III Отделению Собственной его Императорского Величества канцелярии по наблюдению за фабричными и заводскими рабочими в целях получения информации о готовящейся стачке, выявляли зачинщиков среди рабочих и высылали их в административном порядке. По просьбам владельцев фабрик и заводов в фабрично-заводских районах мог быть введен особый полицейский контроль³.

¹ Варадинов Н. История Министерства внутренних дел : В 2 кн. Спб., 1859; Журнал Министерства внутренних дел. Спб., 1847. № 6. С. 106–110.

² ПСЗРИ. Собр. 2. Т. XII. № 10305.

³ Шелкопляс В. А. Полицейская реформа в России в 60-х годах XIX века. Минск, 1981. С. 25–27.

Во второй половине XIX в. МВД как ключевому государственно-му учреждению была отведена определяющая роль в подготовке и проведении крупномасштабных реформ. Проработка и реализация будущих реформ легли на плечи действительного статского советника Сергея Степановича Ланского. В августе 1855 г. он был назначен на пост министра внутренних дел. Главными помощниками С. С. Ланского в нелегком и, как потом оказалось, неблагодарном труде стали Алексей Ираклиевич Левшин и Николай Алексеевич Милютин, занимавшие поочередно пост товарища министра внутренних дел в 1855–1859 гг. и 1859–1861 гг. Их усердие в разработке положений крестьянской реформы стоило карьеры им и министру.

В 1856 г. С. С. Ланской представил императору записку «О постепенном стремлении к освобождению крестьян». В ней он обстоятельно и с цифрами в руках доказывал, что время «столь великого и важного дела пришло»¹. Вся подготовительная работа по подготовке крестьянской реформы сосредоточилась в Центральном статистическом комитете МВД. Основные усилия по разработке ее проектов, переговорам с дворянством, а также «испрашивание» мнения императора легли на плечи самого министра и его заместителя. Именно МВД продвигало идею о необходимости освободить крестьян с землей. За столь радикальный подход на руководство министерства обрушились обвинения в потворстве республиканским идеям и критика со стороны дворян, особенно из черноземных губерний. Однако руководство МВД обладало обширными статистическими данными о состоянии дел в стране и понимало, что только одновременное освобождение крестьян от крепостной зависимости и наделение их землей обеспечат спокойствие в стране. В итоге вопрос о реформе был только отчасти решен по проекту МВД.

Одновременно с разработкой крестьянской реформы МВД подготовило реорганизацию полиции, основные направления которой были намечены Высочайшим указом от 4 июля 1858 г.: назначение полицейских чиновников правительством; соединение городской полиции с уездной; освобождение полиции от следственных, судебных и хозяйственных функций².

¹ Министерство внутренних дел 1802–1902. Исторический очерк. М., 2002. С. 113.

² Там же. С. 132.

Проведение реформы полиции заняло почти полвека. На этом пути была проделана огромная работа по многим направлениям, в том числе по специализации деятельности полицейских органов и централизации управления полицией. По «Временным правилам об устройстве полиции в городах и уездах губерний», принятым 25 декабря 1862 г., органы уездной и городской полиции были объединены в общую уездную полицию. Реформирование юстиции 1860–1864 гг. имело результатом выведение из компетенции полиции судебных и следственных функций. Земская и городская реформы 1864–1870 гг. привели к изъятию из ведения полиции общественно-хозяйственных функций. Большое влияние на улучшение общего полицейского состава оказало и значительное повышение окладов, которое привлекло в ряды полиции более надежных людей.

Предпринятые МВД шаги позволили обеспечить не только разработку, но и силовое сопровождение масштабных социально-политических преобразований вплоть до очередного внутривластного кризиса, ярко обозначившегося к концу 70-х – началу 80-х годов XIX в., который, опять же, пришлось разрешать МВД.

В 1880 г. управление полицией полностью перешло в МВД, и в его составе был создан Департамент полиции, призванный направлять и координировать работу всей полиции России. Создание центрального органа управления и расширение штатов полиции подготовили почву для будущей специализации ее подразделений. Ее проявлением наряду с учреждением ранее горной полиции (1806 г.) и лесной стражи (1832 г.) стало создание вотчиной (мызной; 1861 г.) железнодорожной (1861 г.), речной (1867 г.), портовой (1891 г.), фабрично-заводской (1899 г.) и сыскной полиции (1908 г.).

Во второй половине XIX – начале XX в. полиция, несмотря на специализацию ее органов общей, по оценке российского полицейиста Ивана Трофимовича Тарасова, представляла собой «складочное место для всякого рода задач, имеющих целью уврачевание разнообразнейших внутренних зол»¹. В начале XX в. в унисон этой оценке прозвучало мнение другого полицейиста – Аркадия Ивановича Елистратова. Он отмечал, что общая полиция «должна быть всегда готова к услугам

¹ Тарасов И. Т. Полиция в эпоху реформ. М., 1885. С. 6.

всех ведомств; к ней должны обращаться не только в тех случаях, когда необходимо применить к обывателю принуждение, но и тогда, когда требуется просто непосредственно к нему обратиться: вручение всякого рода повесток и объявлений от административных учреждений каждого ведомства производится по закону не иначе, как через полицию»¹.

Оценки российских полицейстов были адекватны набору функций полиции. Она осуществляла надзор за печатью, обществами и собраниями, участвовала в мероприятиях по исполнению воинской повинности, сборе статистической информации, обеспечению продовольствием. Полиция участвовала в решении вопроса о приеме иностранцев в русское подданство, осуществляла надзор за неблагонадежными лицами и их ссылку, разрешала выход периодических изданий и осуществляла по отношению к ним административные санкции (а зачастую и репрессии). Она надзирала также за деятельностью страховых обществ, от нее зависела передача на рассмотрение военного суда отдельных дел о преступлениях и нарушениях «общественного порядка и спокойствия для суждения их по законам военного времени» и применение правил усиленной охраны, предусмотренное «Положением о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» от 14 августа 1881 г.

Суммарный объем функций Министерства внутренних дел и полиции обуславливал их взаимодействие со всеми другими государственными институтами и ведомствами. Министерство внутренних дел совместно с Министерством иностранных дел и Министерством финансов обеспечивало внешнюю безопасность Российской империи. Политику пограничной безопасности государства в вопросах установления и охраны границ Империи реализовывал Департамент полиции. В обеспечении внешней и внутренней безопасности серьезную роль играла русская заграничная агентура Департамента полиции, которой он ведал совместно с Министерством иностранных дел. Заграничная агентура Департамента полиции была нацелена на выявление зарубежных подрывных центров. Входившие в систему Министерства финансов Российской империи Департамент таможенных сборов и Отдельный

¹ Елистратов А. И. Основные начала административного права. М., 1917. С. 17.

корпус пограничной стражи совместно с полицией приграничных районов выявляли и пресекали контрабанду оружия и подрывной литературы в местах пересечения границы и на всем ее протяжении.

В России не существовало отдельного ведомства по налогам и сборам. Функция налогообложения и взыскания недоимок и сборов выполнялась ведомством общих учреждений Министерства финансов, которое в своей деятельности настолько широко использовало полицию, что сбор налогов фактически являлся одним из направлений ее деятельности. Так, «Наказом чинам и служителям уездной полиции» 1837 г. в круг действий уездного полицейского управления и подчиненных ему лиц по делам казенного ведомства входило: взыскание недоимок, различных казенных и общественных сборов; принятие установленных законом мер к возмещению недоимок по таким сборам; предупреждение и пресечение всяких злоупотреблений в данной сфере; надлежащее содействие учреждениям и лицам, на которые возложен надзор за торговлей и промыслами. Даже после учреждения земских (1864 г.) и городских (1870 г.) органов местного самоуправления сбор земских повинностей и городских доходов и контроль за их использованием были отнесены к компетенции полиции. С 1874 г. уездному исправнику был передан сбор выкупных платежей, отнесенный ранее к компетенции мировых посредников, перешла к уездному исправнику. Более того, полиция, как единственный орган центрального государственного подчинения на местном уровне¹, должна была обеспечить сбор всех повинностей и налогов, определенных финансовыми органами.

Согласно «Положению о пошлинах за право торговли и промыслов» от 9 февраля 1865 г. городская и уездная полиция обязаны были оказывать содействие учреждениям и лицам, на которых был возложен соответствующий надзор (члены казенных палат, городских дум, волостных правлений и торговых deputаций). Полиция следила, чтобы не производилось незаконной торговли без патента или торговли запрещенными товарами (контрабандными, крадеными, ядовитыми, гнилыми и испорченными) и должна была сообщать о таких фактах в волос-

¹ Ялтаев Д. А. Фискальные функции исполнительной полиции Казанской губернии в 60–70-х годах XIX века // Вестник Чувашского университета. – 2011. – № 4. – С. 131.

тях – волостным правлениям, а в городах – управам или торговым депутациям, а также в соответствующую казенную палату¹.

В 1885 г. в Российской империи были учреждены должности податных инспекторов при уездных Податных присутствиях территориальных Казенных палат. Им были переданы функции податного надзора по соблюдению норм налогового законодательства. Местные казенные палаты привлекали податных инспекторов и полицию к процедуре организации надзора за поступлением окладных сборов и взысканием недоимок прежних лет. В 1892 г. был издан циркуляр министра внутренних дел, предписывающий полиции взаимодействовать с податными инспекторами при взыскании недоимок. На практике это предписание реализовывалось организацией и проведением в уездах постоянных совещаний с участием уездных исправников и земских начальников по вопросам о сборе налогов. В дальнейшем взаимодействие податных инспекторов и полицейских чинов в части осуществления надзора за соблюдением налогового законодательства в торгово-промышленной сфере регламентировалось «Положением о государственном промышленном налоге» от 8 июня 1898 г. и «Положением о податных инспекторах и их помощниках» от 24 мая 1899 г.

В 1860 г. для контроля над сбором многочисленных косвенных налогов – акцизов (с вина, спирта, табака, сахара, осветительных нефтяных масел и др.) были учреждены акцизные управления. Они имели общие с полицией функции: ревизия заводов и иных мест производства и хранения продукции, облагаемой акцизным сбором, и соответствующих торговых заведений; привлечение к ответственности владельцев заводов и торговых заведений за нарушения законов об акцизных сборах; конфискация продукции и товаров, неоплаченных акцизом; приостановление работы фабрик и заводов, если обнаруженные на них нарушения законов об акцизах грозили убытками казне. Кроме того, полиция могла привлечь к ответственности самих чиновников акцизного ведомства за упущения и злоупотребления. Окружные акцизные управления и полиция совместно выдавали разрешения на устройство винокуренных (т. е. табачных) заводов.

¹ Цветков П. П. Полное руководство для чинов полиции и справочная книга для земских начальников, городских судей, волостных управлений и торгово-промышленных лиц. Спб., 1894. С. 616.

В реализации функции борьбы с преступностью полиция тесно взаимодействовала с входившими в ведение Министерства юстиции судебными следователями и прокурорами. Согласно Устава уголовного судопроизводства 1864 г. полиция была обязана сообщать им о происшествиях, имевших признаки преступления или проступка, и по поручению следователя проводить дознания. При производстве дознания полиция находилась в прямой зависимости от прокуратуры. Решением Правительствующего Сената от 25 мая 1871 г. прокурорам судебных палат было предоставлено право разъяснять полиции порядок производства дознания. Прокуроры обращались к полиции с требованиями о содействии в производстве дознания и предварительного следствия, а также в исполнении судебных решений.

Общая полиция оказывала ощутимую помощь жандармерии во время проведения процессуальных действий по делам, имевшим признаки политического преступления: осмотров, освидетельствований, обысков, выемок. Согласно утвержденному императором Александром II 19 мая 1871 г. мнению Государственного совета «О порядке действий чинов корпуса жандармов по исследованию преступлений» чины корпуса жандармов были обязаны немедленно сообщать полиции о любом таком происшествии. Общая полиция нередко принимала участие в розыске политических преступников.

В 1884 г. для надзора за соблюдением трудового законодательства была учреждена фабричная инспекция. Она сразу же была подчинена Министерству финансов. Ее служащие – фабричные инспекторы – налагали на рабочих взыскания за самовольный уход с фабрики, доносили властям о стачках и волнениях, улаживали споры между фабрикантами и рабочими. Полиция сообщала фабричной инспекции обо всех дошедших до нее сведениях о нарушениях порядка и благоустройства на фабриках и заводах.

С 1899 г. полицейский надзор в фабрично-заводских районах стал усиливаться: 1 февраля мнением Государственного совета, утвержденным императором, были введены должности полицейских надзирателей, а 7 июня при Министерстве финансов было создано Главное по фабричным и горнозаводским делам присутствие. В его состав входили министр финансов и его товарищ, директор и вице-директор Департамента полиции, заведующий делами фабрично-заводской инспекции. На заседания

этого органа могли быть приглашены с правом решающего голоса товарищ министра внутренних дел, помощник шефа жандармов и представители других министерств и ведомств. Назначением этого коллегиального органа был контроль над применением рабочего законодательства администрацией фабрик, заводов и горных промыслов.

С 1903 г. фабричная инспекция, формально оставаясь подразделением Министерства финансов, была поставлена под контроль МВД и превратилась, по существу, в фабричную полицию¹. На местах ее деятельностью руководили губернатор и обер-полицмейстер. Министр внутренних дел и министр финансов совместно давали руководящие указания о взаимных правах и обязанностях чинов фабричной инспекции, губернаторов и обер-полицмейстеров. Губернаторы и обер-полицмейстеры могли требовать от фабричной инспекции срочных докладов по ее делам и в отдельных случаях отменять ее распоряжения.

Предложенный обзор далеко не исчерпывает весь спектр взаимодействия полиции с другими государственными органами, например, с военным ведомством, с Главным тюремным управлением, созданным в 1895 г. при Министерстве юстиции и др. Однако и без этого вышеизложенное представляется вполне достаточным, чтобы утверждать, что полиция являлась ключевым элементом государственного механизма и приводила его в действие. Полиция составляла ядро управления всеми внутренними делами. В первой половине XIX в. полиция в государственной системе определилась как подсистема, не только осуществляющая охрану общественного порядка, но и обеспечивающая исполнение важнейших социальных и экономических функций государства. Взаимодействуя с органами, ведавшими благоустройством и здравоохранением, полиция осуществляла такие исполнительные функции, без которых эти органы не могли бы действовать. Сохранение значительной роли полиции во всех сферах жизни российского общества и государства во второй половине XIX – начале XX в., вплоть до 1917 г., предопределялось тем, что главным, а скорее единственным, инициатором и проводником модернизации страны, как и в предыдущие столетия, выступало государство и так называемый «полицейский» характер государственного строя России в рассматриваемый период – это историческая необходимость.

¹ Витте С. Ю. Воспоминания. Т. 1. М., 1960. С. 604.

Практическая деятельность судебных следователей во второй половине XIX в.

*А. П. Яцкова*¹,

доцент кафедры истории государства и права

МосУ МВД России имени В.Я. Кикотя,

кандидат юридических наук, доцент

Развитие предварительного следствия во второй половине XIX – начале XX в. характеризовалось рядом особенностей. Во-первых, происходят изменения внутри структуры судебных следователей, вызванные потребностями следственной практики, и появляются отступления от предусмотренной организации следственного аппарата при введении судебной реформы в разных регионах государства. Во-вторых, меняются статус судебных следователей и алгоритм назначения их на должность, что было вызвано нехваткой кадров и наступившей политической реакцией. В-третьих, недостаточная удовлетворенность работой предварительного следствия и возникновение новых проектов его реформирования.

Судебные уставы 1864 г. согласно указу от 19 октября 1865 г.² вводились на территории России постепенно: в течение 1866 г. в округах Санкт-Петербургской и Московской судебных палат, а в последующие четыре года в прочих губерниях, управляемых по Общему губернскому учреждению и в Бессарабской области. К 1894 г. еще в 23 губерниях и областях Российского государства продолжали действовать судебные учреждения прежнего устройства, и предварительное следствие осуществлялось на основании положений, введенных актами 8 июня 1860 г.³

При введении в действие Судебных уставов в национальных окраинах России, где наиболее остро ощущалась нехватка квалифицированных кадров, учитывались местные условия. Поэтому предварительное расследование по преступлениям и проступкам, за которые предусматривалось лишение или ограничение прав состояния, производи-

¹ © Яцкова А. П., 2018

² ПСЗРИ. Собр. 2. Т. XL. Отд. I. № 42587.

³ Высочайше учрежденная комиссия для пересмотра законоположений по судебной части. Объяснительная записка к проекту новой редакции учреждения судебных уставов. Введение. Т. I. Спб., 1900.

лись только по распоряжению и под непосредственным контролем местного мирового судьи, если он поручал производство следствия своему помощнику¹.

Деятельность аппарата судебных следователей сразу выявила такой допущенный разработчиками уставов пробел, как отсутствие дифференциации чинов следственных органов. Как известно, судебные уставы предусматривали только участковых судебных следователей, которые состояли при окружном суде и производили следствия в своем участке. Очевидно, что такая организация следственного аппарата не могла соответствовать потребностям практики. Производимые по преступлениям следствия значительно отличались как по объему необходимых следственных действий, так и по степени их сложности, что, соответственно, требовало различного уровня знаний, навыков, опыта и количества времени.

Впервые вопрос о необходимости учреждения следователей для расследования особо сложных и объемных дел был поставлен в 1866 г. Санкт-Петербургским обер-полицмейстером в связи с трудностями, возникшими при расследовании дел о фальшивомонетничестве. 30 декабря 1866 г. особая комиссия в составе министров внутренних дел и юстиции, финансов, шефа жандармов обсудила методы и средства борьбы с этим видом преступлений. Комиссия пришла к выводу о необходимости введения при столичных судах должности временного судебного следователя, которому участок не назначался, а поручалось бы «производство особенно важных преступлений во всех местностях, где бы оно не потребовалось»². 30 октября 1867 г. при Московской и Санкт-Петербургской судебных палатах были учреждены должности временных судебных следователей по особо важным делам, которые производили следствие на всей территории России по поручению министра юстиции. Следственная практика оправдала существование этих следователей и в 1875 г. они были «превращены» в постоянные³. 11 мая 1870 г. министру юстиции было предоставлено право, не изменяя штатного числа судебных следователей при окружных судах, назначать одного из них для производства на территории округа следст-

¹ ПСЗРИ. Собр. 2. Т. XLI. № 43380.

² ПСЗРИ. Собр. 1. Т. XXI. № 15379.

³ ПСЗРИ. Собр. 2. Т. XLV. Отд. I. № 48338.

вий по особо важным преступлениям, а возникающие в его участке следствия распределять между остальными следователями¹.

Вопрос об обеспеченности кадрами, которые должны были соответствовать требованиям, предъявляемым Учреждением судебных следователей 1864 г., а затем Учреждением судебных установлений к кандидатам на эти должности, встал перед министерством юстиции одним из первых. Понятно было стремление власти привлечь на службу лиц юридически высокообразованных и имевших достаточный опыт работы в судебных органах. В результате Министерство юстиции, которое было обязано комплектовать новый аппарат кадрами, вынуждено было пересмотреть ряд требований, предъявляемых к кандидатам на должность судебных следователей, и искать пути к решению кадровой проблемы. Изучение в Министерстве юстиции формулярных списков лиц, впервые представленных губернаторами к назначению на должность судебных следователей, показало «едва ли не повсеместный недостаток в губерниях таких, кои бы соответствовали по своему образованию и предшествовавшей службе» необходимым требованиям. Большинство из представленных к назначению лиц составляли все те же становые приставы. Многие губернаторы докладывали в Министерство, что не могут подобрать лиц, «способных занять должность судебных следователей». Такое положение с кадрами вынудило Министерство юстиции уже с 1862 г. отступить от предусмотренных законом правил и разрешить местному начальству назначать на временной основе на должности судебных следователей лиц «о коих будет на фактах основанное удостоверение местного начальства» о способности занимать эту должность. Эти лица исполняли обязанности судебного следователя с 6-месячным испытательным сроком, которые затем могли быть представлены к утверждению в Министерство юстиции². Эти лица причислялись к Министерству юстиции и исполняли должность приказом министра юстиции. При этом они не имели судейской несменяемости и в любое время могли быть отозваны от исполнения обязанностей тем же

¹ ПСЗРИ. Собр. 2. Т. XLV. Отд. I. № 48338.

² Циркулярные предписания г. Министра юстиции // Журнал Министерства юстиции. – 1866. – Т. XXX. – С. 31.

министром. С 1870 г. эта практика получила официальное высочайшее одобрение¹.

Практически весь следственный аппарат к 1898 г. был лишен судебной несменяемости: из 1487 судебных следователей, утвержденных в должности, а, следовательно, и пользовавшихся несменяемостью, насчитывалось только 154, а остальные 1333 были командированы министром юстиции к выполнению обязанностей судебных следователей².

А. Ф. Кони в 1894 г. на совещании старших председателей и прокуроров судебных палат признал, что «предварительное следствие является у нас по своей постановке и по практическим результатам своим, по-видимому, одною из самых слабых сторон судебной организации»³. Как видно из отзыва председателя Харьковской судебной палаты, в округе этой палаты в 1877 г. из 13517 производившихся следствий было прекращено 9877; в 1878 г. из 15244 – 10519; в 1879 г. из 15240 – 10147. Таким образом, в среднем в год за приведенный период прекращалось более 2/3 расследований⁴. Аналогичная картина складывалась и в округе Казанской судебной палаты, где лишь 20 % уголовных дел заканчивались обвинительным приговором⁵. Статистика по всей России свидетельствовала о совершенно неудовлетворительных результатах деятельности нового следственного аппарата. И. Т. Тарасов ссылался на отчеты Министерства юстиции, приводил такие данные: «Из статистических данных о следственных производствах в 1875, 1876 и 1877 гг. оказывается, что из всей суммы следствий в среднем выводе только 25 % доходило до суда, а остальные или прекращались, или оставлялись без последствий, или возвращались для доследования и т. п. По доведенным до суда делам выносилось до 40 % оправдательных приговоров»⁶. Прокурор Харьковской судебной палаты П. М. Бутовский так оценивал статистику предварительного следствия: «Циф-

¹ Случевский В. К. Указ. соч. С. 145.

² Объяснительная записка к проекту новой редакции учреждения судебных установлений. Т. II. Ч. 2. Спб., 1900. С. 19.

³ Совещание старших председателей и прокуроров судебных палат относительно: 1) реформы предварительного следствия и 2) реформы обвинительной процедуры // Журнал Министерства юстиции. – 1894/5. – № 11. – С. 37.

⁴ Материалы для пересмотра законоположений о порядке производства предварительных следствий. Спб., 1882. С. 174.

⁵ Там же. С. 178.

⁶ Тарасов И.Т. Полиция в эпоху реформ. Спб., 1885. С. 98.

ровые данные доказывают как нельзя более убедительно, что задачи правосудия не могут быть исчерпанными, когда на сто возникающих следственным порядком дел лишь двадцать два достигают своей цели, т. е. наказания виновного...». Далее, анализируя статистику деятельности судебных следователей за 1877 г., П. М. Бутовский отмечает, что при ближайшем рассмотрении цифр «будет вполне ясно: сколько потрачено было на эти производства различными производственными органами, и главным образом следователями, бесплодного труда; сколько беспокойства доставили они частным лицам, сколько, наконец, убито времени»¹.

Длительные сроки расследования приводили к тому, что «в течение весьма продолжительного времени судьба обвиняемого остается нерешенной, интересы потерпевшего не получают удовлетворения, следы преступления изглаживаются, свидетели забывают его обстоятельства, примерное значение наказания теряет всякий смысл, и дело, дойдя до судебного рассмотрения в бледных и неясных очертаниях, получает разрешение, производящее впечатление печальной пародии на суд или, по меньшей мере, исполнения какой-то никому не нужной формальности»². На «выцветание дел» к моменту их рассмотрения в суде и, как следствие этого, оправдание обвиняемого, указывал в 1895 году и А. Ф. Кони³.

¹ Материалы для пересмотра ... С. 264–265.

² Там же. С. 226.

³ Совещание старших председателей и прокуроров судебных палат ... С. 38.

Правовые основы организации Московской полиции в дореволюционной России

М. А. Базарнов¹,

доцент кафедры истории государства и права

МосУ МВД России имени В.Я. Кикотя,

кандидат юридических наук

Вплоть до конца второго десятилетия XVII в. в России не было регулярных полицейских органов, не был известен и термин «*полиция*». В течение нескольких столетий функции, связанные с охраной общественного порядка и борьбой с преступностью, выполнялись представителями центральных и местных властей, а также феодалами в соответствии с правом вотчины юстиции.

Первое упоминание о специализированном органе охраны общественного порядка в Москве относится к 1564 г. Этим органом был Земский двор, который отвечал за управление столицей, в том числе и за поддержание порядка. Позже эти функции стал выполнять Земский приказ, который помимо сбора налогов, обеспечения пожарной безопасности, благоустройства занимался и борьбой с преступниками – «*лихими людьми*». Последнее было функциональной обязанностью служащих приказа, имевших звание ярыжных. Помимо них полицейскими функциями наделялись десятские – стражники из числа местных жителей, охранявшие город, обходя по ночам улицы, отпугивали воров, стуча специальными колотушками. Источники упоминают и о «*решеточных приказчиках*», задача которых состояла в том, чтобы перекрывать на ночь улицы решетками. Деятельность ярыжных и решеточных приказчиков должны были контролировать объезжие головы, назначавшиеся царем.

В царствование Петра I в силу ряда обстоятельств возникла необходимость в усилении контроля государства над подданными. Эту задачу должна была решать Полицмейстерская канцелярия, образованная в Санкт-Петербурге в 1718 г. Спустя четыре года, 19 января 1722 г. полицмейстерская контора появилась и в Москве². Первым ее руководителем – обер-полицмейстером – стал М. Т. Греков. В Инструкции мос-

¹ © Базарнов М. А., 2018

² ПСЗРИ. Собр. 1. Т. VI. № 4130.

ковскому обер-полицмейстеру¹ были сформулированы задачи и основные принципы деятельности полицейских служащих. В 1763 г. впервые были установлены штаты Московской полиции. Общее количество служащих в ней составило 432 человека, а расходы на содержание – 25 108 руб. 14 коп.²

«Устав Благочиния или полицейский» 1782 г. определил новую организационную структуру городской полиции, которая просуществовала вплоть до Великих реформ второй половины XIX в. Город стал делиться на кварталы, где ответственность за охрану общественного порядка и борьбу с преступностью возлагалась на квартального надзирателя³. Помогал ему в этом квартальный поручик. Данные должностные лица выполняли обязанности судей первой инстанции по незначительным правонарушениям. Кварталы объединялись в части, которыми руководили частные приставы. Части подчинялись Управе благочиния. Кроме этого была введена новая система формирования кадрового состава. Отныне обязанности сотрудников полиции выполняли лица, служащие в ней на постоянной основе. Рядовые сотрудники московской полиции делились на будочников и хожалых⁴. На улицах Москвы появились будки, в которых дежурили постоянные сторожа, т. е. будочники. В обязанности хожалых входило выполнение различных поручений, конвоирование и т. д.

С 1823 г. содержание Московской полиции легло на плечи городской управы. В 1867 г. город потратил на ее содержание 400168 руб. 38 коп., что составляло 15,4 % расходов городского бюджета⁵.

Великие реформы второй половины XIX в. изменили обстановку в стране, повлекли за собой реорганизацию полиции, так как отмена крепостного права означала отмену полицейской власти помещика над крепостными. Судебная реформа 1864 г. сократила полномочия органов правопорядка, отменив действия полицейского суда. 8 июня 1860 г. были учреждены должности судебных следователей, на которых возлагалось производство следствия по всем преступлениям, относящимся к

¹ ПСЗРИ. Собр. 1. Т. VI. № 4047.

² Сизиков М. И. Полицейская реформа Екатерины II. Тюмень, 1997. С. 7.

³ ПСЗРИ. Собр. 1. Т. XXI. № 15379.

⁴ Гурьев В. И. Московская полиция. 1881–1917 гг. М., 2017. С. 31.

⁵ Московская городская общая дума. Доклад финансовой комиссии. М., 1867. С. 34.

ведению судов. За полицией оставалось только расследование незначительных преступлений и проступков. Одновременно был введен «Наказ полиции о производстве дознания по происшествиям, могущим заключать в себе преступление или проступок»¹.

Начало масштабным преобразованиям полиции во второй половине XIX в. положили «Временные правила об устройстве полиции в городах и уездах губерний, по общему учреждению управляемых»². Уездная и городская полиция объединяются в уездные полицейские управления во главе с уездными исправниками. Однако это объединение не коснулось Санкт-Петербурга, Москвы, губернских центров, некоторых уездных городов, имевших особое административное или военно-стратегическое значение. В этих городах сохранялось городское полицейское управление, возглавляемое полицмейстером.

В Москве серьезные преобразования полиции были проведены обер-полицмейстером А. А. Козловым. Основные принципы преобразований были изложены в «Положении о Московской полиции» от 5 мая 1881 г.³ Положение закрепляло систему вольного найма, определяло новую организацию московской полиции и функции служащих. К Положению прилагались новые штаты полиции, с введением которых учреждались новые звания – участковые приставы и околоточные надзиратели, определялись размеры их содержания.

Данные чины полиции в соответствии с «Инструкцией околоточным надзирателям Московской столичной полиции», «Инструкции городовым»⁴ должны были следить за порядком на улицах и в различных учреждениях, осуществлять охрану общественного порядка во время массовых народных гуляний, отправления религиозных праздников, обрядов и таинств. В их обязанности входил также контроль за соблюдением норм пожарной безопасности, правил торговли спиртными напитками, работой дворников; им надлежало своевременно прибывать

¹ ПСЗРИ. Собр. 2. Т. XXXV. Ч. 1. № 35892.

² ПСЗРИ. Собр. 2. Т. XXXVII. Ч. 2. № 39087.

³ ПСЗРИ. Собр. 3. Т. I. № 131.

⁴ Инструкция околоточным надзирателям Московской столичной полиции. М., 1906; Инструкция городовым // Календарь и справочная книжка для чинов и служителей городской, уездной и сельской полиции и жандармских управлений на 1895 г. М., 1895.

на место совершения преступления и в случае необходимости проводить первоначальные следственные действия¹.

Практически сразу после Декабрьского вооруженного восстания в Москве (1905 г.) вышел закон «Об усилении Московской городской полиции и об увеличении состава городских», согласно которому ее численность выросла на 60 %². Вскоре был принят закон «Об устройстве и штате Управления Московского градоначальства и Московской сыскной полиции»³, который предусматривал увеличение численности сотрудников центрального управления и московской сыскной полиции.

В июле 1906 г. правительство удовлетворило прошения руководства московской полиции о создании мобильного подразделения, способного бороться с беспорядками на улицах и площадях города. Таким образом, 29 июля 1906 г. в Москве появилась своя конная полиция⁴, ставшая аналогом столичной конной полиции, возникшей в 1891 г.⁵

В дни Февральской революции 1917 г. в помещениях московской сыскной полиции были разграблены все кабинеты и хранилища. Похищены не только ценные вещи (вещественные доказательства по уголовным делам), но и уничтожена вся документация – книги прихода и учета, регистрационные листки, антропометрические и дактилоскопические снимки, фотографические карточки. 8 марта 1917 г. последовал приказ № 1 Московского городского комиссара о создании милиции, в которую было запрещено принимать бывших служащих царской полиции.

¹ Гурьев В. И. Московская полиция. 1881–1917 гг. М., 2017. С. 72–77.

² ПСЗРИ. Собр. 3. Т. XXV. № 27165.

³ ПСЗРИ. Собр. 3. Т. XXVI. № 27829.

⁴ ПСЗРИ. Собр. 3. Т. XXVI. № 27851.

⁵ Высоцкий И. П. Краткий исторический очерк о Санкт-Петербургской столичной полиции 1703–1903 гг. Спб., 1903. С. 452.

О земской страже Российской империи (на примере семейной истории)

К. О. Калинина¹,

курсант 107 учебного взвода

Института судебной экспертизы

МосУ МВД России имени В.Я. Кикотя

В каждой семье есть свои особенные истории, которые связаны с историей страны, государства. И моя семья – не исключение. Так повелось, что в деревне, где проживает моя бабушка, нашу семью называют Стражниковы. Меня заинтересовало, откуда берет начало такое необычное и весьма странное прозвище. И в ходе исследований я выяснила, что мой прапрадед, Алексей Николаевич Гавриков, был уездным полицейским стражником Орловской губернии.

Именно на примере его жизни, опираясь на нормативные правовые акты губерний Черноземного центра России, а также на воспоминания своих родных, я хотела бы поведать об особенностях несения службы уездной полицейской стражи Российской империи.

Закон от 5 мая 1903 г. в соответствии с мнением Государственного Совета «Об учреждении в 46 губерниях европейской России полицейской стражи» учредил «временно впредь до общего переустройства местного управления» уездную полицейскую стражу, которая предназначалась «для охранения благополучия, общего спокойствия и порядка в местностях, подведомственных уездной полиции»².

В циркуляре Министерства внутренних дел от 12 февраля 1906 г. говорилось, что «уездная полицейская стража есть, прежде всего, сила в руках губернаторов и уездных исправников для подавления беспорядков и для прекращения разбоя в губерниях и уездах, не прибегая к содействию войск и не отрывая последних от прямых обязанностей».

Уездная полицейская стража состояла из урядников и стражников. Мой прапрадед был именно стражником, и в соответствии с циркуляром к нему предъявлялись следующие требования: «стражник должен был уметь читать, писать, иметь «общее достаточное развитие», урядник – уметь составлять протоколы, иметь «общее знакомство с поли-

¹ © Калинина К. О., 2018

² ПСЗРИ. Собр. 3. Т. XXIII. Отд. I. № 22906.

цейской службой и с обязанностями полиции по преследованию преступлений»¹.

Уездная полицейская стража организационно подразделялась на пешую и конную. Мой прапрадедушка был конным стражником 29-го конного отряда Мценской стражи Орловской губернии. Часть стражников распределялась по населенным пунктам, другая часть составляла конные команды, которые находились на казарменном положении. Моя бабушка вспоминает: «Мать рассказывала, что дед с нами совсем не проживал, дома появлялся очень редко, но всегда приезжал на праздники и по возможности в увольнении».

Группа стражниковъ 29-го коннаго отряда, Мценской стражи, Орловской губ., снятая послѣ практической стрѣльбы.
Уѣздный исправникъ П. А. Тихомировъ (1), офицеръ конно-полицейской стражи, ротмистръ Станковичъ (2), пом. исправника Мининъ (3), приставъ 1 ст. Домбровский (4), 3 ст. Сидяко (5), и секретарь полицейскаго управленія Марченковъ (6).

Алексей Николаевич Гавриков в третьем ряду снизу, левый фланг.

Судить о численности уездной полицейской стражи в южных губерниях европейской России можно по приведенной ниже таблице:

¹ Мулукаев Р. С. Полиция в России (IX в. – конец XX в.). Нижний Новгород, 1993. С. 91.

Название губерний	К концу XIX в.		Уездная полицейская стража			
	Территория (в кв. м)	Население (в тыс.)	Отряды		Численность	
			конные	пешие	урядники	стражники
Воронежская	57902	2546	49	7	249	1146
Курская	40821	2397	15	60	186	1259
Орловская	41058	2055	37	39	166	1076
Тамбовская	58511	2715	56	75	329	1396

При принятии на службу лиц, которые желали поступить в уездную полицейскую стражу, предварительно собирались «самые подробные сведения о поведении, политической благонадежности и умственном развитии через подлежащих губернских инспекторов стражи, полиции и военное начальство». Конечно, соответствовать данным стандартам удавалось далеко немногим, поэтому мой прапрадед и наша семья до сих пор имеют большой авторитет среди своих земляков.

Старший брат моей бабушки также вспомнил один интересный факт. Из циркуляра известно, что при приеме на службу стражников у них отбиралась подписка с обязательством прослужить в страже не менее года. Для обеспечения исполнения этого условия из содержания стражника ежемесячно удерживались 1–2 руб., которые вносились на книжку в государственные сберегательные кассы и по истечении года выдавались с начисленными процентами тем стражникам, которые выполнили свое обязательство. Из воспоминаний моей семьи: «В самом начале своей службы дед принес большое довольство и на него купил нам мешок сладостей, деревянные сабли и большую красивую куклу с синими лентами».

Вся стража в уездах вооружалась винтовками казачьего образца, шашками. Кроме того, стражники имели право иметь собственные револьверы (военных образцов – системы «Нагана» или «Смита-Вессона»), но лишь при условии, что стражник умеет пользоваться и умело обращается с данным видом оружия. У моего прапрадедушки револьвера не было, зато из воспоминаний бабушки известно, что он очень умело обращался с шашкой. Был случай, когда зимой на их конный отряд напала стая волков, и прапрадед отважно отбивался от хищников, используя шашку и свои навыки верховой езды.

Также из циркуляра известно, что в конную стражу поступали на службу лица, по общему правилу, владевшие собственной лошадью и

снаряжением. При приеме лошадей на службу соблюдались следующие условия: а) каждая лошадь, представляемая для службы в страже, обязательно сопровождалась ветеринарным свидетельством об отсутствии заразных болезней и о состоянии здоровья в целом; б) лошади допускались к приему на службу в полицейскую стражу различных пород, преимущественно местных, в возрасте от 4 до 12 лет, ростом не менее 1 аршина 15 вершков. Также в циркуляре определялись физические недостатки, которые служили препятствием для приема лошадей на службу.

В соответствии с перечисленными требованиями конь моего прапрадеда «был статным, породистым и шустрым; дед держал в идеальной чистоте его стойло, регулярно прочесывал гриву и хвост, внимательно следил за его поведением и самочувствием»¹.

Таким образом, на примере своего дальнего предка я попыталась охарактеризовать уездную полицейскую стражу Российской империи, ее структуру и особенности. Исходя из реальных исторических фактов и из семейных воспоминаний, можно сделать вывод о том, что учреждение уездной полицейской стражи значительно усилило сельскую полицию и дало местной администрации дополнительные рычаги воздействия на население. Кроме того, это явление положило начало формированию прообраза современных подразделений полиции на местах.

¹ Из семейных воспоминаний.

Зарождение системы сенатских ревизий как формы контроля над деятельностью местной администрации в первой четверти XVIII в.

П. В. Летникова¹,

*соискатель кафедры истории государства и права
МосУ МВД России имени В.Я. Кикотя*

Одним из последствий губернской реформы Петра I была ликвидация ряда центральных ведомств с передачей части их полномочий губернаторам. Децентрализация власти в огромной по территории стране с малочисленным населением неминуемо привела к ослаблению отношений между центральным правительством и местными властями и, как следствие, к расцвету произвола, взяточничества и казнокрадства, а также к ослаблению надзора над деятельностью местной администрации. Несмотря на контроль со стороны Сената за деятельностью местных учреждений, размах злоупотреблений с их стороны потребовал применение более действенных мер, среди которых, по мнению В. Н. Бочкарева, первое место занимали сенаторские ревизии². Посылка особо доверенных лиц из столицы на места для проверки действий провинциальных чиновников, по мнению И. А. Блинова, вытекала «из твердо укоренившейся в Московском царстве системы частных поручений». Он же выдвинул предположение, что инициатором таких проверок был государственный деятель времен Петра I А. А. Курбатов. Именно он посоветовал монарху возобновить практику, существовавшую при царе Алексее Михайловиче и состоявшую в «тайно-нужных» посылках на места особо доверенных лиц для контроля местной администрации. А. А. Курбатов предлагал использовать эту меру для контроля над деятельностью губернаторов со стороны высшего государственного учреждения, «а в нужнейших делах ради уверения и досмотра посылать из того правления знатных и вернонадежных особ... проводить, каковыми порядками управляют народ губернаторы»³.

¹ © Летникова П. В., 2018

² Бочкарев В. Н. Первая сенаторская ревизия в России: Историческая справка к 200-летию учреждения в России института сенаторских ревизий 4 апреля 1722 г. // Сборник Ярославского государственного университета. Вып. 2. Ярославль, 1923. С. 40–56.

³ Курбатов А. А. Пункты о Кабинет-коллегиуме // Павлов-Сильванский Н. П. Проекты реформ в записках современников Петра Великого: Опыт изучения рус. проектов и неизд. их тексты. Перепеч. с изд. 1897 г. М., 2000. С. 233–244.

В 1705 г. он получил поручение «рассмотреть Ратушу со всеми ее околичностями и что возможно еще прибавить прибыли без тягости народа.

Результатом его деятельности явился ряд предложений, успешно воплощенных в указах Петра I, преследующих цель пресечения «великого в сборах воровства» посредством высшей меры наказания для виновных и создание более совершенной организации контроля.

Указом от 4 апреля 1722 г. «О ежегодном отправлении в губернии одного Сенатора ревизором, о принесении на него жалоб Сенату когда учинит он неправо по делу решение, или причинить кому несправедливость» монарх возложил на сенаторов производство ревизий как ежегодных систематических командировок в регионы страны в целях борьбы со злоупотреблениями должностных лиц¹. Ревизия олицетворяла высшие контрольные полномочия Сената, делегированные одному из сенаторов. А. Д. Градовский отмечал, что «Петр Великий думал сделать из сенаторских ревизий правильное и постоянное средство для надзора за губернскими установлениями»².

В штат ревизора входили «от каждой коллегии по одному человеку». В первую очередь для инспекции следовало использовать тех сенаторов, которые служили в Московской сенатской конторе: «и которые сенатские члены будут жить в Москве, и ездить будут по губерниям и провинциям». Выбор Московской сенатской конторы был неслучайным. Москва с учетом огромной территории Российского государства выступала в качестве центра притяжения, географического центра: «надо было принимать в расчет при тогдашних путях сообщения и большом протяжении областных губернских единиц»³.

В указе особых инструкций для сенаторов не предполагалось, но, по всей вероятности, проверяющие получали от монарха личные напутствия. Судя по всему, сенаторы получали обширные полномочия, потому что в указе был установлен порядок подачи жалоб на проверяющих: «от них кому учинится неправый суд или какое неправо же решение и их инструкции преступление, на тех бить челом и доносить

¹ ПСЗРИ. Собр. 1. Т. № 3931.

² Градовский А. Д. Начала русского государственного права. Спб., 1875. Т. I. С. 157.

³ Бочкарев В. Н. Указ. соч. С. 40–56.

в Сенат, а Сенату тем учинить указ, как о том генеральные указы повелевают, а в партикулярных обидах бить челом и на них искать судом, где надлежит»¹. Таким образом, существовало два способа подачи жалоб на сенаторов в зависимости от того, в какой сфере ими были совершены злоупотребления – публично-правовой или частноправовой. В первом случае жалобы подавалась в Сенат. Во втором случае предполагался «инстанционный» или ординарный судебный порядок.

Первая сенаторская ревизия на основе указа 4 апреля 1722 г. была проведена при Екатерине I в 1726 г. Сенатор А. А. Матвеев ревизовал Московскую губернию. 8 февраля 1726 г. ему было предписано на основании именного указа ехать в Москву «куда... прибыв и разведав, где есть больше в ближних провинциях Московской губернии неисправностей от управителей и от народа жалоб, в те провинции наперед и ехать», и четко был очерчен круг ревизионных дел сенатора². На первый план в указе была поставлена ревизия судебных мест и судопроизводства: «осмотреть за гражданскими управителями, а наипаче в провинциальных судах, что правдою ль людей судят»³. Далее требовалось осуществить контроль налоговой сферы, в частности, как взимается подушная подать, а помимо этого «также земские комиссары и офицеры порядочно ль подушные деньги с крестьян собирают и не чинят ли им каких обид... » и т. д. То есть, проверка охватывала помимо финансовой сферы и военную, так как это подушная подать была введена, в первую очередь, для содержания армии⁴.

Пункт 3 предоставлял сенатору права в отношении чинов административных и военных ведомств: «и ежели что усмотрит в городах и в уездах за управительными и земскими комиссарами противное указам, то следовать и чинить решение, не описываясь, так как указы и правы повелевают; однако ж об офицерах и земских комиссарах чинить решение, снесшись с генералитетом и штабом, которые в тех провинциях

¹ ПСЗРИ. Собр. 1. Т. VII. № 3931.

² ПСЗРИ. Собр. 1. Т. VII. № 4886.

³ Указ тайному действительному советнику и сенатору господину графу Матвееву. Протоколы, журналы и указы Верховного тайного совета 1726–1730 гг. / изд. под ред. и с предисл. Н. Ф. Дубровина. Т. 1–8. Февраль–июнь 1726 г. С. 202–203.

⁴ Савченко Н. А. Институт сенаторских ревизий Российской империи: на примере ревизии Н. А. Зиновьева в 1902–1904 гг. : дис. ... канд. истор. наук. Курск, 2007. С. 30.

определены». Таким образом, в отношении административных лиц ревизор обладал широкой властью суда и надзора, что же касалось военных, то ревизор должен был координировать свои действия с их начальством. В любом случае, пункт 4 предписывал в случае взятия под арест как гражданских, так и военных должностных лиц, «которые явятся ... в важных преступлениях», А. А. Матвеев должен «писать к нам в кабинет прекращено, а по длиннее в Сенат». Пункт 5 устанавливал порядок отчетности сенатора: «прислать о всем обстоятельном рапортом в Сенат, а к нам в кабинет перечневым, ссылаясь на посланные в Сенат». Впоследствии ревизоры будут отправлять краткие отчеты монарху и более объемные в Сенат. Также на основании пункта 5 сенатор имел возможность проявить инициативу: «В прочем, хотя здесь чего и не написано, а усмотрите, что нужно будет нам и государственному интересу, о том во всем разведывать и чинить как честному и верному человеку надлежит». Инструкция 1726 г. не допускала жалоб на действия сенатора в какую-либо судебную инстанцию, включая Сенат. Позднее в инструкцию добавили пункт о том, чтобы сенатор «в поместные дела не вступался, а ежели ему станут о том подавать челобитные, чтоб он, принимая, отсылал оные в вотчинную коллегию, а ежели усмотрит какую важность, то б писал в Сенат и в Кабинет».

Систематизация полицейского законодательства в рамках Свода законов Российской империи

*А. Н. Федин*¹,

*соискатель кафедры истории государства и права
МосУ МВД России имени В.Я. Кикотя*

В конце XVIII в. нормы полицейского права содержались в большом количестве нормативных источниках права. Деятельность Комиссии для составления законов Российской империи, которая должна была заниматься кодификацией существующего и разработкой нового законодательства, не увенчалась успехом. Под руководством Г. А. Розенкампа ни одно из созданных уложений не отличалось полнотой содержания и высоким уровнем юридической техники. Разработанный систематический свод действующих законов Российской империи представлял собой собрание актов гражданского законодательства, а его части не имели теоретической и системной согласованности. Систематизация уголовного законодательства еще только готовилась, а сбор и обработка полицейского законодательства практически не проводились.

При Николае I вопрос систематизации российского законодательства становится приоритетным. Для его решения было создано II отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии. Результатом систематизации законодательства явилось Полное собрание законов Российской империи и Свод законов Российской империи. Полицейские институты, вошедшие в Полное собрание законов, уже в консолидированной форме были представлены в разделах Свода законов, благодаря чему полицейское законодательство было закреплено в системе российского законодательства, структурировано и официально признано. В рамках книги VII «Уставы благочиния» в томах XIII и XIV полицейские узаконения были распределены по направлениям регулирования с сохранением в дальнейшем заданной направленности и закреплением основных направлений правового регулирования в данной сфере.

Том XIII включал в себя Учреждения и Уставы о народном продовольствии, Учреждения и Уставы об общественном призрении, Учреждения и Уставы врачебные по гражданской части. Том XIV содержал Свод уставов о паспортах и беглых, Свод уставов о предупреждении и пресечении преступлений, Свод учреждений и уставов о содержащихся

¹ © Федин А. Н., 2018

под стражей и о ссыльных. Из этого следует две тенденции в развитии полицейского законодательства. Во-первых, это обеспечение общественной и государственной безопасности: контроль за перемещением подданных, контроль за деятельностью общественных объединений, цензура печати, уголовный сыск, предупреждение и пресечение правонарушений, исполнение наказания. Во-вторых, обеспечение «благосостояния», т. е. урегулирование надзора за врачебным, строительным делом, охраной природных ресурсов, общественным призрением престарелых и немощных, просвещением. «Свод Уставов о паспортах и беглых» объединил нормы трех институтов полицейского права: места жительства, паспортов и преследования бродяг, беглых и дезертиров. В Своде содержались положения: о видах паспортов для сословий и населения национальных регионов; паспортном режиме; заграничных паспортах для российских и документах для иностранцев; преследование и поимка «беспаспортных, бродяг, беглых и дезертиров» и их наказания. «Свод Уставов о предупреждении и пресечении преступлений», в котором определялись общие принципы и меры предупреждения преступлений, также содержал детальные предписания полицейским чинам по противодействию различным преступлениям. В «Своде Учреждений и Уставов о содержащихся под стражей и о ссыльных» регламентировалось положение содержащихся под стражей и отбывающих наказание¹.

Согласно «Своду уставов об обеспечении народного продовольствия» вопросы народного продовольствия относились к ведомству Министерства внутренних дел. В свою очередь местный надзор в данной сфере осуществлялся губернаторами и градоначальниками. К деятельности по обеспечению продовольствием населения городов наряду с органами городского общественного управления, привлекались местные полицейские органы. Полиция надзидала за количеством и качеством продовольствия, докладывала об этом в соответствующие органы, в экстраординарных ситуациях принимала неотложные меры по снабжению населения продовольствием. Также полиция контролировала систему мер и весов в торговле и цену на продовольствие.

Согласно Учреждениям и Уставам об общественном призрении Министерство внутренних дел осуществляло следующий комплекс ме-

¹ Шаяхметова Т. Е. Оформление и развитие полицейского законодательства в сфере обеспечения «благосостояния» в Российской империи XIX века // Genesis: исторические исследования. – 2015. – № 2. – С. 152–169.

роприятий: 1) предоставляло приют нуждающимся в сочетании с мерами воспитательного характера¹; 2) обеспечивало общественную безопасность, в первую очередь, борьбу с нищенством и бродяжничеством, предупреждение и пресечение этих общественно вредных социальных явлений как одного из факторов распространения преступности и инфекционных болезней; 3) пыталось претворять в жизнь минимальные меры по предупреждению обнищания населения, тем самым сглаживая социальную напряженность и в то же время защищая интересы господствующих классов².

Приказы общественного призрения, созданные в каждой губернии, с 1803 г. были переданы в ведение Хозяйственного департамента Министерства внутренних дел. МВД контролировало финансовую деятельность приказов, состоящие в их ведении образовательные и богоугодные заведения, устанавливало штаты приказов и подведомственных им учреждений.

В Уставе медицинской полиции содержались общие меры, которые состояли: «1) в охране чистоты воздуха; 2) в охране безвредности жизненных припасов; 3) в ограничении употребления ядовитых веществ; 4) во врачебных пособиях одержимым болезнями обыкновенными; 5) в погребении мертвых тел по правилам, для сего установленным». Надзор за выполнением предписываемых законом требований возлагался на городскую, уездную и сельскую полицию. К особым мерам Устав медицинской полиции относил: предостерегательные меры против развития поварных болезней, которые предусматривали определенные действия обывателей, врачей, содержателей гостиниц, трактиров, постоялых дворов.

Таким образом, систематизации российского законодательства и создание свода законов Российской империи способствовали формированию особой отрасли полицейского права. Благодаря проделанной работе по консолидации полицейских узаконений полицейское законодательство получило систематическое изложение, был устранен ряд противоречий и коллизий. Кроме того, получили правовое закрепление основные направления деятельности полиции.

¹ Здоровые лица, занимавшиеся нищенством, направлялись на принудительные работы.

² Исеев Б. Д. Деятельность полиции России в XVIII–XIX вв. по профилактике преступлений (историко-правовой анализ) : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2004.

Отражение правовой политики Российского государства по противодействию антигосударственной деятельности в административном законодательстве (вторая половина XIX в.)

П. И. Алешин¹,

*соискатель кафедры истории государства и права
МосУ МВД России имени В.Я. Кикотя*

Дореволюционное административное законодательство для противодействия антигосударственной деятельности предусматривало ряд мер, в числе которых находились административная высылка, полицейский надзор и полицейский арест.

С 70-х годов XIX в. административная высылка становится одним из основных средств противодействия антигосударственной деятельности². Правительство полагало, что административная высылка является наилучшей мерой наказания и одновременно средством предупреждения антигосударственной деятельности, поскольку «удерживая преступника на одном месте, она делает возможным надзор за ним, открывает пути к воздействию на наказываемого и может являться переходною ступенью к более совершенному наказанию – ссылке в тесном смысле»³.

В 1871 г. на основании «Правил о порядке действий чинов корпуса жандармов по исследованию преступлений» министр юстиции получил право прекращать производство по государственным делам «с разрешением таковых в административном порядке в том случае, когда оконченное производством дознание не давало достаточных оснований для привлечения лица к уголовной ответственности по судебным установлениям», но и не оправдывало его окончательно⁴. В 1878 г. на основании доклада начальника III Отделения был издан указ, который предусматривал для лиц, подвергнутых ответственности за противоправи-

¹ © Алешин П. И., 2018

² Правовая политика Российского государства в сфере противодействия терроризму в XIX – начале XX в. : монография. Ростов-на-Дону, 2013. С. 118.

³ Фельдштейн Г. Ссылка. Очерки ее генезиса, значения, истории и современного состояния. М., 1893. С. 21.

⁴ ПСЗ. Собр. 2. Т. XLVI. № 49615.

тельственную пропаганду, высылку в административном порядке в распоряжение генерал-губернатора Восточной Сибири¹.

Правовой статус административно-высылаемых определялся ст.ст. 146, 247–269, 513–520 Свода учреждений и уставов о ссыльных. Место жительства определялось наиболее удаленное в целях профилактики побега. Высылаемые причислялись к сельскому или городскому сословию, но имели ряд привилегий, в частности, освобождение от уплаты налогов и повинностей на протяжении нескольких лет².

Важные изменения в процедуру административной высылки внесло Положение «О мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» 14 августа 1881 г.³ Особое совещание при министре внутренних дел с участием двух членов от Министерства юстиции по ходатайству генерал-губернаторов, губернаторов и градоначальников решало вопрос о высылке в административном порядке лиц, «вредных для государственного и общественного спокойствия». Постановление о высылке утверждалось министром внутренних дел. Срок высылки мог составлять до пяти лет.

Второй широко практиковавшейся административной мерой являлся полицейский надзор. Полицейский надзор был урегулирован Правилами о полицейском надзоре 1867 г. и Положением о полицейском надзоре, учреждаемом по распоряжению административных властей от 1882 г.⁴ В этих нормативных актах подробно излагается порядок осуществления надзора в отношении лиц, «неблагонадежных в политическом отношении». В Правилах 1867 г. определялись: понятие полицейского надзора, его сущность и виды, права и обязанности служащих полиции и поднадзорных. Правила трактовали полицейский надзор как превентивную меру, применявшуюся в целях выявления и пресечения возможных посягательств на государственный и общественный порядок.

¹ Цит. по: Гессен В. М. Исключительное положение. Спб., 1908. С. 165.

² Гугасари Е. С. Правовая политика Российского государства в сфере противодействия терроризму в XIX – начале XX в. : монография. Ростов-на-Дону, 2013.

³ ПСЗ. Собр. 3. Т. I. № 350.

⁴ Берг Ф. Ф. Правила о полицейском надзоре. Б. м., 1867; ПСЗ. Собр. 3. Т. II. №. 730.

В Правилах были конкретизированы основания, по которым устанавливался полицейский надзор: по приговору суда; согласно правительственному распоряжению; на основании административного распоряжения местных властей.

Правила устанавливали два вида полицейского надзора: гласный и секретный. Гласный полицейский надзор устанавливался над лицами, чья политическая или нравственная неблагонадежность была выявлена, и власть считала нужным не прибегать к более жестким мерам и ограничиться предупредительными мерами, состоящими в усилении за этими лицами, во-первых, полицейского наблюдения, во-вторых, установить ограничения в свободе их действий и гражданских правах, пользуясь которыми они могли бы оказать «вредное» влияние на окружающих. Гласный надзор также устанавливался в отношении осужденных лиц, и в этом случае надзор составлял продолжение судебного наказания.

Гласный надзор делился на строгий и обыкновенный. Если вид надзора не был установлен, то в губерниях он определялся губернаторами, в городах – полицмейстером. Строгий полицейский надзор осуществлялся в отношении следующих лиц. Во-первых, это лица, определенные военным судом к первой, второй, третьей и четвертой категориям преступников в части исполнения над ними приговоров и по водворении их на определенные места жительства. Во-вторых, сосланные в административном порядке в ссылку в Сибирь и затем помилованные и возвращенные на определенные места жительства. В-третьих, лица дворянского и духовного звания, состоявшие до побега на государственной службе, возвратившиеся на родину и водворенные на определенные места жительства. В-четвертых, лица, в отношении которых уже устанавливался полицейский надзор, но своим поведением и действиями снова заслужили установление за ними надзора.

В отличие от строгого под обыкновенный полицейский надзор отдавались: лица, оставленные военным судом за недостаточностью улик под подозрением; лица, сосланные в административном порядке на определенное место жительства в пределах империи, затем помилованные и водворенные на определенные места жительства; политические выходцы из простого класса, преимущественно крестьяне и рабочие,

возвратившиеся из заграницы и водворенные на определенные места жительства; лица тех же классов, явившиеся из мятежных банд и водворенные на определенные места жительства; лица, имеющие явное нерасположение к правительству и проявляющие политическую неблагонадежность; отданные по решениям гражданских судов под надзор полиции, когда в данных решениях не указывается, что они отдаются под строгий надзор. Согласно параграфу 10 Правил срок обыкновенного надзора составлял два года, строгого – три года.

Установление секретного надзора применялось в отношении лиц, имеющих связи с «вредными и преступными людьми», а также совершающих умышленные действия, направленные на подрыв общественного спокойствия и безопасности. Данный вид надзора заключался в секретном наблюдении полиции за поведением и действиями поднадзорных до тех пор, пока подозрение не исчезнет или не будет опровергнуто фактами. Секретный надзор устанавливался по усмотрению административных властей. При переезде лица полиция его нового места жительства получала сведения от своих коллег и продолжала эстафету надзора.

На основании Правил лица, состоящие под надзором, подвергались следующим ограничениям в свободе действий и правах:

а) за действиями, поведением и местопребыванием поднадзорных полиция устанавливала бдительное наблюдение, чины полиции могли днем и ночью удостоверяться, находятся ли состоящие под надзором дома вплоть до производства обыска;

б) в домах поднадзорных запрещались собрания без разрешения полицейского начальства;

в) лица, состоящие под обыкновенным надзором, обязаны были являться к старшему стражнику своего участка раз в две недели или в уездное управление и управление частных приставов раз в месяц. Каждый раз при явке они собственноручно расписывались в специально заведенных книгах¹;

¹ Канцелярии губернаторов и полицмейстеров в городах вели особые книги по лицам, отданным под надзор с разделением их на состоящих под обыкновенным, строгим и секретным надзором. Такие же книги велись в уездных управлениях и управлениях частных приставов. Чины земской стражи снабжались памятными книжками, в которые они вносили всех лиц своего участка, отданных под надзор.

г) лица, состоящие под надзором, могли отлучаться с места жительства даже в пределах своего уезда только по выданному уездным начальником паспорту. Выезд за границу таким лицам был запрещен;

д) паспорт на отлучку мог быть выдан на сроки для лиц, состоящих под обыкновенным надзором – не более чем на два месяца, под строгим – не более чем на месяц¹;

е) за нарушение паспортных правил лица, состоящие под обыкновенным надзором, подвергались двойным, а под строгим – тройным штрафам по сравнению с установленными паспортными правилами;

ж) лица, состоящие под надзором, лишались права участия в общественных собраниях и права голоса;

з) был наложен запрет на открытие типографии, книжного магазина, трактира, гостиницы и т. п.;

и) налагался запрет на поступление на государственную службу;

к) за каждое нарушение полицейских правил поднадзорные подвергались более строгим административным взысканиям.

По истечении сроков надзора, если лицо не совершало никаких «крамольных» действий, надзор и ограничения в правах прекращались. Каждое полугодие губернатор или полицмейстер в городе представляли своему непосредственному начальству отчет о лицах, состоящих под надзором полиции, и принимаемыми в отношении них мерами воздействия.

Положение о полицейском надзоре, учреждаемом по распоряжению административных властей 1882 г., внесло ряд изменений в институт полицейского надзора. Изменились сроки надзора: он был увеличен до пяти лет. До издания Положения 1882 г. обязанности ссыльных определялись целой серией секретных циркуляров и инструкций, которые не доводились до сведения ссыльных. Теперь же обязанности четко прописывались в Положении и поднадзорные уведомлялись об установленных ограничениях. Если поднадзорный хотел отлучиться, то разрешение на выезд в пределах уезда выдавалось начальником полиции, в пределах губернии – губернатором, в другие губернии – минист-

¹ Паспорта и иные документы, их заменяющие, лицам, состоящим под надзором полиции, выдавались на красной бумаге. У лиц, состоящих под строгим надзором, выдаваемые красные паспорта и иные документы окаймлялись вокруг черной чертой.

ром внутренних дел. Поднадзорному, получившему разрешение на отлучку, выдавалось проходное свидетельство и маршрут. По Правилам 1867 г. такие документы поднадзорному не выдавались. В проходном свидетельстве отмечались имя, отчество, фамилия и особые приметы лица; место отлучки; срок отлучки; было выделено место для отметки о прибытии и убытии. По возвращении на место жительства проходное свидетельство и маршрут незамедлительно возвращались местному полицейскому чиновнику.

Институт полицейского ареста также относился к административным мерам борьбы с антигосударственной деятельностью. В. В. Ивановский указывает, что законодательство не проводило строгого разграничения между различными видами ареста, как, впрочем, не устанавливало ни точно определенных оснований ареста, ни его «срок и продолжительность, ... ни условия, которыми должен быть арест обставлен. ... В русском законодательстве мы находим лишь указания на отдельные случаи, в которых полиция имеет право подвергать аресту в целях предупреждения и пресечения преступлений и других опасностей»¹. Действительно, в отличие от судебно-процессуальных арестов, производство которых регулировалось Уставом уголовного судопроизводства 1864 г., полицейские аресты регулировались преимущественно административными правовыми актами. Производство ареста отвечало на задачи, которые ставились перед полицейскими органами. Так, согласно ст. 34 Положения о корпусе жандармов от 9 сентября 1867 г. столичные дивизионы и конные городские команды использовались при приведении в исполнение правительственных распоряжений и приговоров суда, при преследовании разбойников, разгоне незаконных собраний и шествий, при преследовании и поимке лиц с запрещенными и тайно провозимыми товарами и т. д.² Естественно, большинство этих задач невозможно было реализовать без задержания. Пункт 11 «Инструкции околоточным надзирателям» 1867 г. регулировал производство предупредительного полицейского ареста³. Указ «О праве общей поли-

¹ Ивановский В. В. Учебник административного права (полицейское право, право внутреннего управления). Казань, 1907. С. 156.

² ПСЗ. Собр. 2. Т. XLII. Отд. 2. № 44956.

³ Отдельное издание. Спб., 1867. С. 176.

ции и жандармских чинов посещать все фабрики и заводы во всякое время» 8 августа 1878 г. предоставил чинам общей полиции и отдельного корпуса жандармов право свободно проходить «на все фабрики и заводы во всякое время с тем, чтобы обыски на них или аресты кого-либо производимы в присутствии заведующего фабрикой или заводом»¹. На основании этого указа 1 сентября 1878 г. были приняты «Временные правила об особых мерах к ограждению общественного спокойствия», которые расширили административную юрисдикцию чинов корпуса жандармов, предоставив им, а в их отсутствие полицеймейстерам и уездным исправникам право ареста лиц, подозреваемых в государственных преступлениях, лиц, привлекаемых к ответственности за участие в уличных беспорядках или сходках, имеющих политический характер².

В «Положении о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» 1881 г. содержится прямое указание на институт полицейского ареста³. Согласно Положению начальники полиции, начальники жандармских управлений и их помощники имели право в местностях, объявленных в положении усиленной или чрезвычайной охраны: задерживать на срок до двух недель любое лицо, «внушающее основательное подозрение» в совершении теракта или причастности к нему, а равно в принадлежности к противозаконным обществам; производить в любое время обыски во всех без исключения помещениях, фабриках, заводах и т. п.; налагать арест на любое имущество, указывающее на преступность действий или намерений заподозренного лица. Таким образом, арест мог производиться лишь на основании подозрений. Кроме того, Положение позволяло военным властям в военное время подвергать в административном порядке лиц заключению в тюрьме или крепости на три месяца или аресту на тот же срок, или денежному штрафу до 3 тыс. руб. как за нарушение обязательных постановлений, так и за проступки, об изъятии коих из ведомства судов будет заранее объявлено.

¹ ПСЗ. Собр. 2. Т. LIII. Отд. 2. № 58777.

² Гугасари Е. С. Указ. соч. С. 137.

³ ПСЗ. Собр. 3. Т. I. № 350.

На основании статья 10 «Инструкции состоящему в Управлении Санкт-Петербургского Градоначальника отделению по охранению общественной безопасности и порядка в столице» 23 мая 1887 г.¹ «все постановления об арестах, обысках, выемках и осмотрах, а равно все распоряжения начальника отделения даются от имени С.-Петербургского Градоначальника». То есть, постановления на аресты давались по представлению Градоначальника, хотя Устав уголовного судопроизводства однозначно предписывал вынесение их судебными следователями (ст.ст. 415, 416). С аналогичной ситуацией сталкиваемся и в «Инструкции полицейским надзирателям при отделении по охранению общественной безопасности и порядка в Москве» 10 марта 1897 г.²

Таким образом, российское дореволюционное административное законодательство предусматривало ряд мер, направленных на профилактику, предупреждение и пресечение деяний антигосударственной направленности.

¹ История полиции России. Краткий очерк и основные документы / под ред. В. М. Курицына. М., 1998. С. 142–144.

² Инструкция полицейским надзирателям при отделении по охранению общественной безопасности и порядка в Москве. М., 1897.

Российская мировая судебная система в период Великой российской революции

Ю. А. Иванченко¹,

*старший преподаватель кафедры
истории государства и права
МосУ МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук*

1889 г. – год, когда мировые суды были упразднены. Нормативно упразднение мировых судов было осуществлено на основании Положения о земских начальниках от 12 июля 1889 г. Именно земские начальники стали заменой мировых судей, объединив в числе своих полномочий административные и судебные функции. Кроме того, часть функций мировых судей была передана городским судьям и уездным членам окружного суда.

С 1889 г. местные судебные институты руководствовались разными процессуальными нормами: волостной суд – Временным положением от 12 июля 1889 г., земские начальники – Правилами от 29 декабря 1889 г. Органическим недостатком закона 12 июля 1889 г. было то, что в зависимости от случайных обстоятельств человек мог попасть или в юрисдикцию земского начальника (городского судьи), или волостного суда. Это приводило к тому, что наказание в итоге зависело не от свойства проступка, а от воли частного лица, заинтересованного в деле, притом обвинителя². Закон 12 июля 1889 г. открыл «новую дворянскую эру»³.

Реформа местной юстиции 1889 г. стала важным шагом в реализации долговременной политики по бюрократизации правосудия в стране. Общей тенденцией являлось то, что местный суд превратился в орудие власти, из судей сделали чиновников. Эта реформа нанесла тяжелый урон основополагающим принципам Судебных уставов 1864 г.: соединение судебной и административной власти и, как следствие, утрата независимости новыми судебными институтами, возвращение сословности, замена выборного порядка назначением, уничтожение несменяемости. В судебной деятельности земских начальников слишком велико

¹ © Иванченко Ю. А., 2018

² Шутило О. В. Особенности организации мировой юстиции Российской империи второй половины XIX – начала XX века // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2016. – № 2(109). – С. 104–109.

³ Хутько Т. В. Основные этапы становления и развития института мировых судей // Инновационная наука. – 2015. – № 12–3. – С. 172–175.

было их личное усмотрение, они были обособлены от судебных органов, проникнуты своеобразными взглядами на задачи судебной деятельности и особыми профессиональными традициями. Едва ли не самым тяжелым последствием реформы 1889 г. следует признать усилившуюся пестроту местного судопроизводства. Современники отмечали, что едва ли не в каждом участке свои судебные порядки¹.

Важную роль в восстановлении мировой юстиции сыграло экономическое и политическое усиление буржуазии, которая стремилась освободиться из-под власти помещичье-дворянской бюрократии и получить новые рычаги политического влияния. В этом смысле вопрос об организации местного суда стал предметом политического торга между правительством и либеральной буржуазией. В 1912 г. был принят Закон о местной юстиции, положениями которого система мировой юстиции должна была быть восстановлена.

28 февраля 1917 г. подверглись полному разгрому камеры мировых судов. Приказом министра юстиции от 3 марта 1917 г. № 2 «Об образовании временных судов в Петрограде»² в городе всем мировым судьям было предложено немедленно принять участие в образовании временных судов, которые должны были состоять из трех членов – мирового судьи (обязанности мировых судей временно возложили также на членов Петроградского окружного суда) и по одному представителю от армии и рабочих. Границы мировых участков сохранялись. Вопросы должны были разрешаться большинством голосов. Члены суда пользовались равными правами.

Согласно Инструкции для временных судов, утвержденной товарищем министра юстиции 22 марта 1917 г., к ведению временных судов относились преступные деяния, направленные против личной и имущественной безопасности граждан, против общественного порядка и спокойствия, в том числе и посягательства против нового порядка, если они совершены не ранее 27 февраля 1917 г. частным лицом, в том числе воинскими чинами вне службы. В Инструкции содержался перечень наказаний, налагаемых временными судами: 1) выговор, замечание, внушение, денежное взыскание не свыше 10 тыс. руб.; 2) арест на срок не

¹ Овчинников В. А. Мировая юстиция России: вчера и сегодня // Управленческое консультирование. – 2012. – № 2(47). – С. 11–14.

² Приказ министра юстиции от 3 марта 1917 г. № 2 «Об образовании временных судов в Петрограде» // Собр. узаконений и распоряжений Правительства. – 1917. – № 58, ст. 354.

свыше трех месяцев; 3) тюремное заключение не свыше полутора лет. При необходимости применения более строгого наказания дело направлялось «надлежащей судебной власти», под которой, скорее всего, понимался комендант от Временного правительства.

Временные суды подлежали ликвидации на основании Постановления Временного правительства от 4 мая 1917 г. «О временном устройстве местного суда»¹. Согласно этому Постановлению организовывались местные суды в двух составах: единоличный и коллегиальный. Единоличный состав включал мирового судью. Коллегия состояла из участкового или добавочного мирового судьи и двух членов мирового суда. Члены мирового суда и кандидаты (по два человека) в сельской местности избирались земскими волостными собраниями, а в городской – городскими думами. Список избранных в члены мирового суда лиц утверждался мировым съездом. Однако в связи с тем, что процесс формирования земских волостных собраний оказался в условиях продолжающейся войны и революции достаточно трудным и длительным, а именно на этих собраниях должны были избираться члены мирового суда и кандидаты, мировые судьи прежнего состава продолжали осуществлять свои полномочия единолично. Анализ норм Постановления позволяет прийти к выводу о создании института местных судов, который базировался на принципах (подсудность, выборность, частичная коллегиальность и т. п.), положенных в основу института мировых судей. При этом нужно отметить, что решение об упразднении временных судов было принято Временным правительством задолго до конца «двоевластия».

Со стороны формально-юридический подход самых первых советских декретов о суде аналогичен подходу Временного правительства – имеет место тенденция развития местного суда, имеющего черты, присущие институту мировых судей. Так, в соответствии с Декретом СНК от 24 ноября 1917 г. «О суде»² вместо упраздненных судебных учреждений образовывались местные суды, к компетенции которых относилось решение всех гражданских дел ценою до 3 тыс. руб. и уголовных дел, если

¹ Постановление Временного правительства от 4 мая 1917 г. «О временном устройстве местного суда» // Собр. узаконений и распоряжений Правительства. – 1917. – № 104, ст. 577.

² Декрет СНК от 24 ноября 1917 г. «О суде» // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. – 1917. – № 4, ст. 50.

обвиняемому угрожает наказание не свыше двух лет лишения свободы и если гражданский иск не превышает 3 тыс. руб. Приговоры и решения местных судов были окончательными и обжалованию в апелляционном порядке не подлежали. По делам, по коим присуждено денежное взыскание свыше 100 руб. или лишение свободы свыше семи дней, допускалась просьба о кассации. Кассационной инстанцией является уездный, а в столицах – столичный съезд местных судей.

Важно отметить, что, хотя по Декрету о суде № 1 институт мировых судей не упразднялся, его деятельность приостанавливалась, мировые судьи постепенно заменялись местными судами в составе постоянного судьи и двух очередных заседателей. Причем прежние мировые судьи не лишались права избираться в местные суды.

Необходимо обратить внимание на следующие важнейшие черты создаваемых советских судов. Во-первых, тем самым создавался «единый народный суд». Во-вторых, такие суды наиболее подходили под задачи революционного преобразования судебной системы. В-третьих, исследователи отмечали, что суды, образованные местными советами, оказались в их полной зависимости. Местные советы вмешивались в деятельность судов, диктовали им, как нужно принимать решения по конкретным делам, пытались рассматривать жалобы на приговоры и решения местных судов¹. Эти характерные черты нового суда находились в русле другой, более широкой тенденции, проявившейся после Октябрьской революции, – об установлении полномочия Советов на местах.

Из этого следует, что уже в декабре 1917 г. – январе 1918 г. с практической реализацией Декрета о суде № 1, усилением позиций Советского правительства, выразившимся в разгоне Учредительного собрания, и в провозглашении Советского государства государством диктатуры пролетариата завершился этап развития мировой юстиции в России.

Таким образом, после Февральской, а тем более Октябрьской революций был взят курс на вытеснение мирового суда иными судебными органами, более отвечающими политическим задачам тех сил, которые пришли к власти. И хотя эти суды имели некоторое сходство с мировыми судами, введенными в России Судебными уставами 1864 г., но по своим задачам, важнейшим атрибутам и, главное, тенденциям развития являлись совершенно иными учреждениями.

¹ Абрамовский А. А., Юнусов А. М. Окружные суды Южного Урала 1864–1918 гг. М., 2013. С. 183.

Полицейское обмундирование: уроки истории

Д. А. Саенко¹,

курсант 106 учебного взвода

Института судебной экспертизы

МосУ МВД России имени В.Я. Кикотя

Известно, что возможность облачаться в форменное обмундирование существует не только у сотрудников полиции, но и обычных граждан. Последние, как говорится, в праве законно приобрести ее в любом специализированном магазине, без предоставления удостоверения или какой-либо другой идентификации личности. А ведь именно форма изначально создает впечатление о человеке как о сотруднике полиции. Пренебрежение этим качеством чревато негативными последствиями.

Подтверждением вышеприведенных слов могут послужить многочисленные примеры из истории охранительных служб нашего государства. В частности, известны случаи, когда преступники представлялись сотрудниками полиции (милиции) для обмана граждан и совершения правонарушений. Так, даже при, безусловно, серьезном отношении к обмундированию полицейских в Российской империи некоторым злоумышленникам удавалось выдать себя за представителей охранительной службы уже тогда. Для этого наиболее ушлые мошенники зачастую стремились нащупать слабые места в российской охранительной системе.

Так, в 1885 г. киевлянин Мошка Лещ обратился к солдатской жене Непомнящей, «представившись находящимся на задании полицейским сыщиком, отвел ее в сторонку и, по-шпионски перейдя на полусшепот, потребовал в интересах раскрытия расследуемого им сейчас преступления дать ему во временное пользование всю имеющуюся денежную наличность и ценные вещи. Возврат реквизируемого он клятвенно от имени городской полиции обещал вернуть в течение суток»².

¹ © Саенко Д. А., 2018

² Ржевцев Ю. П. О «сыщике» Мошке и прочих мошенниках / URL: <http://voenspez.ru/index.php?topic=15584.0> (дата обращения: 22.05.2018).

Разумеется, после обращения разгневанной Непомнящей в участок полиция разыскала псевдо-сыщика и привлекла его к ответственности. Известно, что к переодеванию подельников в полицейских прибегал и знаменитый бессарабский налетчик Г. И. Котовский¹. Впрочем, упоминания об использовании полицейского обмундирования злоумышленниками до 1917 г. довольно редки и приведенные случаи можно признать, скорее, исключением, нежели примером распространенной практики.

Ситуация резко обострилась после Февральской революции 1917 года. Прежде всего, ухудшение оказалось предопределенным изменением официального отношения к обмундированию стражей порядка. В соответствии с постулатами либеральной доктрины Временное правительство негативно относилось к традиционной полицейской форме одежды, решительно и беспощадно упраздненной вместе с самой полицией. В то же время «с самого начала организации милиции остро встала проблема выделения милиционеров своими внешними признаками от других вооруженных людей. Милиционер, несущий наружную службу, должен быть виден гражданами... легко узнаваем. Поэтому в качестве наружного отличия милиционеров в Петрограде вводится белая нарукавная повязка с красными буквами «Г.М.» (городская милиция) и номером, соответствующим имеющемуся у каждого милиционера удостоверению с печатью милиции»².

В 1917 г. в России разрабатывались проекты новой формы обмундирования милиции, но в реальности ее основным внешним атрибутом оставалась нарукавная повязка с соответствующей аббревиатурой. Разумеется, данное «отличие» было не сложно раздобыть либо изготовить, что упрощало возможности для совершения соответствующего вида преступлений. Как констатировал весной 1917 г. видный юрист М. Н. Гернет: «Скажем открыто: самоуправство проникает всюду. ...

¹ Смыслов О. С. Котовский. Робин Гуд революции. М., 2013. С. 103.

² Милиция Временного правительства. (Организация и форма одежды). URL: <http://www.vedomstva-uniforma.ru/svu.html> (дата обращения: 22.05.2018).

Производят незаконные обыски и аресты и не всегда можно различать кто это делает: уголовный ли преступник и мошенник, или люди, незаконно присвоившие себе власть»¹.

Впрочем, есть основания предположить, что при Временном правительстве проблема незаконного «присвоения» и использования статуса милиционера все же не приобрела возможного в тех условиях масштаба. Этого не произошло в силу довольно специфических факторов в результате того, что в складывающейся ситуации злоумышленники не видели мотивов выдавать себя за стражей порядка. По установившейся в революционной России практике вступить в народную милицию было значительно проще, нежели что-либо подделывать. Случаи, когда уголовники беспрепятственно устраивались в милицию, тогда были довольно распространены.

Кроме того, в результате просчетов Временного правительства народная милиция так и не приобрела ни серьезных полномочий, ни достаточного авторитета для того, чтобы криминал стремился ими воспользоваться. «Действия Временного правительства по созданию новой, народной милиции... усугубили впечатление неспособности демократической власти результативно противостоять криминалу. Вид поступивших в милицию гимназистов и студентов вызывал у современников, скорее, чувство беспокойства, нежели защищенности. Густо проникшие в милицейские ряды уголовники наводили на обывателей ужас, ибо они продолжали свой преступный промысел, но теперь уже под эгидой оформляющейся государственности»².

Существенное ухудшение положения дел последовало после Октябрьской революции. В значительной степени это произошло потому, что первоначально большевики отрицали целесообразность особой формы для своих вооруженных структур (в том числе и предшествующих милиции отрядов). Как правило, основой формы рабочей милиции

¹ Гернетъ М. Н. Революция, рост преступности и смертная казнь. М., 1917. С. 27.

² Абдрахманов А. И. Трагедия полиции в феврале 1917 г. Ч. 1. Стихия народного гнева или умысел «демократической» власти? // Служу Закону. – 2018. – № 2 (54).

признавалась армейское обмундирование общевойскового образца. Чрезвычайно упростились соответствующие документы: в первые месяцы становления Советской власти различные постановления, мандаты и ордера, как правило, оформлялись в свободной форме, нередко от руки. При таких обстоятельствах страну буквально захлестнул шквал преступлений, совершаемых в форме и якобы от имени государства. По данным публициста М. Кубеева, в 1918 г. по всей стране стали появляться «разного рода фальшивые документы, предъявители которых выдавали себя за сотрудников ВЧК, милиции, просто военных с фронта». Данные о появлении лжемилиционеров, лжечекистов поступали из многих российских регионов¹. Яркую картину распространения преступлений, совершаемых посредством выдачи злоумышленников за представителей закона, дают работы по становлению Советской власти на Украине².

Одной из наиболее «кроважидных» в означенном ряду можно считать банду Василия Котова, орудовавшую в Центральной России в 1918–1922 гг. Василий был не только жестоким, но и изощренным лидером преступной группы. Как показали уцелевшие свидетели, эта банда часто представлялась своим жертвам милиционерами, что позволяло бандитам захватывать контроль над ситуацией. Данной уловке способствовало и то, что до середины 20-х годов у милиции фактически не существовало особой отличающей именно эту службу форменной одежды.

Впрочем, случались и положительные исключения. Так, при задержании милиционерами одного из подельников Котова «он был ошарашен внезапным появлением одетых в форму представителей вла-

¹ Далидович Ю. Вечная память первым героям! // Петровка, 38. № 15 (9371) 24.04.2013; Кубеев М. Н. Налетчики. М., 2000; Становление Челябинской милиции. История Южного Урала / URL: <http://raritet-chel.ucoz.ru> (дата обращения: 22.05.2018); Непримири-мость: Страницы истории Ленинградского уголовного розыска. Л., 1988. С. 88.

² Дукельский С. ЧК на Украине. Chalidze Publications and Canadian Institute of Ukrainian Studies. 1989. С. 28–29; Корнилов В. В. Донецко-Криворожская республика. Харьков, 2011. С. 296–298.

сти»¹. То есть, в некоторых случаях руководство находило возможности обмундировать милиционеров и это производило соответствующий эффект. К сожалению, в случае с бандой Котова отсутствие у злоумышленников специального обмундирования не вызвало у жертв выраженного недоверия. Как уже упоминалось выше, в годы гражданской войны достаточно было облачиться в солдатскую гимнастерку, чтобы выглядеть «сотрудником милиции». Такая «простота» нередко приводила к роковым последствиям.

К сожалению, и в наше время не редки случаи обмана граждан, когда преступник представляется сотрудником полиции. Для противодействия данной разновидности преступлений имеет смысл принять дополнительные меры по повышению правовой грамотности и гражданской ответственности граждан. В частности, этому должны способствовать разработка исторического опыта, популяризация образа полицейского в глазах общественности.

В завершение подчеркнем, что служебная форма обозначает социально-правовой статус сотрудника, являясь важной составляющей его восприятия окружающими. Безусловно, к настоящему моменту сложилась и определенная историческая традиция в разработке формы одежды для органов противодействия преступности. Изучение и популяризация данной традиции – значимая исследовательская и воспитательная задача для современных органов внутренних дел.

¹ Кубеев М. Н. Налетчики. М., 2000.

О содержании и выражении социально-политических идей народного комиссара внутренних дел Г. И. Петровского

А. И. Абдрахманов¹,

доцент кафедры истории государства и права

МосУ МВД России имени В.Я. Кикотя,

кандидат юридических наук, доцент

Значение темы общественно-политических представлений руководителей народного комиссариата внутренних дел Советской России определяется несколькими факторами. Прежде всего, это значение выразилось в том влиянии, которое эти взгляды приобретали для формирования зарождающейся советской государственности. Масштаб такого влияния в значительной степени определялся изначальной неопределенностью, умозрительностью, большевистских критериев создаваемой ими социально-политической системы. Как отмечается в литературе: «... на момент победы революции в большевистском руководстве отсутствовала сколько-нибудь разработанная и общепринятая концепция организации государственной власти на местах. Выработанные же к тому моменту положения теоретического плана имели довольно общий характер и характеризовались изрядной степенью революционного романтизма. В значительной степени сформулированные идеологами большевизма к осени 1917 г. теоретические положения напоминали, скорее, наивные мечтания о грядущем «золотом веке», нежели сколько-нибудь приближенную к реальности основу для практических действий по созданию жизнеспособной социально-политической системы»².

При столь слабой прагматической составляющей, минимуме необходимой для организации жизни конкретики оформляющиеся к 1918 г. революционные постулаты, если и могли определить принципы и формы становления новой социально-политической системы, то только в самых общих, не определенных положениях. В то же время сама жизнь требовала от управленцев Страны Советов продуманных, конкретных решений, сформулированных в ясные и четкие рекомендации

¹ © Абдрахманов А. И., 2018

² Абдрахманов А. И. Возникновение и организация отдела местного управления НКВД РСФСР в начале становления Советской власти (октябрь–декабрь 1917 г.) // История государства и права. – 2010. – № 17. – С. 33–36.

и распоряжения. В значительной части подготовка, разработка определяющих постановлений, их обнародование, доведение до представителей на местах ложилось именно на руководство Народного комиссариата внутренних дел (далее – НКВД).

Будучи непосредственно ответственными за организацию органов новой власти – Советов, руководители данного народного комиссариата в значительной части самостоятельно формулировали требуемые принципы складывающейся социально-политической системы. В этих формулировках и выражались их собственные представления о характере политической власти, ее назначении, устройстве и элементах. До сегодняшнего дня означенные представления в качестве самостоятельного предмета исследования не рассматривались.

Безусловно, все представители руководства НКВД являлись марксистами, как правило, разделяя ленинские взгляды и оценки. И, тем не менее, в ситуации развития революции эти деятели имели существенную степень самостоятельности в выражении собственного понимания различных социально-политических явлений. В некоторых же случаях руководители НКВД выражали свое несогласие с позицией главы Советского государства. Показательно, что к 1918 г. одно из таких расхождений возникло по вопросу об основах организации советской милиции.

Говоря о представителях НКВД, подчеркнем, что в нашей статье речь идет о руководителях высшего звена – народном комиссаре и его заместителях, заведующих важнейшими подразделениями комиссариата (Г. И. Петровском, М. И. Лацисе, В. А. Тихомирнове, М. Ф. Владимирском). Следует заметить, что при всей весомости содержание взглядов этих деятелей довольно скудно представлено в научных публикациях. Материалы их выступлений, тексты документов, публикации далеко не всегда получали широкое распространение при жизни и, к сожалению, довольно редко переиздавались впоследствии. В этой связи есть основания более подробно остановиться на взглядах одного из названных деятелей, а именно: Г. И. Петровского.

Переходя к раскрытию социально-политических представлений Г. И. Петровского, отметим, что они получили свое выражение как в дореволюционный, так и в советский период. До революции Г. И. Петровский являлся депутатом Государственной Думы от РСДРП(б), осуществлял издательскую, публицистическую деятельность. Так, извест-

ны его речи, в которых Григорий Иванович выражал позицию своей партии. Например, опубликовано выступление Г. И. Петровского 20 мая 1913 г. при обсуждении проекта бюджета Министерства внутренних дел¹. Разумеется, его речь представляла собой резкую критику национальной политики самодержавия и соответствующей практики Министерства внутренних дел. В частности, Григорий Иванович осуждал «особый статус» великороссов, заявив, что «в России великороссов всего сорок три процента, это значит менее половины населения, а между тем весь остальной народ признан инородцами»².

Подверглись критике и общая деятельность Министерства внутренних дел, налоговые мероприятия, недостаточность мер по распространению народной грамотности³. В целом содержание цитируемой речи выражает типичную социал-демократическую позицию. В традициях всего оппозиционного лагеря особую едкую критику со стороны Г. И. Петровского вызывала деятельность именно Министерства внутренних дел как главного «... выразителя официальной национальной политики»⁴. Выступающий подчеркивал, что линия этого ведомства является «органической частью дворянско-помещичьего режима 3 июня»⁵. Упомянем некоторые характерные выражения из депутатской речи: «Вот какие великолепные (в данном случае – сарказм со стороны выступающего – А. А.) результаты имеем по разгрому культуры и в деле поддержки дикости со стороны того варварства, которое называется Министерством внутренних дел»⁶. И далее: «Разжигание национальной вражды – вот девиз нашего Министерства внутренних дел; разрознить и властвовать; разделение в национальном вопросе всех партий ... самая главная задача»⁷. Как видим, революционный депутат Г. И. Петровский проявил себя ярким и темпераментным критиком как самого Министерства внутренних дел, так и его конкретных мероприятий.

Разумеется, соответствующие представления Г. И. Петровского получили выражение и после 1917 г. Как можно понять, с изменением

¹ Бега Ф. Ф., Александров В. Г. Петровский. М., 1963. С. 153.

² Там же. С. 154.

³ Там же. С. 154.

⁴ Там же. С. 152.

⁵ Там же. С. 157.

⁶ Там же. С. 156.

⁷ Там же. С. 156.

статуса Григория Ивановича, возглавившего именно НКВД, изменилась и форма выражения его представлений. Теперь они зачастую воплощались во властных распоряжениях, официальных выступлениях. Так, особо содержателен доклад Г. И. Петровского перед делегатами I съезда председателей губернских совдепов и заведующих отделами управления губернских исполкомов (1918 г.).

Изначально бросается в глаза практическое отсутствие в докладе высокопоставленного представителя пролетарской власти традиционной для того времени революционной патетики, лозунгов и деклараций в духе «самодержавия народа». Для полноты картины того, насколько содержание выступления Г. И. Петровского контрастировало с социал-демократической позицией, напомним некоторые составляющие последней. Социал-демократы настойчиво отрицали существующие формы и атрибуты государства, как реакционные. В противовес им предлагались принципы «самодержавия» народа, по которым «... все будут управлять по очереди и быстро привыкнут к тому, чтобы никто не управлял»¹.

В этом отношении выступление народного комиссара Г. Петровского выглядит, как недвусмысленное отрицание традиционных социал-демократических постулатов. Так, выступающий определенно не приветствует «инициатив снизу», исходя из принципа иерархии и дисциплины советских учреждений. Само выступление он начинает с подчеркивания общеобязательности выполнения нижестоящими учреждениями (областными, губернскими и пр. советами) решений вышестоящих органов (ВЦИК, СНК и др.). В числе таковых нарком прежде всего упоминает недавний всероссийский съезд Советов: «Советская Россия должна приложить все силы для осуществления всех целей, которые поставил себе V съезд Советов»².

Одной из программных позиций партии большевиков было поощрение исходящих «снизу» народных инициатив прежде всего в политической сфере. Предполагалось, что через таковые инициативы выражался организационный потенциал трудящихся масс. Кроме того, в ходе народных инициатив должно было происходить соответствующее вос-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 33. С. 116.

² Вестник Народного Комиссариата Внутренних Дел. № 21–22. 26 сентября 1918 г. С. 15.

питание «рабочих и крестьян», проходящих необходимую для создания «бесклассового общества» школу управления. В докладе Г. И. Петровского последствия таковой инициативности оцениваются довольно негативно: «У нас до сих пор существуют на местах самые разнообразные формы организации власти. Такое положение приводило к тому, что работа органов местных Советов не была согласована с работой центра, что создавало полную путаницу на местах и в самом центре»¹.

Конкретизируя отмеченное состояние на ряде примеров, Г. И. Петровский подчеркивает, что «единство Советской власти может быть при единственном условии гармонического сочетания деятельности отдельных советских организаций с общей деятельностью и задачами Советской Республики»². Фактически, здесь речь идет об изменении отношения к революционной, народной самодеятельности. Нарком четко дает понять, что местные инициативы возможны только в рамках критериев и установок центральной советской власти. Для Страны Советов 1918 г. многими современниками это воспринималось, как серьезное покушение на главную идею революции – приоритет воли трудящихся, раскрепощение инициативы эксплуатируемых масс.

К числу значимых идеологических постулатов ленинской партии принадлежала идея «всеобщего вооружения народа». К лету 1918 г. значение этой идеи несколько сузилось, сохраняясь для организации службы охраны общественного порядка, рабоче-крестьянской милиции. Немаловажно, что обязательность «всеобщего вооружения народа» в этой сфере продолжал отстаивать В. И. Ленин.

Нарком же не остановился перед «непогрешимостью» и этого постулата, заявив: «Необходимо строго учитывать состав милиции или рабочих, которым раздается оружие... Часто бесконтрольная раздача оружия ведет к нежелательным явлениям»³. Фактически, в приведенной констатации Г. И. Петровский опровергает сущность разбираемой ленинской идеи. По сути, он недвусмысленно заявляет, что просто раздавать оружие трудящимся, передавать его от «рабочего к рабочему» – неправильно. Из приведенной констатации мог следовать только один вывод – эксперименты с самоорганизацией вооруженных трудящихся

¹ Вестник Народного Комиссариата Внутренних Дел...

² Там же.

³ Там же.

пора заканчивать. Заметим, что этот посыл услышали как делегаты съезда, так и высшее руководство станы. В августе 1918 г. в РСФСР начинается свертывание «самочинных» революционных отрядов, заменяемых штатной, единообразно организованной, централизованной рабоче-крестьянской милицией.

Отметим, что заметно изменение не только содержательной части выступления, но и его стилистики. Если первоначальные мероприятия большевиков происходили в форме митинга, собрания, съезда, что определяло соответствующую форму обращения выступающих к аудитории. Разбираемый же доклад выдержан в строгом стиле обращения руководителя к подчиненным. Г. И. Петровский знакомит подчиненных (представителей местных отделов наркомата – отделов управления) с официальной оценкой текущей ситуации, на основе которой озвучивает вполне определенные установки и распоряжения.

Как видим, руководитель НКВД Г. И. Петровский представлял собственные взгляды, которые выражал в ходе своей политической и руководящей деятельности. Безусловно, основу мировоззрения Григория Ивановича составляла марксистская концепция. Однако даже среди «правоверных» ленинцев существовало собственное понимание того, как надо претворять в жизнь замыслы и идеи лидера большевистской партии. Не был исключением и Г. И. Петровский, соответствующие представления которого заслуживают серьезного исследовательского внимания.

О переходе к организации штатной рабоче-крестьянской милиции в 1917 г. – первой половине 1918 г.

А. И. Абдрахманов¹,

доцент кафедры истории государства и права

МосУ МВД России имени В.Я. Кикотя,

кандидат юридических наук, доцент;

М. Ю. Бряков²,

курсант 3 курса ФПСОПП

МосУ МВД России имени В.Я. Кикотя

Создание советской милиции проходило в весьма сложных, драматических условиях. Здесь сказывались определяющие данный процесс концептуальные положения, ленинские принципы организации охраны общественного порядка. Как известно, на протяжении первых послереволюционных месяцев большевистское руководство страны исповедовало идеи «отмирания преступности при социализме» и охраны общественного порядка путем «всеобщего вооружения народа». Данные идеологические постулаты не предполагали четкого нормативного определения организационных форм милиции. Однако жизнь очень скоро показала утопичность прогнозов, на которых основывалось утверждение о всеобщем вооружении народа, как оптимальной форме послереволюционного общественного устройства.

В первую очередь, не оправдались утверждения об отмирании преступности, что должно было исключить необходимость создания постоянных органов охраны общественного порядка. Здесь характерна оценка ситуации ленинским водителем С. К. Гилем, высказанная в связи с произошедшим в первые же месяцы Советской власти угоном автомобиля главы Советского государства: «Охрана города была не налажена, врагов и просто жуликов было множество. В те дни практиковался простой способ угона машин: украденный автомобиль переправлялся в Финляндию, а там без труда продавался»³.

Кроме того, создаваемые на местах самодеятельные вооруженные формирования трудящихся показали себя как совершенно не эффективная форма организации вооруженной силы, причем по всем направле-

¹ © Абдрахманов А. И., 2018

² © Бряков М. Ю., 2018

³ Гиль С. К. Шесть лет с Лениным. М., 1957. С. 12.

ниям их деятельности (армия, охрана общественного порядка, борьба с контрреволюцией). Мало того, данные отряды нередко сами превращались в деструктивную силу, совершали действия, идущие в разрез с интересами революции (самоуправство, произвол, злоупотребления и пр.)¹. Отмеченную реалию вынужден был упомянуть и сам лидер пролетарской революции, в июне 1918 г. заявивший: «Мы вооружаем рабочих и крестьян, которые должны учиться военному делу. Есть отряды, которые поддаются соблазну и порокам, и преступлениям... И мы наблюдаем поэтому, сплошь да рядом, те явления, что отряды сознательных работников, которые выходят из Питера и Москвы, часто на местах сбиваются, превращаются в преступников»². Говоря о состоянии дисциплины именно в подразделениях НКВД, можно отметить, что вышеупомянутый угон ленинского автомобиля осуществили сотрудники Петроградской пожарной части, т. е. представители одной из служб данного наркомата.

Сложившаяся ситуация была губельна для интересов революции и не приемлема для «архитекторов» Советского государства. Задача преодоления обозначаемых негативных тенденций требовала от центральных советских учреждений соответствующих решений и мероприятий. В первую очередь ответственность за положение дел на местах, в том числе за охрану общественного порядка, ложилась на НКВД. Кроме того, представители данного наркомата принадлежали к числу наиболее осведомленных о степени серьезности угрожающих тенденций на местах должностных лиц. В силу вышеотмеченных обстоятельств в марте 1918 г. именно представители НКВД подняли вопрос об учреждении штатной или, как тогда говорили, постоянной милиции. Значение постановления данного вопроса повышалось тем, что она фактически означала признание невозможности реализовать в сложившейся ситуации идею всеобщего вооружения народа, которая помимо всего прочего оставалась частью политической программы партии большевиков. Хуже того, неизбежным последствием данной констатации должно было стать решение о фактическом возврате к традицион-

¹ Абдрахманов А. И. Состояние кадров местных органов НКВД РСФСР в 1917–1919 гг. // Право, общество, государство: проблемы теории и истории : сборник научных трудов межвузовской конференции. М., 2017. С. 8.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 447–448.

ным, дореволюционным принципам организации службы охраны общественного порядка и противодействия преступности.

Тем не менее, невзирая на очевидную обусловленность вышеприведенного умозаключения, решение об отказе от немедленной реализации всеобщего вооружения народа продвигалось довольно трудно. Так, несмотря на стремительно ухудшающуюся ситуацию (угрожающую дезорганизацию возникающей власти, обострение общей конфликтности, рост преступности), к лету 1918 г. какие-либо положения официального характера на этот счет все еще отсутствовали. В столь неопределенной ситуации, весной 1918 г. в НКВД начинается подготовка нормативного акта по организации милиции как постоянно действующего органа. Характерно, что данная работа проводилась, невзирая на явную непопулярность подготавливаемой меры в большевистской среде. Тем не менее, как следует из материалов НКВД, разработка проекта документа велась отделом местного управления¹, т. е., ведущим подразделением наркомата. В июне 1918 г. проект Положения о народной рабоче-крестьянской охране (советской милиции) был представлен на рассмотрение руководства НКВД.

Как известно, Совет Народных Комиссаров рассматриваемый проект Положения не утвердил, отправив его на дальнейшую доработку. Разумеется, данный отказ имел под собой определенные претензии. В качестве наиболее вероятных можно предположить две. Во-первых, проект действительно нуждался в серьезной доработке. Так, в нем отсутствовали упоминания о целом ряде принципиальных вопросов по организации милиции (порядок вооружения создаваемой службы, разделения компетенции по направлениям ее деятельности и т. п.). Кроме того, разработчики проекта не решились даже утвердить какое-либо единое наименование создаваемой службы – в различных частях проекта она называется и охраной, и милицией, и красной гвардией. То есть, проект действительно нуждался как минимум в более серьезной проработке.

Во-вторых, есть основания предположить, что не менее весомой причиной отклонения представленного проекта стал аргумент концептуального характера. В данном качестве можно назвать неготовность

¹ ГАРФ Ф. 393 Оп. 1. Д. 6 Б. Л. 122.

руководства страны к столь выраженному переходу к организации постоянной, штатной милиции. Так, в марте 1918 г. в «Десяти тезисах о советской власти» В. И. Ленин продолжал наставлять на создании «вооруженной силы рабочих и крестьян, наименее оторванной от народа». Он отмечает, что «организованность всенародного вооружения» является «один из первых шагов к полному осуществлению вооружения всего народа»¹. И далее Владимир Ильич вновь подчеркивает обязательность осуществления задачи: «вооружения рабочих и разоружение буржуазии», а именно: «Переход *через* Советское государство к постепенному уничтожению государства путем систематического привлечения все большего числа граждан, а затем и *поголовно* всех граждан к непосредственному и *ежедневному* несению своей доли тягот по управлению государством»². Как видим, позиция главы Советского государства недвусмысленна – он определенно продолжает придерживаться принципа «всеобщего вооружения». Означенная позиция исключала допустимость восстановления профессиональной охранительной службы.

Косвенно в пользу влияния «идеологического фактора» свидетельствует то обстоятельство, что в реалиях рассматриваемого периода нередко вводились в действие куда менее проработанные нормативные документы, нежели Положение о народной рабоче-крестьянской охране (советской милиции). В качестве примера можно привести ту спешку, в которой утверждалась первая советская Конституция. Кроме того, известно, что на протяжении лета 1918 г. НКВД пришлось приложить серьезные усилия для дальнейшего обоснования и утверждения тезиса о необходимости возвращения к дореволюционным (штатным) принципам организации службы охраны общественного порядка.

Тем не менее, при всех вышеназванных обстоятельствах 4 июля 1918 г. текст не утвержденного проекта был опубликован для всеобщего ознакомления в Вестнике НКВД³. Обстоятельства публикации данного документа, его содержание до настоящего момента предметно в литературе не рассматривались. Определяющей причиной названного отсутствия исследовательского внимания явилось то обстоятельство,

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 72.

² Там же. С. 73.

³ Вестник НКВД. № 17. 4 июля 1918 г. С. 2–4.

что данный документ так и не был соответствующим образом реализован, сохранив характер невоплощенного предложения.

Однако и в качестве неутвержденного документа Положение о народной рабоче-крестьянской охране представляет собой предмет серьезного исследовательского внимания. Сохраняющийся интерес определяется уже хотя бы тем, что содержание рассматриваемого документа отражает соответствующие организационные, правовые представления того времени. Кроме того, впоследствии ряд статей проекта все же был реализован, хотя и без ссылки на «источник».

Переходя к характеристике содержания Положения, отметим, что оно достаточно четко структурировано. Текст состоит из нескольких разделов, в числе которых: О составе народной рабоче-крестьянской охраны (Советской милиции); О порядке определения штатов; О временном замещении должностей; О порядке подчинения и сношения членов Народной рабоче-крестьянской охраны; Об отчетах и ответственности чинов рабоче-крестьянской охраны и др. Показательно, каким образом в Положении определялся порядок организации милицейских подразделений. Так, соответствующий раздел положения гласит: «6. В целях организованного привлечения граждан к несению обязанностей народной рабоче-крестьянской охраны ... на местах на основе добровольческого, а там, где это возможно по местным условиям, и на основе определенной повинности должны создаваться из граждан вооруженные отряды (красная гвардия), находящиеся в распоряжении Отдела управления... Эти отряды, как постоянные вооруженные единицы, не существуют...»¹.

Как видим, в соответствующем пункте проекта выражение принципа, определяющего милицию, как постоянную, штатную организацию, фактически отсутствует. Согласно предлагаемой версии подразделения милиции составляют объединения граждан, основное время занятых на своей постоянной, «не милицейской» работе. Предполагалось, что штат милиции будет представлен «сотрудниками», вызываемыми для осуществления милицейской службы помимо своего основного занятия. То есть, было прописано тоже «всеобщее вооружение трудящихся», но более четко и детально.

¹ Вестник НКВД. № 17. 4 июля 1918 г. С. 2.

Важным организационным принципом явилось то, что учреждение подразделений милиции четко привязывалось к структуре отделов управления – фактических органов НКВД в составе местных исполкомов. Кроме того, проект предусматривал создание высшего центрального милицейского подразделения: «Для непосредственного выполнения означенных функций при Отделе местного управления К.В.Д., как подотдел, создается особое отделение по Народной рабоче-крестьянской охране (Советской милиции) под руководством одного из членов Коллегии К.В.Д.»¹. Как можно видеть, это одно из положений проекта, которое вскоре было воплощено на практике.

Таким образом, на протяжении 1918 г. НКВД Советской России вел работу по определению статуса службы охраны общественного порядка и борьбы с преступностью. Эта деятельность проводилась в ходе обоснования более масштабной установки – перехода от «самодеятельной» к профессиональной службе милиции. Одним из шагов в данном направлении стали подготовка и публикация в июле 1918 г. проекта Положения о народной рабоче-крестьянской охране (советской милиции). В отмеченном Положении были определены многие принципы, впоследствии определяющие организацию советской системы противодействия преступности.

¹ Вестник НКВД. № 17. 4 июля 1918 г. С. 3.

Становление советского уголовного розыска (1917–1921 гг.): мифы и реальность

*А. Д. Проказин*¹,

*курсант 1 курса Международно-правового факультета
МосУ МВД России имени В.Я. Кикотя*

Для органов внутренних дел России 2018 г. является не только 300-летним юбилеем полиции. В этом году исполняется 100 лет со дня создания службы уголовного розыска. 5 октября 1918 г. «Положением об организации отделов уголовного розыска» были образованы аппараты уголовного розыска. Они учреждались в городах РСФСР «для охраны революционного порядка путем негласного расследования преступлений уголовного характера и борьбы с бандитизмом»². С момента их создания и до сегодняшнего дня сотрудники розыска находились на передовой линии борьбы с преступностью, и было бы ошибкой думать, что они начинали «с чистого листа». Их предшественники – работники сыскной полиции Российской империи – закладывали основы приемов и методов розыскной работы, которые включали в себя гласное и негласное наблюдение, агентурный метод и метод внедрения. С конца XIX в. в розыске стали применяться научные методы и специальные технические средства идентификации преступников (бертильонаж и дактилоскопия) и исследования следов преступления, а с начала XX в. создаваться оперативно-справочные и криминалистические учеты. В 1907 г. в составе Департамента полиции был создан Центральный регистрационный отдел с фотографическим бюро, и тогда же начала разрабатываться особая система опознания преступников по 120 вопросам, известная сегодня, как словесный портрет. Успехи сыскной полиции были настолько ярки и очевидны, что в 1913 г. на Международном съезде криминалистов, проходившем в Женеве, «московская сыскная полиция была признана лучшей» по раскрытию неочевидных преступлений, а ее руководитель А. Ф. Кошко, которого отечественная и зарубежная пресса окрестила «русским Шерлоком Холмсом», был награжден именной медалью.

¹ © Проказин А. Д., 2018

² Положение «Об организации отделов уголовного розыска» от 05.10.1918 г. // Милиция России : Документы и материалы. 1917–1999. Т. I. 1917–1934 / сост. А. Я. Малыгин, Р. С. Мулукаев и др. Саратов, 2000. С. 145.

Очевидно, что полиция как буржуазный орган по представлению большевиков и их лидера В. И. Ленина идеологически не подходила советскому руководству. Соответственно такое же отношение было и ко всем специализированным органам царской полиции, в том числе к сыскному аппарату. Например, в Циркулярном письме Главного управления милиции «О неотложных мерах по улучшению деятельности уголовного розыска» было определено, что уголовный розыск времен Российской империи находился «в суровых тисках жандармерии и полиции»¹. Как следствие, все заслуги и достижения дореволюционного сыска были публично умалены. В то же время криминогенная обстановка была крайне напряженной. По данным на 11 ноября 1918 г., только за первые 10 дней месяца были совершены ограбления на сумму около 530 тыс. руб. Самый резонансный случай произошел в 1919 г., когда жертвой грабежа, совершенного бандитом Яковым Кошельковым, стал сам вождь пролетариата В. И. Ленин.

«Рожденной революцией» милиции и сотрудникам уголовного розыска требовалась профессиональная подготовка. И руководство Главного управления милиции это хорошо понимало, сформулировав уже в ноябре 1918 г. задачу, «поставить дело сыска на научную высоту и создать кадры действительно опытных сотрудников»². В 1919 г. были учреждены Всероссийская школа инструкторов милиции и Всероссийские курсы уголовного розыска. Возникает логичный вопрос: кто должен был обучать неопытных сотрудников? Очевидно, что это должны были быть либо иностранные специалисты, либо сотрудники бывшей полиции. Первый вариант, по-нашему мнению, был весьма сомнительным, учитывая языковой барьер, а также отношение иностранных держав к России после сепаратного мира с Германией. А вот второй вариант кажется наиболее правдоподобным. На предположение о том, что бывшие полицейские могли поступить на службу в милицию, наталкивает Приказ Всероссийской чрезвычайной комиссии «Об отношении к бывшим полицейским чинам» от 29 февраля 1919 г., предписывающий, что бывшие сотрудники полиции, за которых «советские, партийные

¹ О неотложных мерах по улучшению деятельности уголовного розыска. Циркулярное письмо Главного управления милиции. 25 ноября 1918 г. // Милиция России... С. 47–48.

² Там же. С. 48.

организации ручаются в их лояльном отношении к Советской власти» освобождаются от преследований и гонений.

История становления советского сыска скрывает немало фактов, свидетельствующих о восприятии им опыта сыскной полиции Российской империи. Известно, что один из основателей Московского уголовного розыска, Александр Максимович Трепалов, уделял особое внимание изучению сохранившихся архивов старой сыскной полиции и методов ее работы. Он понимал, что их необходимо перенять и использовать.

Также известно, что после февральской революции 1917 г. сыскные отделения были реорганизованы в судебно-разыскную или уголовно-разыскную милицию¹, а их кадровый состав сохранился, продолжая текущую работу по преследованию преступлений. После октябрьского революционного переворота те же сотрудники исполняли свой профессиональный долг по охране общественного порядка и общественной безопасности до середины 20-х годов XX в.²

Пожалуй, самым ярким примером использования опыта дореволюционного сыска в становлении советского уголовного розыска является заимствование правовых основ регламентации следственно-разыскной деятельности. Дореволюционный сыск регламентировался «Инструкцией чинам сыскным отделений» от 9 августа 1910 г., а для советского уголовного розыска был разработан комплекс нормативных актов, среди которых основными были: Положение «Об организации отделов уголовного розыска» от 5 октября 1918 г., Инструкция ГУСРКМ по Уголовному розыску, Циркуляр ЦУУР от 31 марта 1918 г. и другие. Формально-юридический сравнительный анализ этих актов дает следующие результаты, представленные в таблице.

Из дореволюционного сыска были заимствованы также принципы определения штатов отделов уголовного розыска. В Российской империи по Закону «Об организации сыскной части» 1908 г. вопрос о

¹ О необходимости сохранения и возобновления деятельности сыскных отделений по делам уголовного розыска от 16 апреля 1917 г. Циркуляр МВД // История полиции дореволюционной России: Сборник документов и материалов по истории государства и права. М., 1981. С. 85.

² Матиенко Т. Л. Кадровое обеспечение общеуголовной полиции в Российской империи в 1908–1917 гг. // Вестник Московского университета МВД России. – 2004. – № 1. – С. 121.

создании сыскного отделения и размере его штата решался «в прямой зависимости от количества населения и степени развития преступности в данной местности».

Таблица

Сравнительная характеристика правовых основ деятельности сыскной полиции и советского уголовного розыска

Позиции сравнения	Инструкция чинам сыскных отделений 1910 г.	Положение об организации отделов уголовного розыска 1918 г.; Инструкция ГУРСКМ по уголовному розыску 1919 г.
1. Функции	«Сыскные отделения имеют целью своей деятельности <i>негласное расследование</i> и производство дознаний в видах предупреждения, устранения, разоблачения и преследования преступных деяний...»	Из Положения: «... для охраны революционного порядка <i>путем негласного расследования</i> преступлений и борьбы с бандитизмом...»
2. Методы	«Для выполнения означенных задач отделения через своих чинов имеют <i>систематический надзор за преступными и порочными элементами путем негласной агентуры и наружного наблюдения...</i> »	Из Инструкции: «Отделения уголовного розыска имеют целью предупреждение готовящихся, раскрытия свершившихся и пресечения обнаруженных преступлений <i>путем негласной агентуры и наружного наблюдения</i> » «Для этого они должны иметь <i>систематический надзор за преступными и порочными элементами...</i> »
3. Компетенция (исключение деятельности по политическим преступлениям)	«Все сведения, касающиеся дел политического характера, начальники сыскных отделений обязаны <i>беззамедлительно сообщать</i> начальникам <i>губернских жандармских управлений или охранных отделений</i> , где таковые имеются, и отнюдь не принимать каких-либо мер по означенным делам»	Из Инструкции: «Дознание по делам политическим... сотрудниками уголовного розыска не производится, а о таковых преступлениях <i>сообщается в подлежащую чрезвычайную комиссию или революционный трибунал</i> »
4. Компетенция (исключение деятельности)	« <i>Производить розыски и собирать какие бы то ни было сведения по делам</i>	Из Инструкции: « <i>Производство розысков и собирание каких-либо сведений по делам</i>

по частным делам)	<i>совершенно частного характера, не имеющим ничего общего с обязанностями полиции по предупреждению, пресечению и расследованию преступлений... чинам сыскных отделений воспрещается»</i>	<i>частного характера, не связанных с преступлениями... сотрудникам уголовного розыска воспрещается»</i>
5. Принципы организации деятельности	<i>«Район деятельности каждого сыскного отделения определяется преимущественно пределами ведения полицейского управления, в состав которого оно входит...»</i>	Из Инструкции: <i>«Район деятельности каждого отделения определяется пределом своей губернии или города по принадлежности»</i>

Согласно Положению «Об организации отделов уголовного розыска» 1918 г. отделы советского уголовного розыска создавались и комплектовались по аналогии. В нем определено, что отделения уголовного розыска создаются «при всех губернских управлениях советской рабоче-крестьянской милиции в городах как уездных, так и посадах с народонаселением не менее 40000–45000 жителей...».

Вывод: формирование органов уголовного розыска советской милиции осуществлялось с учетом уже сложившихся организационных и даже правовых основ деятельности полиции, царской полиции и милиции Временного правительства. Однако данные основы были сохранены лишь в той части, в которой не противоречили идеологии формирующегося Советского государства.

Учитывая все вышесказанное, мы можем сделать вывод о том, что строительство советского уголовного розыска проходило на организационном, правовом и кадровом фундаменте дореволюционного сыска и накопленном им багаже гласных и негласных розыскных и научно-криминалистических методов, задрапированном революционными лозунгами, полными неприязни и неприятия к царской полиции.

Организационно-правовые основы деятельности ОБХСС в Советском государстве

Е. А. Трофимов¹,

курсант 2 курса ФПСШПОП

МосУ МВД России имени В.Я. Кикотя

На современном этапе развития общества важной задачей является борьба с коррупцией, в решении которой можно использовать опыт прошлых лет. Поэтому рассмотрение деятельности Отдела по борьбе с хищением социалистической собственности (далее – ОБХСС), действующего во времена Советского Союза, является актуальной на сегодняшний день. В данной статье рассматриваются два вопроса: предпосылки создания ОБХСС и деятельность этой службы в разные периоды существования СССР.

Экономическая система СССР основывалась на социалистической (государственной) собственности на средства производства. К 1937 г. доля государственной собственности в экономике страны составила 99,1 %. Следовательно, возникла необходимость ее защиты. В сферу экономической безопасности входили социалистическая собственность, социалистические экономические и политические отношения. Обратной стороной такого положения было то, что охрана личной собственности граждан СССР отошла на второй план. Уголовное законодательство советского периода всегда обеспечивало усиленную защиту социалистической собственности в отличие от личной собственности граждан.

В 30-е годы XX в. перед правоохранительными органами страны была поставлена задача по усилению охраны социалистической собственности. При этом данное направление деятельности постепенно политизировалось: лица, покушавшиеся на социалистическую собственность, приобретали статус «врагов народа». Еще в 1933 г. в своем докладе на объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) об итогах первой «пяtilетки» И. В. Сталин отметил, что расхищение социалистической собственности является контрреволюционной деятельностью и допущение такой деятельности равно содействию подрыву советского строя. Эта идея нашла отражение в Конституции СССР 1936 г., где в

¹ © Трофимов Е. А., 2018

ст. 131 говорилось, что каждый гражданин СССР обязан беречь общественную собственность, как священную основу советского строя и источника могущества Родины. И. В. Сталин также особо отмечал, что охрана социалистической собственности является важной задачей партии и должна осуществляться на высшем уровне с использованием всех доступных средств¹.

В итоге была определена задача для всех политотделов, во-первых, усилить политическую работу в целях повышения эффективности охраны социалистической собственности от расхищения, а во-вторых, использовать все предусмотренные советским законодательством меры по борьбе с расхитителями. При использовании таких мер требовалось доводить информацию об этом до широкой общественности.

В данный период становления новой экономики социальная сфера отошла на второй план, отсутствовали эффективные формы организации и стимулирования труда, что приводило к снижению производственной дисциплины и производительности. Все это, в конце концов, усугубило криминогенную обстановку в экономике.

Таким образом, к середине 30-х годов прошлого столетия сложились объективные предпосылки к созданию специализированной службы, деятельность которой была направлена на поддержание экономической безопасности страны. Но помимо объективных предпосылок существовали и субъективные:

1. Скрытность совершаемых преступлений и изменение способов их совершения. Преступления экономической направленности все чаще стали совершаться замаскированными способами. Поэтому сотрудники уголовного розыска имели проблемы в их раскрытии, так как не обладали достаточной квалификацией и знаниями.

2. Существовавшие в НКВД экономические управления не могли обеспечить осуществление крупномасштабных мер по борьбе с криминалом в экономической сфере, так как не имели четкой организационной структуры.

¹ Итоги первой пятилетки: доклад на объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП (б), 7 января 1933 г. / И. Сталин. Л., 1933.

3. Немаловажным фактором является и то, что в данный период аппарат НКВД выполнял другую государственную задачу, которая состояла в проведении массовых политических репрессий.

Подведя итог вышесказанному, можно сделать вывод, что в условиях борьбы с экономическими преступлениями и охраны социалистической собственности от преступных посягательств государству требовалась мощная, организованная и профессиональная служба. Такой службой стал ОБХСС. Основными ее задачами были:

1. Борьба со спекуляцией, фальшивомонетничеством, расхищением и взяточничеством.

2. Обеспечение деятельности, направленной на предупреждение преступлений в экономической сфере.

3. Осуществление расследования дел о хищениях социалистической собственности.

16 марта 1937 г. был издан приказ наркома внутренних дел Николая Ежова под № 0018, в котором было указано о создании в составе Главного управления милиции НКВД Отдела по борьбе с хищениями социалистической собственности и спекуляцией. В это же время было подготовлено специальное Положение, которое закрепляло основные принципы деятельности созданного органа и определяло его структуру. Формировалась новая система в основном из бывших сотрудников уголовного розыска, которые уже имели опыт работы с такими нарушениями закона, как фальшивомонетничество, взяточничество и расхищение. К 1940-му году в структуре ОБХСС работали более 100 тыс. человек. В своей деятельности они опирались на большой круг осведомителей, который насчитывал около 60 тыс. человек, в основном это были работники рынков и магазинов.

Результаты деятельности ОБХСС были очевидны уже в первые годы его работы. Так, по данным Центрального статистического управления (ЦСУ) СССР, количество хищений и растрат уменьшилось в торговле на 38 % и в потребительской кооперации на 46 %. Сотрудники пресекли попытки воровства на сумму почти 50 млрд руб.

После создания ОБХСС деятельность органов внутренних дел по борьбе с экономическими преступлениями стала более эффективной. Главным результатом такой деятельности являлись рост числа выяв-

ленных и раскрытых преступлений, а также количество изъятых из преступного оборота материальных средств.

Перед началом Великой Отечественной войны в органах ОБХСС происходят качественные и количественные изменения: увеличивается штат сотрудников, устанавливается взаимодействие с прокуратурой и оперативными подразделениями НКВД, создается отдельное подразделение по борьбе со спекуляцией¹. За 1940 г. ОБХСС достиг высоких показателей: была пресечена деятельность почти 2 тыс. преступных групп, арестовано 8 тыс. человек, возвращено государству около 50 млн руб.

В период Великой Отечественной войны деятельность ОБХСС имела наиболее важный характер, ведь еще в предвоенное время разведка Третьего рейха осуществляла мероприятия, направленные на ослабление и разрушение советской экономики. С начала боевых действий работникам и всему аппарату ОБХСС в целом пришлось нелегко, ведь многие из действующих сотрудников ушли на фронт. Тем не менее, в годы войны система ОБХСС успешно боролась с фальшивомонетничеством, скупкой и перепродажей золота. В целом в период с 1941 по 1945 гг. сотрудники ведомства в ходе борьбы с экономическими преступлениями вернули государству более 170 млрд руб. Многие из них были награждены орденами и медалями².

После победы над немецко-фашистскими захватчиками наступил новый этап в деятельности ОБХСС. Страна остро нуждалась в больших денежных средствах, поэтому нельзя было допустить их расхищения и другие экономические преступления, которые на фоне общего падения уровня жизни населения участились. Основная масса этих преступлений приходилась на рестораны, магазины, рынки и сберкассы. Например, в середине 1950-х годов удалось раскрыть сложную преступную схему, так называемых водочных махинаторов. Сутью данной схемы являлась продажа спиртного с наценкой около 50 %. Происходило это так: недобропорядочные коммерсанты покупали в магазинах бутылку

¹ Тишков С. В., Алабердеев Р. Р., Латов Ю. В. История борьбы в СССР с хищениями социалистической собственности (к 70-летию ОБХСС/ДЭБ) // Историко-экономические исследования. – 2007. – № 1. – С. 32.

² Абдрахманов А. И. Деятельность службы ОБХСС по пресечению преступлений в сфере экономики в период Великой Отечественной войны // Вестник Московского университета МВД России. – 2011. – № 9.

спиртного за четыре рубля, затем меняли этикетку на бирку своей рюмочной и продавали по завышенной цене, тем самым обеспечивая себе неплохой заработок. После раскрытия данной схемы ОБХСС было принято решение о том, чтобы вся алкогольная продукция при выпуске специально клеймилась. На этикетках указывалось, что данный продукт предназначен для поставки в места общественного питания.

В 1970-е годы стал набирать обороты теневой рынок, росло количество хищений. Одним из самых успешных и громких дел того времени стало дело фирмы «Океан». Агентам ОБХСС удалось определить, что директор магазина с одноименным названием в городе Сочи осуществляет нелегальную продажу черной икры, которую фасовали в банки из-под рыбных консервов и направляли за границу. Еще одно резонансное дело, раскрытое сотрудниками ОБХСС, было связано с руководителем столичного гастронома «Елисейевский» Юрием Соколовым и главой московской овощной базы Мхитаром Амбарцумяном. Расследование выявило случаи взяточничества и злоупотребления должностными полномочиями. Позже по решению суда Соколов и Амбарцумян были приговорены к высшей мере наказания.

В период перестройки изменились условия деятельности ОБХСС, а именно: произошла либерализация экономической жизни, т. е. ослабление государственного контроля за экономикой. За 1987–1990 гг. были зафиксированы 1 300 нарушений закона и возбуждены около 800 уголовных дел. После распада СССР в 1992 г. ОБХСС был преобразован в Главное управление по экономическим преступлениям в составе Министерства внутренних дел России.

В заключение нужно отметить, что советская идея создания самостоятельного органа по борьбе с экономическими преступлениями была успешно реализована на практике. Сама служба отвечала тем требованиям, которые предъявляла оперативная обстановка, и доказала свою эффективность.

Вклад органов внутренних дел СССР в борьбу с детской беспризорностью в годы Великой Отечественной войны

Е. Г. Ермаков¹,

доцент кафедры истории государства и права

МосУ МВД России имени В.Я. Кикотя,

кандидат юридических наук, доцент

Детская беспризорность является актуальной проблемой для Российской Федерации. Изучение опыта борьбы с данным негативным социальным явлением дает возможность оптимальным образом скоординировать усилия государственных и общественных институтов, действующих в данной сфере. Настоящая статья посвящена рассмотрению опыта, накопленному органами внутренних дел в борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью в годы Великой Отечественной войны.

Вторжение немецко-фашистских захватчиков принесло неисчислимые беды нашей стране. Были убиты десятки миллионов человек. Враг не разбирая, кто перед ним, взрослый или ребенок, шел по трупам к своей цели – порабощению советского народа. Населению СССР была уготована незавидная роль людей второго сорта, угождающих своим новым немецким хозяевам. Но захватчики просчитались. Советский народ сначала остановил агрессора, а затем в яростных схватках сокрушил его военную мощь.

Война породила целый ряд острых социальных проблем, среди которых заметное место занимала массовая детская беспризорность и безнадзорность, в борьбе с которой деятельное участие приняли органы внутренних дел СССР.

Следует отметить, что в предвоенные тридцатые годы благодаря усилиям Советского государства и народа с массовой детской беспризорностью было покончено. Тогда же сложилась система органов, ответственных за борьбу с детской беспризорностью и безнадзорностью. В их число входили отделения по работе с несовершеннолетними в составе отделов службы и боевой подготовки управлений милиции республик, краев, областей, детские комнаты милиции, детские приемники-распределители НКВД, а также детские трудовые колонии НКВД.

¹ © Ермаков Е. Г., 2018

Действовали все эти органы в соответствии с рядом принятых в то время нормативных правовых актов, самым важным среди которых являлось Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 31 мая 1935 г. «О ликвидации детской беспризорности и безнадзорности»¹.

Понятия беспризорности и безнадзорности определяла Инструкция НКВД от 31 декабря 1940 г. В соответствии с ней под беспризорными понимались несовершеннолетние, ведущие бездомный образ жизни, бежавшие от родных или из детских учреждений, или дети, потерявшие родных, не имеющие средств к существованию и фактически проживающие на улице, безнадзорными же признавались несовершеннолетние, проживающие с родными или опекунами, но лишенные надлежащего присмотра.

С началом Великой Отечественной войны число беспризорных и безнадзорных быстро росло. Детские учреждения были переполненными, так как не были готовы принимать все увеличивающийся поток детей, оставшихся без родных и близких. В этих условиях был реализован ряд мер, направленных на помощь несовершеннолетним, оставшимся без родителей, а также на предупреждение детской беспризорности и безнадзорности.

23 января 1942 г. Совет Народных Комиссаров СССР принял решение «Об устройстве детей, оставшихся без родителей», в котором были определены основные направления деятельности государства в данной сфере². По всей стране были созданы комиссии по устройству детей, оставшихся без родителей, обязательное участие в работе которых должны были принимать представители органов НКВД. Увеличивалась сеть детских приемников-распределителей НКВД. В них направлялись дети в возрасте до 15 лет включительно. Прием детей осуществлялся круглосуточно.

Перед приемниками-распределителями ставились задачи учета и регистрации проходивших через него детей; их санитарно-гигиеническая обработка и медицинское обследование; установление причин безнадзорности; выявление и привлечение к ответственности через органы прокуратуры и милиции лиц, толкающих детей на путь безнадзорности;

¹ Известия ЦИК СССР – ВЦИК. № 127. 1 июня 1935 г.

² СП СССР. – 1942. – № 75.

розыск через органы милиции родителей или лиц, их заменяющих, а также восстановление связи детей с их семьями.

В приемнике-распределителе дети могли находиться не более четырнадцати дней. За это время детей до 14 лет должны были либо вернуть родным, либо направить в детские дома, либо на патронирование, а старше 14 лет – устроить на работу. Дети в возрасте до трех лет отправлялись в дома ребенка. В приемники-распределители принимались дети, доставляемые органами милиции, гражданами и общественными организациями, а также самостоятельно явившиеся с просьбой о помещении их в какое-либо детское учреждение.

Помощь родителям и родственникам в отыскании потерявшихся детей оказывали специально созданные справочные детские столы. Они создавались при областных и краевых управлениях НКВД, городских отделах и районных отделениях НКВД в соответствии с приказом НКВД СССР от 10 марта 1942 г. В составе паспортного отдела Главного управления милиции был создан справочный стол для розыска детей, утративших связь с родителями. В его картотеке концентрировался учет оставших от родителей детей по всей стране.

Однако предпринятые меры оказались недостаточными. Беспризорность и безнадзорность приняли массовый характер. Точное число беспризорных и безнадзорных еще предстоит узнать исследователям: только через ДПР НКВД СССР за годы войны прошло около 1 млн детей.

Главной задачей в это сложное время стало спасение от гибели десятков тысяч детей. Следовало в кратчайшие сроки изъять с улиц беспризорных и безнадзорных и направить их в детские учреждения, в том числе в детские колонии, для обеспечения им хотя бы минимума условий для проживания, содержания, воспитания и развития. Эта задача в целом была выполнена. 15 июня 1943 г. СНК СССР издает постановление «Об усилении мер борьбы с детской беспризорностью, безнадзорностью и хулиганством»¹. Во исполнение данного постановления приказом НКВД СССР от 21 июня 1943 г. в составе НКВД СССР был создан новый орган – Отдел по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью, на который была возложена организация борьбы с детской беспризорностью и

¹ ОСФИЦ ГУВД МО. Ф. 122. Оп. 1. Д. 14. Л. 37.

безнадзорностью в СССР¹. Возглавил ОБДББ НКВД СССР комиссар государственной безопасности Ф. М. Леонюк (возглавлял данный орган с июня 1943 г. по октябрь 1950 г.).

В дополнение к имеющимся трудовым колониям для осужденных несовершеннолетних были созданы трудовые воспитательные колонии. В них направлялись подростки в возрасте от 11 до 16 лет в тех случаях, если они являлись беспризорными; если они были задержаны за хулиганство, мелкие кражи и другие незначительные преступления без возбуждения уголовного преследования; если они являлись воспитанниками детских домов, систематически нарушающими внутренний распорядок и дезорганизующими учебу и воспитание в детском доме.

В трудовых колониях на начало 1943 г. находилось 7288 человек, на начало 1944 г. – 18 530, на начало 1945 г. – 23 927. В трудовых воспитательных колониях (ТВК) на начало 1944 г. находилось 3295 воспитанников, на начало 1945 г. – 18 957². Заметную часть воспитанников ТВК составляли дети-сироты. Здесь на конец 1943 г. их было 42 % от общего числа детей, на конец 1944 г. – 45,5 %, а к концу 1945 г. – уже 56,3 %³.

Во всех детских колониях были организованы школы-семилетки. В 1944 г. в них обучались 92 % воспитанников. Из них успешно завершили учебный год и были переведены в следующий класс 81 % учеников⁴.

Детские колонии давали не только рабочие профессии, но и возможность их реализации. В 1944 г. воспитанниками колоний было выпущено продукции на 113,1 млн руб. Со дня передачи детских колоний в ведение ОБДББ и до окончания Великой Отечественной войны было выпущено осколочных и противопехотных мин, гранат и других видов оборонной продукции на 44, 290 млн руб.⁵

Всего, в том числе и с помощью органов внутренних дел, к концу войны в Советском Союзе было организовано около 6 тыс. детских домов, что на 4340 детских дома больше, чем их было в СССР на 1 января

¹ Дети ГУЛАГа. 1918–1956. М., 2002. С. 387.

² ГАРФ. Ф. 9412. Оп. 1. Д. 17. Л. 1–2.

³ Там же.

⁴ ГАРФ. Ф. 9412. Оп. 1. Д. 69. Л. 136.

⁵ Там же. Л. 135.

1940 г. К 1945 г. только в детских домах, расположенных на территории РСФСР, воспитывалось 400 тыс. детей. Более 100 тыс. детей были трудоустроены. Около 350 тыс. детей находились на воспитании в семьях трудящихся, были под опекой или на патронате.

Успешное выполнение органами НКВД поставленных перед ними задач стало возможным благодаря постоянному вниманию советских государственных и партийных органов как к проблеме борьбы с детской беспризорностью и безнадзорностью вообще, так и к работе органов НКВД в частности.

В тяжелые годы всенародных испытаний, когда все силы страны были брошены на защиту Отечества, когда максимально были напряжены материальные и людские ресурсы, Советское государство предприняло все возможное для спасения детей.

Деятельность Советского государства по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью дала свои результаты. Сотни тысяч детей были спасены от гибели. Размеры и острота порожденного войной такого опасного социального бедствия, как массовая детская беспризорность и безнадзорность, были в значительной мере минимизированы.

Советская милиция в период «оттепели»

*Е. А. Беспалова*¹,

преподаватель кафедры истории государства и права

МосУ МВД России имени В.Я. Кикотя,

кандидат юридических наук

Рассматриваемый период в истории нашей страны был отмечен масштабными реформами правоохранительных органов, созданных в условиях формирования командно-административной системы и культа личности И. В. Сталина. Одной из первых мер, направленных на либерализацию внутренней жизни в стране и лишение МВД исключительных полномочий, было постановление Президиума Верховного Совета СССР от 1 сентября 1953 г. «Об упразднении органа внесудебных репрессий» – Особого совещания при министре внутренних дел СССР. Данное решение стало началом реорганизации всей карательно-репрессивной системы.

Основным направлением реформирования МВД в этот период была политика по его децентрализации. Первой мерой на этом пути стало исключение из состава Министерства органов государственной безопасности, которое осуществлялось на основании постановления ЦК КПСС «Об основных задачах МВД» от 12 марта 1954 г. В соответствии с ним органы государственной безопасности были преобразованы в независимый Комитет государственной безопасности (КГБ) при Совете Министров СССР.

10 мая 1954 г. МВД издало директиву «О работе среди населения», в которой отмечалась необходимость усиления связей милиции с общественностью и укрепления правосознания граждан. В частности, директива обязывала всех сотрудников проводить интервью с работниками по конкретным фактам. Популярности деятельности милиции среди населения в значительной степени способствовало повышение интереса к ее работе со стороны средств массовой информации, писателей и деятелей искусства. Именно в этот период стали появляться художественные работы о милиции, появился жанр отечественного детектива.

В 1953 г. на улицах Москвы стали активно применяться моторизованные патрули. Хорошо обученные мотоделу милиционеры были

¹ © Беспалова Е. А., 2018

объединены в отряды, которые подчинялись управлениям милиции города. Моторизованный отряд использовался для патрульной службы вечером и ночью. Мотопатрули в очень короткий промежуток времени оказались эффективным средством борьбы с хулиганством, грабежами и другими «уличными» преступлениями. Обладая хорошей маневренностью, их экипажи быстро объезжали закрепленную за ними территорию, останавливаясь для детального изучения обстановки в наиболее неблагополучных местах. Моторизованные патрули действовали в тесном контакте с участковыми уполномоченными и постовыми. Впоследствии эта практика была распространена и на другие города страны.

В октябре 1954 г. Центральный комитет КПСС и Совет Министров СССР приняли совместный указ, в котором были приняты конкретные меры по укреплению милиции. Более 3 тыс. человек были направлены через органы партии в МВД СССР, в том числе более ста партийных работников, имеющих высшее и среднее образование, получили назначения на должности министров внутренних дел союзных и автономных республик, руководителей УВД и их заместителей. В 1954 г. в милицию пришли на службу многие офицеры, уволенные в резерв в связи с сокращением личного состава вооруженных сил¹.

29 января 1958 г. было принято постановление ЦК КПСС «О фактах нарушения законности в милиции», в котором было сделано заключение о том, что факты необоснованного задержания, жестокого обращения и т. д. являются следствием слабой воспитательной работы. Поэтому предлагалось укрепить контроль над деятельностью органов внутренних дел, пополнить ряды милиции сотрудниками партийных и комсомольских организаций и активировать надзорную деятельность прокуратуры. В то же время ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли ряд мер по улучшению транспортного обеспечения, коммуникаций и служебных помещений милиции. В 1957 г. зарплаты сотрудников были повышены. Чтобы стабилизировать и сократить текучесть кадров рядовых сотрудников милиции, были введены три категории сотрудников со значительной разницей в окладах: первый – милиционеры, прослужившие шесть и более лет, второй – от трех до шести лет, третий до трех лет. Были предусмотрены ассигнования на строитель-

¹ Гавриленко Д. А. Понятия, значение и способы укрепления служебной дисциплины в органах внутренних дел. М., 1975. С. 153.

во жилья, исполнительные комитеты местных Советов должны были предоставить участковым уполномоченным жилую площадь по месту службы. В декабре 1957 г. была введена новая форма для сотрудников милиции.

Государство предпринимало серьезные меры по повышению уровня профессиональной подготовки сотрудников милиции путем расширения сети ведомственных учебных заведений. С 1956 по 1958 гг. были открыты 12 средних специальных школ милиции, 25 средних специальных школ, девять школ переподготовки для офицеров и четыре высших учебных заведения милиции (в Москве, Киеве, Ташкенте, Омске)¹.

В 1956 г. была введена обязательная начальная подготовка для всех сотрудников милиции, командиров взводов, участковых уполномоченных и дежурных по органам милиции. В 1957 г. данную подготовку прошли 17 тыс. человек. В целях обеспечения непрерывной работы милиции и повышения эффективности ее деятельности в 1954 г. была организована служба дежурных. С этого момента дежурные становились штатной категорией. Благодаря этому улучшилось руководство патрульно-постовой службой. Кроме того, населению была предоставлена возможность в любое время суток обратиться за помощью к милиции, тем самым способствуя принятию своевременных мер по предотвращению пьяных драк и задержанию преступников. В результате предпринятых усилий раскрываемость по горячим следам в РСФСР в 1958 г. увеличилась на 18 % по сравнению с 1956 г., произошло снижение общего уровня хищения социалистической собственности на 21,2 %, убийств – на 15,7 %².

2 марта 1959 г. было принято постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об участии трудящихся в охране общественного порядка», в котором говорилось, что милиция имеет недостаточные связи с общественными организациями. В соответствии с этим постановлением были реорганизованы общественные формирования по охране общественного порядка, существовавшие в стране с конца 1920-х годов. Бригады содействия милиции (бригадмил), которые формировались

¹ Седунов А. В., Иванов К. Д. Российская полиция во второй половине XIX – начале XX в.: сфера компетенции, отношение к службе, реформирование // История государства и права. – 2005. – № 3. – С. 41–43.

² История советской милиции / под ред. Н. А.Щелокова. Т. 1–2. М., 1977.

при органах милиции, были распущены. Вместо этого начали создаваться добровольные народные дружины (ДНД). Вскоре они появились почти во всех населенных пунктах Советского Союза. В добровольные дружины вступило более миллиона трудящихся по всей стране.

17 августа 1962 г. Центральный комитет КПСС и Совет Министров СССР приняли постановление «О мерах по улучшению деятельности советской милиции», в котором был изложен ряд важных организационных мер, направленных на улучшение ее деятельности. Закон определял меры по повышению уровня работы милиции, укреплению ее штатного расписания, предоставлению ее органам средств связи, транспорта и специального оборудования. Тогда же было утверждено новое Положение о милиции, которое определило ее основные задачи, место и роль в системе органов государственного управления. В соответствии с Положением, милиция была определена как административный и исполнительный орган Советского государства, призванный защищать общественный порядок в городах, поселениях и на транспорте, обеспечивать защиту социалистической собственности, отдельных лиц и прав граждан от преступных посягательств и своевременно предотвращать, пресекать и раскрывать уголовные преступления. В Положении также подчеркивалось, что всей своей деятельностью милиция должна служить народу, поддерживать постоянную связь с широкими массами трудящихся и общественными организациями, опираться на их помощь и поддержку. В то же время было принято решение ввести торжественную присягу и учредить для республиканских, региональных и крупных городских гарнизонов Красные знамена. Этим Положением был введен и профессиональный праздник – День милиции, который стал ежегодно отмечаться 10 ноября 1962 г.

Таким образом, реформирования советской милиции в период оттепели осуществлялось в трех основных направлениях, а именно: децентрализации системы управления, укреплении связей милиции с обществом и повышении престижа ее службы.

Роль деятельности органов внутренних дел в обеспечении прав человека на современном этапе

*Е. Г. Войде*¹,

преподаватель кафедры истории государства и права

МосУ МВД России имени В.Я. Кикотя,

кандидат юридических наук

В деятельности органов внутренних дел создание условий, благоприятных для осуществления прав человека, осуществляется, прежде всего, посредством обеспечения защиты прав каждого субъекта от их нарушения. Этот вывод подтверждается и характером обязанностей, возложенных на полицию (ст. 12 ФЗ «О полиции»), и содержанием полномочий территориальных органов внутренних дел (п. 13 Типового положения о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации). Поэтому приоритетным направлением в деятельности органов по защите прав человека является предупреждение нарушений таких прав.

Предупреждение нарушений прав человека представлено тремя составляющими, первой из которых является профилактика нарушений прав, второй – их предотвращение, а третьей – пресечение.

Профилактика нарушений прав человека является деятельностью, имеющей своей целью выявление, устранение и нейтрализацию факторов, создающих условия для нарушения прав человека. Профилактика в конечном счете способствует созданию благоприятных условий не только непосредственно для реализации прав человека легитимными способами, но и для деятельности иных правоохранительных органов.

Предотвращение нарушений прав человека заключается в недопущении действий и бездействий, препятствующих реализации прав человека правовыми способами.

Под пресечением нарушения прав человека следует понимать принудительное прекращение уже начавшегося и происходящего нарушения прав человека. Пресечение может иметь место в том случае, когда имеют место умышленные действия, непосредственно ставящие под угрозу возможность реализации другими лицами принадлежащих им прав, если при этом такие действия не были доведены до конца.

¹ © Войде Е. Г., 2018

Следует заметить, что любые подразделения органов внутренних дел, обеспечивая поддержание правопорядка и безопасности, наделены полномочиями, реализация которых связана с ограничением правовых средств реализации людьми отдельных принадлежащих им прав. Так, в компетенцию сотрудников полиции входит осуществление принудительного препровождения граждан в помещение территориального органа или подразделения полиции, в помещение муниципального органа, в иное служебное помещение для решения вопроса о задержании; осуществление в порядке, установленном законодательством об административных правонарушениях, личного досмотра граждан, досмотра находящихся при них вещей, а также досмотра их транспортных средств; участие в досмотре пассажиров, их ручной клади и багажа на железнодорожном, водном или воздушном транспорте, метрополитене либо осуществление такого досмотра самостоятельно в целях изъятия вещей и предметов, запрещенных для перевозки транспортными средствами. Также в соответствии с законодательством Российской Федерации органы внутренних дел уполномочены осуществлять ряд других контрольных и принудительных мер и мероприятий, связанных с сокращением числа доступных человеку правовых способов реализации им своих прав¹.

В этих условиях неизбежно возникает проблема защиты прав человека от нарушений со стороны сотрудников органов внутренних дел. Недопущение нарушений прав человека в деятельности органов внутренних дел обеспечивается установлением четких формальных оснований применения принудительных и контрольных мер, а также регламентацией порядка их осуществления.

Деятельность органов внутренних дел осуществляется в специальной правовой форме. Такой формой осуществления деятельности органов внутренних дел по защите прав человека является правоприменение, в рамках которого конкретными сотрудниками издаются, изменяются либо отменяются ранее принятые индивидуально-властные решения, находящие оформление в специальных юридических актах. Однако, как справедливо утверждает Л. С. Мамут, «установленные институты, издаваемые законы – лишь средства, с помощью которых руководство осуществляют люди (группы, общности людей). И никто кроме

¹ Статья 13 Федерального закона № 3–ФЗ «О полиции» от 7 февраля 2011 г. (ред. от 03.02.2014 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2011. – № 7, ст. 900.

них. Институты, законы функционируют исключительно в той степени и в той форме, в какой они на деле используются людьми: от главы государства до рядового гражданина (подданного)... По-другому не бывает и просто быть не может»¹. В связи с этим можно сказать, что защищенность прав человека от нарушений предполагает не только создание системы юридических гарантий, но и их реализацию в повседневной практической деятельности сотрудников органов внутренних дел.

Предоставление сотрудникам органов внутренних дел определенных исключительных полномочий по охране общественного порядка и общественной безопасности, связанных с ограничением прав личности, не должно рассматриваться как вседозволенность. Должностные лица органов внутренних дел должны применять их только в случае крайней необходимости и лишь в той мере, в какой это требуется для выполнения их обязанностей. В случае злоупотребления указанными полномочиями их неоправданное применение само по себе должно трактоваться в качестве правонарушения и жестко пресекаться.

Несмотря на то, что роль органов внутренних дел в создании условий, благоприятных для реализации прав человека правовыми способами, очевидна, следует помнить, что государственный механизм защиты прав человека представлен различного уровня органами и организациями, которые принимают участие в соответствующей деятельности от имени и по поручению государства и наделены соответствующим объемом полномочий. При этом каждый из государственных органов осуществляет деятельность в рамках конкретной предоставленной ему компетенции.

В ходе осуществления задач по защите прав человека между государственными органами и структурами существует функциональная связь, которая объединяет их в единый механизм. Это свидетельствует о деятельности государственного аппарата охраны прав человека как о специфической социальной системе.

В реализации правоохранительной функции права органы внутренних дел неизменно взаимодействуют с другими государственными органами и их должностными лицами, в том числе и такими, которые в основе своей не заняты поддержанием правопорядка. Более того, следу-

¹ Мамут Л. С. Современная российская государственность и культура демократии // Государство и право. – 2009. – № 1. – С. 10.

ет отметить, что правоохранительная деятельность зачастую рассматривается в качестве универсальной, осуществляемой не только государственными органами, но и различными правозащитными организациями, а также самими гражданами. Без самоорганизации граждан, многообразия гражданских инициатив невозможно по-настоящему эффективное функционирование государственных механизмов, полноценная и благополучная жизнь человека¹. На это указывается непосредственно в п. 1 ст. 10 Федерального закона «О полиции»: «Полиция при осуществлении своей деятельности взаимодействует с другими правоохранительными, государственными и муниципальными органами, общественными объединениями, организациями и гражданами»².

Основными отличиями правоохранительной деятельности, осуществляемой органами внутренних дел, от деятельности других государственных органов, которые напрямую не заняты поддержанием правопорядка, является то, что они осуществляют защиту прав не только конкретной личности и не только применительно к конкретной ситуации. В обязанность органов входит реакция на любое нарушение правового порядка, которое может стать фактором, затрудняющим реализацию прав широкого круга лиц. Это значит, что деятельность сотрудников также связана с поддержанием общественного порядка в его широком понимании, что обеспечивается не только за счет инструментов, применение которых вменено им в обязанность, но и за счет проявления разумной инициативы, гражданской позиции, высоких морально-волевых качеств. Поэтому деятельность органов внутренних дел объективно способствует обеспечению естественных прав человека.

Подводя итог, необходимо сказать, что органы внутренних дел по своим функциям занимают ведущую роль в обеспечении прав человека. Создание условий, благоприятствующих осуществлению прав человека правовыми способами, обеспечивается ими посредством реализации правоохранительной функции государства, и, прежде всего, – предупреждением нарушений правопорядка.

¹ Гавриленко В. И. Гражданское общество: конституционно-правовые характеристики // Вестник Саратовской государственной академии права. – 2004. – № 1. – С. 38.

² Пункт 1. ст. 10 Федерального закона № 3-ФЗ «О полиции» от 7 февраля 2011 г. (ред. от 03.02.2014 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2011. – № 7, ст. 900.

ПОЛИЦИЯ РОССИИ:

ТРИ ВЕКА НА СТРАЖЕ ПРАВОПОРЯДКА И ЗАКОННОСТИ

Сборник статей

НАУЧНОЕ ЭЛЕКТРОННОЕ ИЗДАНИЕ

В авторской редакции
Компьютерная верстка *Кухаревой Е. А.*
Усл.-печ. л. 10,11.

Систем. требования: CPU 1,5 Гц; RAM 90,4 МБ; Windows XP SP3;
1 Гб свободного места на жестком диске.
Подписано к изданию 21.12.2018.

ISBN 978-5-9694-0620-9

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя
117997, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 12